

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

История развития науки. Развитие медицинской науки. ...

Блок, Николай Николаевич

10
2015
Часть X

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 10 (90) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, доктор филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

На обложке изображен Николай Николаевич Блохин (1912–1993) — российский хирург-онколог, академик АН СССР и АМН СССР, общественный деятель.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Алипулатов И. С.**
Доверие к власти 979
- Алифанова Ф. С., Сенцов А. Э.**
Будущее России как политический концепт ... 981
- Андрэа Г.**
ЕС и Румынское положение на Черном море
и ОЧЭС 983
- Багнюк В. А., Сенцов А. Э.**
Выражение концепта будущего в программе
партии «Патриоты России» 987
- Башук М. С.**
Политический процесс и СМИ: особенности
функционирования 989
- Башук М. С.**
Политические функции средств массовой
информации 991
- Будаева С. В., Черкасова Н. В., Белоганов В. А.**
Роль японо-американского альянса безопасности
на современном этапе и последствия
для России 993
- Будаева С. В., Черкасова Н. В.**
Региональные конфликты КНР и возможные
негативные последствия для национальной
безопасности Российской Федерации 998
- Будков С. В., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А.**
Политическая идеология и партийное
доминирование: российский случай 1002
- Везуина М. А.**
Выгоды и издержки вступления Румынии
в Европейский Союз 1005
- Гагина О. А., Сенцов А. Э.**
К проблеме идеологии в парламентских
партиях 1008
- Давыдова В. И., Сенцов А. Э.**
К проблеме моделирования будущего
в партийных программах 1011
- Дружинин К. П., Куимова М. В.**
About charisma in politics 1013
- Жилинская А. В., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А.**
Партийное преобладание: сравнение понятий
«правящая партия», «доминирующая партия»
и «партия власти» 1014
- Звягинцева Е. В., Сенцов А. Э.**
Особенности представления концепта будущего
в политических программах 1016
- Иванищев В. О.**
Применение неоинституционального подхода
к изучению проблемы экстремизма 1018
- Каа К. А., Сенцов А. Э.**
Выражение концепта будущего в современной
политической идеологии 1021
- Караханова Р. В.**
Аргентина в XXI веке: основные векторы
внутриполитического развития 1024
- Кетов А. Р.**
Молодёжное экстремистское движение
в современной России
как «виртуальная страта» 1026
- Китновская О. В.**
Дискуссии об определении лоббизма
в политической теории 1029
- Крупницкий Н. Е., Сенцов А. Э.**
Особенности политического моделирования 1032
- Кудрина А. А.**
Рынок труда 1920-х гг.: от трудовой повинности
к безработице 1034
- Онищенко А. К., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А.**
Трансформация идеологии в мире политики 1036

Плотников Е. Е., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А.

Патриотическая риторика как источник
сохранения политического порядка
в современной России 1039

Пятых К. Н., Сенцов А. Э.

Особенности политических коммуникаций .. 1041

Сычева-Барабанова Т. В., Сенцов А. Э.

Концепт будущего в программе «Россия, которую
мы выбираем» партии «Единая Россия» 1044

Ухвачев Г. И., Куимова М. В.

Некоторые особенности политической
речи 1046

Черявко Т. П., Сенцов А. Э.

Идея сильного государства (на материале
российских политических партий).....1047

Яковлева Э. В.

Современные информационные войны
и политика. Обзор 1050

СОЦИОЛОГИЯ

Арискин М. В., Медведева Л. М., Немова Е. Ю.

Адаптация выпускников вузов при выходе
на рынок труда. Основные проблемы 1053

Ижаева Д. С.

Молодая семья как объект социальной
работы..... 1054

Калашникова Г. В., Харитонова В. З.

Озабоченность населения экологической
обстановкой в связи с развитием особой
экономической зоны промышленно-
производственного типа «Алабуга» 1056

Павлова Е. В.

Управленческая культура: понятие, сущность,
основные черты 1059

Пантелеев В. Г.

Конструирование образов регионов:
социологический ракурс изучения 1061

Рябинская Т. С.

Социокультурный экскурс в историю наказания
за преступления, совершённые с помощью лжи
и обмана 1065

ПОЛИТОЛОГИЯ

Доверие к власти

Алипулатов Ильман Субханович, кандидат филологических наук, доцент
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Сегодня в Дагестане и за его пределами многие аналитики задаются вопросом: как скоро новая политическая команда Рамазана Абдулатипова сможет изменить тревожную ситуацию, которая складывалась в республике многие годы?

По мнению ряда экспертов, приход в Дагестан нового руководителя, политика общероссийского масштаба послужило поводом для того, чтобы дагестанское общество попыталось осмыслить, куда идет республика, перед какой пропастью она оказалась и почему?

Приоритеты дагестанской политики на ближайшие годы определены: безопасность, стабильность, развитие. Это ключевые принципы строительства новой политики призваны служить главной цели — улучшение качества жизни и обеспечения безопасности граждан.

Один из уважаемых дагестанцев, генерал-майор Омар Муртазалиев уверен, что многие благоприятные условия в многоплановом развитии республики все еще не востребованы. Так получилось, что в последние годы консервативные и невежественные силы отдавали предпочтение, незаконному обогащению небольшой части «новых дагестанцев», способствуя обнищанию большинства. По словам многих аксакалов, политологов, рядовых дагестанцев сегодня очень важно, чтобы руководители всех уровней власти, чиновники показывали личный пример скромности, а не демонстрировали свое состояние в виде многочисленных квартир, земельных участков, дворцов и дорогих автомашин.

Как утверждают эксперты, в новых условиях нужны нестандартные подходы, свежие идеи в организации работы. По словам известного дагестанского ученого, доктора политических наук, профессора Абдуллы Магомедова ныне наступил период политической открытости. Волевой публичный акт первого руководителя легитимирует, санкционирует в обществе определенный баланс побудительных и тормозных функций, стимулируя созидательные усилия народа, интеллигенции и элиты, обеспечивая гласность и открытость власти, восстанавливая порядок и стабильность.

Сегодня представители новой республиканской власти в поиске новых подходов к решению застарелых проблем

По мнению профессора Юрия Сагидова в Дагестане в настоящее время в целом во всех, без исключения сферах практической деятельности и управления нарушена адекватность между трудовыми затратами действующих субъектов (как индивидуальных, так и корпоративных) и результативным присвоением ими различных благ. Основой нарушения эквивалентности является то, что она размыта, прежде всего, отсутствием определившихся идеалов и идейности, которые должны были бы направлять людей в единое русло, обеспечивая одновременно собственного и общественного процветания

Дагестанцы ждут коренного улучшения качества жизни, повышения благосостояния. И для того, чтобы все наши соотечественники чувствовали себя комфортно, работали с настроением, были уверены в завтрашнем дне — необходимо, прежде всего, стабилизировать общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию в республике, создать нормальные безопасные условия для проживания. И, разумеется, решение этих серьезных задач дагестанцы связывают с новыми лицами в дагестанской власти и, прежде всего, с именем Главы республики Рамазана Абдулатипова.

Эксперты — аналитики высказывают самые разные мнения по поводу того, насколько эффективно работает новая политическая команда Р. Абдулатипова в сложных дагестанских условиях. По словам известного политолога Абдулнасыра Дибирова, первые шаги Главы Дагестана направлены на то, чтобы нивелировать наиболее вопиющие проявления несправедливости в республике, которые и являются главными причинами протестных настроений. Безусловно, что идет чистка в рядах чиновников, кадровые решения принимаются и на уровне муниципальной власти и правительства. В целом же предстоит тяжелая работа, — прогнозировал два года назад эксперт телевизионной аналитической программы «Акценты» на канале «Россия» ВГТРК «Дагестан» [1].

Анализ ситуации в Дагестане показывает, что наши соотечественники, по крайней мере, подавляющее большинство, в ожидании серьезных позитивных перемен. И сегодня многие дагестанцы сами готовы оказать практи-

ческую помощь в наведении элементарного порядка в республике. Просто не все еще знают, как и каким образом это сделать?

Деятельность руководителя Дагестана Рамазана Абдулатипова, сегодня многие эксперты оценивают положительно. Так, политолог Ханжан Курбанов считает, что погружение Рамазана Абдулатипова в Дагестан и столкновение с реальностью состоялись достаточно быстро. И уже давно появились твердые контуры его политической и экономической программы. Уже заявлены приоритеты сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса, программа индустриализации дагестанской экономики. Кроме того, уже поставлена задача для семи конкретных приоритетов республики, принята специальная федеральная программа «О неотложных мерах по развитию Дагестана».

И как отмечают многие независимые эксперты, для того, чтобы улучшить экономические показатели, решить самые острые социальные проблемы, необходимо, прежде всего, создать в Дагестане стабильную общественно-политическую обстановку. А сегодня ситуация в республике многими политологами, по-прежнему оценивается, как сложная и напряженная. Разрыв числа богатых и бедных растет в угрожающей пропорции, при этом разница их доходов приближается к соотношению один к 40. Добавим сюда воровскую приватизацию, разгул коррупции, и станет понятно, что даже усилиями СМИ невозможно создать хотя бы иллюзию общественного согласия и стирания контраста между удовлетворенными потребностями одних и неудовлетворенными у других.

В последнее время в Дагестане осознана необходимость систематического диалога власти и общества, создание структур осуществляющих общественный контроль за деятельностью государственных органов власти и местного самоуправления.

Инициативы общественников должны стать частью государственной политики. Так, Глава Дагестана Рамазан Абдулатипов на первой же встрече активно поддержал членов республиканской общественной палаты, он регулярно встречается с общественниками, рассматривать возможность включения в резерв выдвижения молодых, способных общественников. Но конкретной и целенаправленной работой с этой большой группой дагестанцев должны заниматься руководители всех уровней: парламента, правительства, министерств и ведомств.

Литература:

1. Дибиров А.-Н. З. — Интервью программе «Акценты» Махачкала, 2.02.2015 г.
2. Пашин С — Выступление на заседании Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Махачкала, 14.03.13 г.

По мнению эксперта Сергея Пашина, никакое гражданское общество не может существовать без активного взаимодействия и диалога с органами государственной власти. — Необходимо создавать общественные площадки, на которых будут обсуждаться проблемы, и даваться оценка работе властных структур. Первым шагом на пути к этому процессу стало создание общественных советов при Министерствах, ведомствах, государственных учреждениях. Но работа в этом направлении наводит на серьезные размышления. Зачастую членами советов становятся люди случайные, не компетентные, но самое главное — люди, не пользующиеся авторитетом и уважением в республике [2].

Многие дагестанцы весьма положительно оценивают деятельность нового проекта «Гражданский университет», который функционирует на базе ДГУ. Его организаторы — Администрация Главы и Правительства РД, Даггосуниверситет и республиканское общественное объединение «Ассамблея развития гражданского общества» возлагают большие надежды в плане системного, целенаправленного диалога власти и общества. Но работа этого проекта нуждается в совершенствовании и новизне. Такие же публичные дискуссионные площадки нужны сегодня на телевидении, в печатных СМИ, во всех городах и районах. И самое главное в диалоге с молодежью, рядовыми людьми должны участвовать представители федеральной, региональной власти, органов местного самоуправления.

Сегодня гражданское общество является очень важным элементом политической системы.

Давление активного гражданского общества — надежное лекарство против бюрократической инерции... Таким образом, проведение публичных мероприятий является одной из наиболее эффективных форм воздействия на деятельность органов государственной власти через выражение общественного мнения.

Именно человек должен стать не только главным действующим лицом политического развития, но и основным объектом государства. И очень хочется верить, что в нынешних условиях каждый дагестанец на себе почувствует заботу и внимание со стороны власти. Важно, чтобы власть была готова слышать конструктивную критику, конкретные предложения, направление на улучшение общественно-политической и социально-экономической ситуации в Дагестане.

Только так можно вернуть доверие людей к власти.

Будущее России как политический концепт

Алифанова Фаина Сергеевна, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: политическая партия, политическая концептология, концепт будущего, программа партии.

Для современной политической науки представляется крайне актуальным рассмотрение политического концепта будущего на материале программных документов партий. В нашей работе концепт будущего рассматривается на материале программ двух политических партий — «Единая Россия» (Программное заявление «Россия, которую мы выбираем») и Коммунистическая партия Российской Федерации (далее — КПРФ).

«Единая Россия» — российская правоцентристская политическая партия, созданная 1 декабря 2001 года на учредительном съезде общественно-политических объединений «Единство», «Отечество» и «Вся Россия». Официальная идеологическая платформа партии, описанная её лидерами как центризм и консерватизм, предполагает «государственническую» позицию, заявленный прагматизм, противопоставление себя более радикальным движениям. Партия поддерживает курс действующего правительства и президента [2].

КПРФ — левая политическая партия в Российской Федерации, самая массовая из левых партий России. Образована на II чрезвычайном съезде коммунистов России (13–14 февраля 1993 года) как восстановленная Коммунистическая партия РСФСР. Партия была представлена в Государственной думе всех созывов, а также имеет представительство в органах власти на региональном уровне. Своей стратегической целью в долгосрочной перспективе называет построение в России «обновлённого социализма». В краткосрочной перспективе ставит перед собой задачи прихода к власти «патриотических сил», национализации недр и стратегических отраслей экономики с сохранением малого и среднего предпринимательства, усиления социальной направленности политики государства [5].

Программы политических партий уже становились объектами исследования в социологии, журналистике, теории связей с общественностью (Вишневецкий 2000, Кирилова 2002, Тимошенко 2002; Зеленин 2000, Бублик 2001, Мотузенко 2002 и др.). Отдельные аспекты функционирования языковых единиц и структур в партийной программе исследовались с точки зрения лингвистики (Иссерс 1997, Кривоносов 2002, Лисовский 2000, Наминова 2001, Пономарев 2001, Green 1991, Gaffney 1991, Weidhorn 1987 и др.) [7].

Однако на настоящий момент не обнаружено целостных исследований, посвященных структуре отдельных концептов в программах партий. Существуют лишь фраг-

ментарные упоминания отдельных концептов (понятий), например у Т. Болла [1].

Выбор в данной работе для исследования концепта будущего не случаен. Сама структура программ политических партий (построение перспектив долгосрочного развития, обилие обещаний и т.д.) способствует его яркому отражению в них. Даже названия современных политических программ подтверждают правильность выбора концепта, например «План Путина — достойное будущее великой страны» («Единая Россия»), «Горизонт 2007–2017. Вернуть России будущее» («Союз правых сил»), Стратегия «Казахстан 2030» и т.д.

Концепт будущего неразрывно связан с понятием времени. Категория времени обладает особым статусом в жизни человека и является одной из центральных тем философской рефлексии.

В текстах программ политических партий очень хорошо прослеживается процесс течения времени, ведь сама структура программы политической партии (которая являет собой прагматическое отражение партийной идеологии, ставит конкретные цели и задачи на будущее, содержит оценку и критику прошлого и настоящего) способствует яркому представлению в ней соответствующих концептов (прошлого, настоящего и будущего).

Концепт — явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы: концепт является калькой с латинского *conceptus* «понятие», от глагола *concipere* «зачинать», т.е. значит буквально «поятие, зачатие»; понятие от глагола *поняти*, др.-рус. «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены» буквально значит, в общем, то же самое [10]. В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, одно вместо другого.

Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

Каждый концепт имеет определенную структуру, хотя он и не может быть представлен как жесткая структура, подобно значению отдельного слова.

Типы концептов разнообразны по содержанию и по структуре. Однако любой концепт обязательно имеет базовый слой, который «всегда представляет собой опре-

деленный чувственный образ (автобус — желтый, тесно, трясет; искусство — картины; религия — церковь, молящиеся люди)». Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов), кодирующую данный концепт для мыслительных операций, и поэтому может быть назван кодирующим [11, с. 58].

Можно говорить о базовом слое концепта — чувственном образе, кодирующем его как мыслительную единицу, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Когнитивные слои, образуемые этими концептуальными признаками и отражающие развитие концепта, его отношения с другими концептами дополняют базовый когнитивный слой [11, с. 59].

В плане структуры концепты можно подразделить на три типа — одноуровневые, многоуровневые и сегментные. Исследуемый концепт будущего в рассматриваемых программах относится к последнему типу. Он представляет собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Чувственно-образным ядром концепта будущего в Программном заявлении «Единой России» является наглядный образ «свободной, единой, суверенной, процветающей России» [9]. В программе КПРФ ядро концепта — единое, целостное и независимое Отечество [8].

Данные образы практически идентичны, они являются кодирующими, единицами универсального предметного кода, той целью, к которой, в конечном счете, стремится каждая из партий [3, 973].

На уровне сегментов концепта будущего программы рассматриваемых партий не совпадают. В программе «Единой России» сегменты сформулированы уже и конкретнее — сбережение российского народа; придание нового качества борьбе с коррупцией и создание в России экономики инновационного типа [4]. Тогда как КПРФ формулируют приоритеты шире и абстрактнее — установ-

ление демократической власти трудящихся; более широкое участие трудящихся в управлении государством и формирование социалистических общественных отношений.

Базовый слой концепта и его когнитивные сегменты представляют ядро концепта. Но кроме ядра, концепт имеет объемную интерпретационную часть/поле — совокупность слабее (по сравнению с ядерной частью) структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок, вытекающих в рассматриваемом тексте из содержания концепта [11, с. 61]. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию.

На уровне периферии рассматриваемого концепта программы партий практически совпадают, поле представлено в основном задачами в социальной, экономической и политической сферах. Просто в заявлении «Единой России» (10 обязательств партии на ближайшие 10 лет) они представлены более кратко и сжато, чем в программе КПРФ (24 меры по реализации целей партии).

Представленные интерпретационные поля указывают на взаимодействие рассматриваемого концепта с другими, показывают многообразие и разноплановость когнитивных слоев, образующих периферию концепта.

Именно метод концептуального анализа позволяет проникнуть в закономерности дискурсивного (нелинейного) развертывания политического текста, выявить внутреннюю связь между глобальными метафорическими концептами и используемыми терминосистемами, между концептами, относящимися к разным языковым уровням. «Метафора дает нам возможность понимать те области опыта, которые не очень обладают собственной доконцептуальной структурой» [6, с. 143].

Таким образом, структура концепта будущего в рассмотренных программах совпадает не полностью, данный концепт имеет свой особый вид в каждом из рассмотренных программных документов политических партий.

Литература:

1. Болл, Т. Власть [Электронный ресурс] // Полис, 1993. № 5. с. 36–42. — URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81515> (дата обращения 18.03.2015).
2. Единая Россия. Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
3. Жилинская, А. В., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А. Патриотическая риторика как источник сохранения политического порядка в современной России // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 970–973.
4. Захарченко, Е. А., Тумакова Н. А. К вопросу аутентичности в обучении иностранным языкам // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1058–1060.
5. Коммунистическая партия Российской Федерации. Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 28.03.2015).
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М., 1990.
7. Логинова, И. Ю.. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (На материале английского языка): Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. — СПб., 2004. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/93333.html#introduction> (дата обращения 28.03.2015).
8. Программа Коммунистической партии Российской Федерации [Электронный ресурс] // Коммунистической партии Российской Федерации: официальный web-сайт. — URL: <http://kprf.ru/party/program> (дата обращения 28.03.2015).

9. Программное заявление партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Единая Россия: официальный веб-сайт. — URL: <http://edinros.ru/eg/rubr.shtml?110100> (дата обращения 28.03.2015).
10. Степанов, Ю. С. Теория языка, 2006. [Электронный ресурс] // URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml (дата обращения 28.04.2015).
11. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. издание/Под ред. И. А. Стернина. — Воронеж, 2001. с. 58–65.

ЕС и Румынское положение на Черном море и ОЧЭС

Андрэа Гаврила, аспирант

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

В статье рассмотрено Черное море — критический узел в стратегиях независимых государств, которые появились из конфигураций холодной войны. ОЧЭС стал интегралом к развивающейся политике и стратегиям государств Восточного Средиземноморья, большого Южного Кавказа, Большого Ближнего Востока и, конечно, Европы.

Ключевые слова: ОЧЭС, Черном море, ЕС, Румыния, Европейская политика соседства.

This article reviews the Black Sea — a critical node in the strategies of independent states that emerged from the configurations of the Cold War. BSEC has become integral to developing policies and strategies for the Eastern Mediterranean Region, the large South Caucasus, the Greater Middle East and, of course, Europe.

Key words: BSEC, the Black Sea, UE, Romania, European Neighbourhood Policy

Организации ОЧЭС благодаря многосторонней экономической инициативе удалось способствовать стабильности и процветанию среди государств-членов, поощряя и вселяя взаимодействие и сотрудничество в Черноморском регионе. Тем не менее, после этих лет скромного, но все же возрастающего развития Организации, несколько вопросов, кажется, остаются без ответа. Входя в новую эру сложных и радикальных изменений в глобальном и региональном сообществе, важно способствовать и обрисовать в общих чертах развитие современного и амбициозного, гибкого видения Черноморской области.

Довольно очевидно, что Черноморский регион — неотъемлемая часть европейской системы безопасности и сотрудничества и, в то же время, это — жизненная и стратегическая связь с огромным потенциалом и ресурсами Средней Азии. [1]

Черное море — критический узел в стратегиях не только независимых государств, которые появились из конфигураций холодной войны. ОЧЭС стал интегралом к развивающейся политике и стратегиям государств Восточного Средиземноморья, большого Южного Кавказа, Большого Ближнего Востока и, конечно, Европы. Черноморский регион также иногда описывается как неблагополучный регион; он имел политически нестабильное прошлое и до сих пор представляет собой скопление споров, трений, конфликтных ситуаций, некоторые из которых достаточно непредсказуемые. И очевидно, что там, где все эти движущие силы сходятся, интерес крупных игроков становится все больше и больше и они усиливают свое присутствие в ближневосточной и Средней Азии.

Страны ОЧЭС признают тот факт, что дальнейшее сотрудничество на основе торговли и развития в регионе должно быть связано с возобновлением и увеличением стабильности посредством доверия и «мягких» мер безопасности, поскольку естественно, что успешному экономическому развитию на любом уровне предшествует определенное политическое решение. Правильная политика способствует хорошей экономике, и наоборот. Стабильное политическое окружение является благоприятной основой для экономического роста, создавая условия, которые подразумевают свободную торговлю, миграцию трудового населения, стабильную валюту, доступный кредит для иностранных инвестиций. Эти особенности экономического развития вряд ли произойдут там, где политические конфликты доминируют над всем остальным.

Часто утверждается, что у ЕС нет никакой стратегии относительно Черноморского региона. Но фактически у ЕС есть не менее трех стратегий: расширение в Юго-восточную Европу и Турцию, Европейская политика соседства (ENP) по отношению к Восточным и Южным соседям, а также четыре 'общие границы' с Россией. В рамках каждой из этих отдельных стратегий двусторонние отношения доминируют и они поддерживаются самими соседями. Одним из исключений является Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП), который предоставляет финансовое обеспечение и значительные возможности Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС).

У ОЧЭС и ЕС есть взаимный интерес к развитию отношений и установлению функционального механизма

для внедрения согласованных проектов и действий на региональном уровне. В то же время европейцы должны признать, что область ОЧЭС — новая юго-восточная граница Европы. [2]

Черноморский регион и ОЧЭС обладают уникальным месторасположением и перспективой развития. Недавние политические и экономические события, связанные с безопасностью, показали необходимость более широкой стратегической картины. Сегодня уникальное время в современной истории, и Черноморский регион — уникальное стратегическое пространство.

Доминирование двустороннего подхода — общая особенность политики соседства ЕС. Но стоит отметить, что ЕС развил дополнительные региональные политики в своих отношениях со всеми своими соседними областями — например, Северное измерение, процесс стабилизации и ассоциации и Евро-Средиземноморское партнерство — за исключением Черноморского региона. ЕС активно участвует в региональных организациях, а также инициативах более широкого масштаба, выходящего за границы европейской области — Баренцева и Балтийского советов, Центрально-Европейской Инициативы, Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы и других, исключение представляет только ОЧЭС.

Это, конечно, поднимает вопрос, почему же ЕС не развивал Черноморский регион. Чиновники ЕС ответили бы, что у ЕС есть Черноморская региональная политика посредством региональных секторных инициатив и программ в ключевых областях регионального сотрудничества в регионе. ОЧЭС предпринял значительные политические инициативы в последние годы, после довольно длительного периода консолидации. То, что это заняло такое долгое время, следовало ожидать, рассматривая разнообразие и непрекращающуюся враждебность среди многих стран Большого Черноморского региона. Эти инициативы — все в соответствии с целями ЕС, и обеспечивают дополнительную стоимость, выходя за географические пределы ЕС.

Именно в интересах ЕС и ОЧЭС действуют эти инициативы, с учетом технических особенностей и прошлых недоразумений. Действительно, были случаи, когда участники ОЧЭС, члены и кандидаты ЕС (Греция, Болгария, Румыния и Турция) отказались или не поддержали инициативы ОЧЭС из-за неуверенности по поводу их совместности с требованиями членства в ЕС.

Разнообразие стран, входящих в Черноморский регион — главная сила ОЧЭС. Некоторые страны являются постоянными игроками на мировой политической арене, в то время как другие являются относительно новыми членами ЕС. Некоторые представляют собой важных игроков в энергетическом секторе, или же демонстрируют впечатляющую продукцию экономического сектора. Некоторые страны имеют большой потенциал в транспорте, туризме, культуре и других секторах. Однако всех их объединяет одно море и одна организация ОЧЭС, имеющая сильное наследие. [3]

Одна иногда разнообразие может быть не плюсом, а минусом, когда оно используется неправильным способом или если это развивает конкуренцию. Мы все видели примеры возможностей, представленных важными ориентирами в операции ОЧЭС, которая много потратила на взаимную борьбу по двусторонней проблеме или по устранению недоразумений среди компонентов системы. Нельзя игнорировать, что такие проблемы важны, и что они должны быть решены. Однако имеет ключевое значение тот факт, что ОЧЭС имеет возможность откладывать такие проблемы. Тем не менее, очень важно проделать работу над совместными действиями и созданием взаимопонимания, чтобы установить путь для лучшего будущего всех участников.

Традиционная румынская политика по отношению к Черноморскому региону и прилегающих районов была объяснена бывшим Министром иностранных дел Николае Титулеску, который раньше подчеркивал, что все, у чего есть любая связь с Черным морем, касается Румынии в высшей степени, поскольку Черное море с его проливами — единственный выход страны к морю и океан. Говоря о интересах к Румынии за границей, он также подчеркивал, что любая серьезная внешняя политика должна базироваться, в первую очередь, на создании хороших отношений с соседними государствами. Эти два постулата определили международное поведение страны, начиная с провозглашения ее независимости в 1877. [4]

Именно на этом фоне Румыния приветствовала турецкую инициативу создать Организацию черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) и активно участвовала во всех стадиях его учреждения и последующего развития. Фактически, самая первая сессия Рабочей группы, которой поручили разработку целей ОЧЭС, принципов и приоритетных сферы деятельности, проводилась в Бухаресте в начале 1991. Что явилось символическим, так это то что сессия проводилась в Доме Титулеску как напоминание, что между двумя мировыми войнами он сыграл большую роль в становлении динамического субрегионального сотрудничества в Центральной и Юго-восточной Европе.

Как страна-член ЕС в регионе, Румыния обращает особое внимание на улучшение регионального сотрудничества в структурах ЕС: Европейская политика соседства, Восточное Партнерство и Черноморские Совместные действия. Румыния оптимистична, говоря о будущем взаимодействии ЕС — ОЧЭС, которое должно все еще достигнуть своего полного потенциала. [5]

Особый интерес Румынии в желании многостороннего сотрудничества со странами Черноморского региона можно объяснить несколькими вескими причинами. Кроме того, считалось, что успешное внедрение региональных проектов в регионе общих интересов увеличил бы взаимное доверие среди участвующих стран и таким образом создал бы более благоприятный климат, способствующий прогрессу на пути достижения приемлемые решения проблем региона.

Согласно основной философии задумки организации, цель ОЧЭС состоит в том, чтобы гарантировать Черноморскому региону лучшее будущее, стабильность и процветание, способствовать дружественным отношениям среди участвующих стран. Хотя главные сферы деятельности ОЧЭС были и все еще остаются в экономической сфере, периодические саммиты и регулярные встречи, два раза в год, Министров иностранных дел Государств-членов также дают этой организации политическую важность. Такие встречи часто предоставляют удобные возможности различным участникам рассмотреть различные темы с благотворным влиянием на политический климат и стабильность региона.

Во внешней политике Румынии Черноморский регион представляет один из основных приоритетов. Здесь имеется ввиду геостратегическое положение Румынии на реке Дунай и на берегу Черного моря, около средиземноморской области, Ближнего Востока и Средней Азии. Особую роль в этом положении играет экономический потенциал соответствующего региона, особенно нефть и природный газ, разнообразие культурных, религиозных и социальных традиций. Это те самые параметры, которые учитывает Румыния, участвуя во всестороннем сотрудничестве со странами этой области. Превращение Черноморского региона в стабильную, демократическую и процветающую область с ясной перспективой интеграции в Евроатлантические структуры является соответствующей целью, непосредственно связанной с главными стратегическими интересами Румынии. Очевидно, что европейское будущее Черноморского региона представляет цель долгосрочного участия Румынии как вектора стабильности и демократической безопасности.

Румыния одобрила тот факт, что Черноморское экономическое сотрудничество (ЧЭС), начатое Турцией, могло стать частью процесса интеграции в Европе, способствуя многостороннему экономическому сотрудничеству среди его государств-членов, с целью достижения стабильности через экономическое процветание. С тех пор ЧЭС развился в зрелую региональную экономическую организацию с широким установленным основанием и обширными правовыми рамками. ЧЭС развил свою отличную региональную идентичность как уникальную, полезную и многостороннюю структуру регионального сотрудничества в обширном регионе стратегического значения, который простирается от Адриатического до Каспийского моря. Можно сказать без сомнения, что ОЧЭС — единственная в таком масштабе международная организация, которая, посредством ее действий, способствует региональному сотрудничеству в межправительственной, межпарламентской, деловой, банковской и ученой степени между 12 странами Большого Черноморского региона. [6]

Как член-учредитель ОЧЭС, Румыния глубоко интересуется развитием отношений со странами Черноморского региона и придает особое значение участию в действиях ОЧЭС. Как свидетельство ее уважения к ценностям этой

организации, Румыния увеличила, начиная с 2008, свой ежегодный обязательный вклад в Бюджет ЧЭС (практически в два раза!). Румыния также была среди главных сторонников превращения ЧЭС в Организацию, действия которой сосредоточились бы на формулировке и внедрении определенных проектов в областях взаимного интереса. Наряду с Грецией и другими странами ОЧЭС, Румыния была ярым сторонником идея развивать Черноморский регион, поскольку этот регион менее важен для континента, чем Северная Европа.

Главный интерес Румынии претворять в жизнь действия ОЧЭС и увеличить эффективность, последовательность и видимость Организации на международном уровне. Румыния поддерживает развитие отношений партнерства между ОЧЭС и ЕС и оценивает факт, что все государства-члены ОЧЭС подписались на глобальный демарш для подлинного восстановления отношений между ЕС и ОЧЭС. Стратегический, последовательный подход ЕС к области должен учесть огромный экономический и геостратегический потенциал области.

Для Румынии, имеющей диалог с Российской Федерацией и Турцией по Большому Черноморскому региону, очень важно найти баланс и сохранить его, поскольку также Румыния представляет интересы США и ЕС, которые хотят участвовать в формировании будущего этого региона. Румыния хочет объединить измерение безопасности и стабильности в пределах ОЧЭС. Она уже продвинула в структуре ОЧЭС Меморандум о взаимопонимании между ОЧЭС и ИСЮВЕ.

Подобные соглашения о сотрудничестве были заключены с Международной организацией по Миграции и некоторыми специализированными учреждениями от системы ООН. С точки зрения безопасности Румыния обращает особое внимание на каждое возможное действие, нацеленное на борьбу с несколькими асимметричными рисками, такими как: терроризм, организованная преступность, незаконная торговля оружием, наркотиками и людьми, отмывание денег и коррупция. Что касается демократического развития, Румыния вместе с другими государствами готова обеспечить заинтересованным странам этого региона свои собственные экспертные знания относительно экономических реформ, установленного возобновления и надлежащего управления, консолидации власти закона и необходимой окружающей среды для иностранных инвестиций. [7]

Известно, что Румыния постоянно выражала свой интерес в дальнейшем сотрудничестве с соответствующими государствами Черноморского бассейна, а также с другими европейскими государствами и структурами для расширения транспортных коридоров, принимая во внимание важные существующие средства, такие как Морской Терминал порта Констанца и Дунай-черноморский Канал. Более представляют интерес для Румынии такие коридоры, как № IV (соединяющий Западную Европу с белой областью через Констанца, № IX (соединяющий Северные и южные части европейского континента) и № VII (соеди-

няющий Западную Европу со Средней Азией и Ближним Востоком, у реки Дунай и Черного моря).

Румыния в качестве члена Центра развития ОЭСР и ПСЮВЕ имеет возможность действовать в духе Меморандума о взаимопонимании, подписанного в Афинах в 2002, поскольку внедрение определенных энергетических проектов означает создание в Черноморском регионе и Юго-восточной Европе «интегрированных энергетических рынков» как часть более широкой европейской энергетической сети. Поскольку Черноморский регион становится существенной областью транзита нефти и природного газа, Румыния поддержит консолидацию диалога ЕС со странами производства Южного Кавказа и Средней Азии, чтобы подготовить почву для двустороннего развития маршрутов транзита стран-членов ЕС. Очевидно, что Черноморский регион будет представлять в будущем важный столб энергетической безопасности и стабильности для Европы и, в частности для Центральной и Юго-восточной Европы.

Румыния полагает, что должно быть много сделано в области регионального сотрудничества, особенно в экологическом секторе, в образовательной области (поддержав уже существующую инициативу сети Черноморских университетов), в туризме, в секторе таможенных услуг, здравоохранения и фармацевтики, культуры, включая диалог среди культур, помощи при оформлении визы, гражданского планирования на случай чрезвычайной ситуации, установленного возобновления и надлежащего управления. Румыния приветствует и поддерживает расширение сотрудничества в таких областях действий, которое выгодно для народов этой области.

Литература:

1. Strategia privind bazinul maritim al Mării Negre; http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/policy/sea_basins/black_sea/index_ro.htm
2. Tunc Aybak, Political Economy of the Black Sea: Dynamics of Conflict and Co-operation, Tauris, 2001
3. Tunc Aybak, Political Economy of the Black Sea: Dynamics of Conflict and Co-operation, Tauris, 2001
4. Ascherson, Neal (1995), Black Sea, Jonathan Cape, London, p. 270.
5. European Commission. Implementation of the Eastern Partnership: Report to the meeting of Foreign Affairs Ministers, (335/10 REV 2). Brussels: European Commission, 13 December 2010.
6. European Commission. A new response to a changing Neighbourhood. COM (2011) 303. Brussels: European Commission, 25 May 2011.
7. BSEC (2006), 'Background Paper on the Ways and Means of Enhancing the BSEC Contribution to Strengthening Security and Stability in the Region', Journal of Southeast European and Black Sea Studies, vol. 6, no. 2, Routledge, June, pp. 297.

Румыния очень ценит прогресс, достигнутый ОЧЭС в его отношениях с ОЭСР, ОБСЕ, ЮНОДК, РМУ и другими региональными и международными организациями, которые помогают внедрению некоторых важных проектов в Черноморском регионе, таких как развитие международного сотрудничества, улучшение деловой среды, борьба с незаконной миграцией и организованной преступностью. Румыния выступает за распространение сотрудничества ОЧЭС с другими государствами и международными организациями.

Румыния, как член и ЕС и ОЧЭС, продолжает обращать особое внимание на участие в действиях ОЧЭС, будучи убежденной, что любой вклад в программы и проекты развития в Черноморском регионе представляет инвестиции в будущую безопасность, стабильность и процветание европейского континента.

Несомненно, важность Черноморского региона существенно вырастет в ближайшем будущем из-за его стратегического местоположения и экономического потенциала, поэтому ОЧЭС должна усилить свою роль в стабилизации области, где большинство стран находится все еще в переходном процессе преобразования.

Как и в случае других региональных организаций, таких как Ассоциация Юго-восточных Азиатских Стран (АСЕАН) и Шанхайская Организация Сотрудничества, дальнейшее развитие многостороннего сотрудничества в Черноморском регионе может быть достигнут через усиленное сотрудничество партнерства среди всех государств-членов ОЧЭС.

Выражение концепта будущего в программе партии «Патриоты России»

Багнюк Валерия Александровна, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: политическая концептология, концепт будущего, партия «Патриоты России».

Партийная программа является самостоятельным типом текста, функционирующим в рамках политического дискурса. Как центральный документ, обуславливающий деятельность всей партии/ее членов, программа имеет характер основополагающего, «первичного» текста, на основе которого создаются пресс-релизы, публицистически информационные статьи, листовки, тексты публичных выступлений и др. [3].

В данной работе рассматривается программа политической партии «Патриоты России» — левоцентристской политической партии, созданной на основе объединения ряда партий и общественных организаций, входящих в коалицию «Патриоты России». Лидер партии — Геннадий Юрьевич Семигин, председатель Народного правительства (созданного в марте 2005 года), председатель Координационного совета Народно-патриотического союза России (НПСР), доктор политических наук, профессор. Главной стратегической целью партии является создание в России общества равных возможностей, гармонично сочетающего политическую стабильность, социальную справедливость и устойчивое экономическое развитие. Партия стремится к объединению всех оппозиционных сил страны на базе патриотизма, основываясь на социалистических, социал-демократических и центристских взглядах на развитие общества и государства [4].

Между тем, одно из центральных мест в современной лингвистике занимает проблема концептуализации/категоризации окружающей действительности. Однако на настоящий момент не обнаружено целостных исследований, посвященных структуре отдельных концептов в программах партий. Существуют лишь фрагментарные упоминания отдельных концептов (понятий), например у Т. Болла [1].

Концепт имеет определенную структуру, хотя он и не может быть представлен как жесткая структура, подобно значению отдельного слова.

Можно говорить о базовом слое концепта — чувственном образе, кодирующем его как мыслительную единицу, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Когнитивные слои, образуемые этими концептуальными признаками и отражающие развитие концепта, его отношения с другими концептами дополняют базовый когнитивный слой [7, с. 59].

В плане структуры концепты можно подразделить на три типа — одноуровневые, многоуровневые и сегментные. Концепт будущего в исследуемой программе политической партии относится к последнему типу. Он пред-

ставляет собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Чувственно-образным ядром концепта будущего в программе «Патриоты России» является наглядный образ «великой, сильной, влиятельной в мире, процветающей России, в которой обеспечены духовное развитие, благополучие и счастье всех граждан» [5]. Данный образ является кодирующим, единицей универсального предметного кода, той целью, к которой, в конечном счете, стремится партия.

Таким образом, базовый слой концепта включает следующие когнитивные признаки — величие, силу, влияние в мире и процветание, которые наслаиваются на базовый, кодирующий образ и составляют вместе с ним базовый слой исследуемого концепта.

Сегменты концепта представлены в программе партии в виде четырех приоритетов:

- Человек, гражданин, личность. Все возможности для его свободы, развития и самореализации.
- Семья, обеспечивающая необходимые условия для развития и счастья личности. Она должна стать главной ценностью для человека, общества и государства.
- Общество. Оно должно стать подлинно гражданским.
- Государство. Оно должно стать по-настоящему правовым, демократическим и социальным.

Базовый слой концепта и его когнитивные сегменты представляют ядро концепта. Но кроме ядра, концепт имеет объемную интерпретационную часть/поле — совокупность слабее (по сравнению с ядерной частью) структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок, вытекающих в рассматриваемом тексте из содержания концепта [7, с. 61]. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию.

В программе «Патриоты России» интерпретационное поле концепта будущего представлено в виде основных задач в социальной, экономической и политической системах.

В социальной системе:

- утверждение национальных задач и национальных приоритетов;
- рост доходов населения не менее чем в 2 раза;
- мощный демографический рост и развитие нации;
- обеспечение современным и доступным жильем всех нуждающихся в этом граждан;

— приостановка и радикальная переработка реформ здравоохранения; образования; жилищно-коммунальной; пенсионной; социальной и других;

— обеспечение социальной защиты всех граждан страны;

— реализация предложенной партией системы мер по качественному улучшению жизни старшего поколения, инвалидов, молодежи, жителей села и ряда других социальных групп;

— решение жилищно-коммунальной проблемы;

— обеспечение достойного бесплатного здравоохранения и образования для всех граждан;

— ликвидация массовой безработицы;

— внесение поправок в Трудовой кодекс, кардинально расширяющих возможности развития системы социального партнерства;

— реализация социально значимых проектов в российских регионах, ведущих к решению неотложных проблем их жителей.

В экономической системе:

— формирование социальной ориентированной рыночной экономики; кардинальная структурная перестройка экономики, преодоление ее энерго-сырьевой ориентации;

— радикальное изменение бюджетной политики;

— осуществление научно-технологического прорыва;

— интеграция экономики в мировое хозяйство на выгодных для России условиях;

— разработка предложений по рациональному и справедливому использованию природных ресурсов;

— изменение системы налогообложения компаний;

— налоговая, кредитная и иная необходимая поддержка развития малого, среднего бизнеса, массового семейного и индивидуального предпринимательства;

— содействие вступлению России в ВТО только на приемлемых для нас условиях;

— разработка и реализация экономически обоснованных проектов по развитию российских регионов.

В политической системе:

— обеспечение свободных и честных выборов;

— обеспечение всей полноты ответственности представителей власти перед народом;

— развитие в регионах и муниципальных образованиях различных форм самоорганизации населения;

— содействие формированию действенной политической системы с опорой на федеральные партии и массовые общественные объединения;

— результативное участие партии в выборах депутатов Государственной Думы;

— формирование современной модели правовой системы;

— реализация принципа «сильная Федерация и сильные регионы»;

— укрепление мира и безопасности, противодействия агрессивному глобальному гегемонизму, реализация альтернативного варианта мирового устройства и межгосударственных отношений;

— реализация роли России как великой мировой державы в решении наиболее острых проблем человечества;

— интенсификация объединительных процессов на пространстве СНГ;

— обеспечение достаточности военной мощи России для надежной защиты территориальной целостности и независимости страны, ее политических и экономических интересов;

— резкое усиление борьбы против терроризма, организованной преступности и коррупции;

— выработка и осуществление эффективной государственной экологической политики.

Представленное интерпретационное поле указывает на взаимодействие рассматриваемого концепта с другими, показывает многообразие и разноплановость когнитивных слоев, образующих периферию концепта [6, с. 21].

Именно метод концептуального анализа позволяет проникнуть в закономерности дискурсивного (нелинейного) развертывания текста программы политической партии, выявить внутреннюю связь между глобальным метафорическим концептом будущего и используемыми терминосистемами, между концептами, относящимися к разным языковым уровням [2, с. 143].

Удачным представляется выбор для исследования именно концепта будущего. Ведь сама структура программы политической партии (которая являет собой прагматическое отражение партийной идеологии, ставит конкретные цели и задачи на будущее) способствует яркому представлению в ней указанного концепта (отражающего, в свою очередь, ориентацию, перенесенную из идеологии партии).

Литература:

1. Болл, Т. Власть [Электронный ресурс] // Полис, 1993. № 5. с. 36–42. — URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81515> (дата обращения 18.03.2015).
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М., 1990.
3. Логинова, И. Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (На материале английского языка): Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. — СПб., 2004. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/93333.html#introduction> (дата обращения 28.03.2015).
4. Патриоты России. Материал из Википедии — свободной энциклопедии // [Электронный ресурс] // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D1%8B_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 24.02.2015).

5. Программа партии «Патриоты России» [Электронный ресурс] // Патриоты России: официальный web-сайт. — URL: <http://www.patriot-rus.ru/#partyProgramm> (дата обращения 24.03.2015).
6. Сенцов, А. Э. Моделирование политического будущего в партийных программах // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. — 2014. — № 3 (27). — с. 19–25.
7. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. издание/Под ред. И. А. Стернина. — Воронеж, 2001. с. 58–65.

Политический процесс и СМИ: особенности функционирования

Башук Мария Сергеевна, студент

Волгоградский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматривается значение СМИ в качестве актора современного политического процесса. Анализируются функции СМИ и политического процесса. Анализируется взаимообусловленность медийного и политического процесса. Автор приходит к выводу, что политический процесс и СМИ взаимообусловлены.

Ключевые слова: *СМИ, политика, информация, политический процесс, медийный процесс.*

В современном Российском государстве политический процесс не стал более управляемым. Во многом это объясняется тем, что действия субъектов политики по-прежнему спонтанны и непредсказуемы. На данном этапе развития заметно проявилась информационная сущность политического процесса. Опираясь на мнение исследователей, можно проследить следующую мысль — сегодня «то, что не показали по ТВ, вообще не произошло в политике» [1, с. 29].

По мнению исследователей, многосубъектный характер политической деятельности порождается благодаря массовым коммуникациям: «в обществе складываются определенные группы, политическая деятельность которых направлена на предложение различных, отличных друг от друга, форм и методов сохранения заданного качественного уровня жизнедеятельности социума. Развитие технических средств приводит к возникновению массовых коммуникаций, которые не только и не столько осуществляют информационное обслуживание общества, сколько занимаются транслированием и внедрением оценок субъектов политической деятельности в массовое сознание с целью ориентации последнего в необходимом для субъектов направлении» [2, с. 105]. Многие исследователи сходятся во мнении, что политическому процессу всегда была присуща информационная составляющая, поскольку «с древнейших времен жизнь человека зависела не только от его способности добывать пищу и т. п., но не в меньшей мере и от того, насколько быстро и полно он получал информацию (например, об опасности) и насколько быстро на нее реагировал. На эту управленческую сторону до настоящего времени не обращалось должного внимания» [3, с. 78].

В политике информация рассматривается как необходимый и весьма специфический ресурс. «В отличие от природных, денежных ресурсов, информация не убывает по мере ее использования, поэтому ее политического

влияния хватает на любую аудиторию. Информация неотчуждаема, и приобретение новой информации не уменьшает нашей способности приобрести еще столько же» [1, с. 28]. Для манипулирования поведением людей часто достаточно использование одного информационного ресурса. Например, всем знакомая фраза, которую можно услышать в выпусках новостных программ, освещающих террористические акции: «Ответственность за событие взяла на себя определенная организация...». Аудитории преподносится лишь один вариант развития событий, вследствие чего, она принимает эту информацию и верит в нее. То есть, в основе поведения любого человека лежит информация, меняя ее можно манипулировать сознанием, влиять и контролировать действия социума. Для наглядности приведем схему, в результате которой «рождается» действие любого человека: Наблюдение действительности Создание идеала в сознании наблюдающего Сравнение наблюдений с идеалом Извлечение разницы Побуждение к действию Выбор методов действия Совершение действия.

В каждом этапе предложенной схемы содержится информация. Результат наблюдения действительности фиксируется в человеческом сознании именно как информация. Каждый человек при работе с информацией создает идеал в своем сознании, сравнение этого идеала с наблюдениями — это «борьба» информации, полученной из реального мира в процессе наблюдения, с информацией, созданной в сознании человека. В силу всего выше перечисленного, можно с уверенностью констатировать: информация не может стоять в одном ряду с другими ресурсами, которые используются субъектом политики, преследующим свои цели. Информация — необходимое условие и первопричина любого действия в политике.

В политологии считается, что чем больше использовано ресурсов, тем более значимо происходит смена поведения людей, групп, политических институтов. Поэтому для по-

литического процесса не может быть много или мало информации. Однако, использовать информацию (распространяя ее) нужно разумно, поскольку можно не обладая какими-либо силовыми ресурсами, изменить поведение людей и тем самым повлиять на смену направления политического процесса в другое русло. Поэтому, информацию стоит воспринимать как условие и основу для политических процессов.

Л.Г. Свитич, исследователь в области теории журналистики и массовой коммуникации, отмечает, что «этот феномен молниеносного доступа к информации в любом уголке вселенной, доступа к любым историческим событиям, возможность проникнуть в любое время кажется непостижимым и гипотетическим, однако прекрасно объясняет все непонятные явления, природу паранормальных феноменов, предвидений, предсказаний, открытий, природу творчества, природу религий и многое другое, что в рамках традиционной механистической парадигмы объяснить было невозможно. И эта всеобщность информации и потенциальная возможность получить доступ к ней кажется суперважной идеей, напрямую связанной с массовой коммуникацией, журнализмом, способами обмена, кодирования и перекодирования информации» [4, с. 17].

Рассматривая информацию в качестве сущности политического процесса и что это способствует нелинейности процессов в политике мы сталкиваемся с вопросом: кто стоит за информацией в политическом процессе? Традиционная политология выделяет властные структуры как самостоятельного субъекта политики.

Не возникает сомнений, что властные структуры, как субъекты политики имеют в своем распоряжении некоторые ресурсы (информационные, финансовые, социальные и т.п.) и используя их могут самостоятельно вызывать нужные им информационные потоки. Например, традиционный политический институт власти, разделенный на три ветви предполагает свой информационный продукт в виде законов, распоряжений. Но противоречие заключается в том, что «политическая власть больше не является монополией институтов государства и политических партий, — она распространяется по глобальным сетям богатства, информации и имиджей, которые циркулируют и видоизменяются, не привязанные более к какому-то одному определенному географическому месту» [1, с. 32.]. Таким образом, функционируя в своей привычной информационной зоне, политические институты не способны выиграть «информационную битву» с другими субъектами политического процесса. Поэтому, можно говорить о том, что традиционные институты власти обязаны выходить за рамки привычного информационного пространства и осваивать более подвижное медийное пространство.

Можно определить закономерность взаимосвязи политических и медийных процессов: политический процесс, инициированный самостоятельными субъектами политики, имеет определенное информационное сопро-

вождение. Иногда возникает альтернативный вариант политического процесса, в результате которого на политической арене появляются новые субъекты отношений — например, отдельная личность. Этот вариант принято называть эффект «снежного кома». Он проявляется в тех случаях, когда несколько информации по конкретному политическому поводу «цепляются», но не похожи по смыслу, а схожи по характеру восприятия. Политология признает личность как субъект политики только в соединении с другими личностями, поэтому так популярна теория группы как участника политических отношений. Однако современный политический процесс показывает обратное: «Никогда прежде общество не допускало, чтобы формирование политических ценностей зависело от получения прибыли или личного своекорыстия богатых соискателей политической власти. Особую опасность эта ситуация приобретает в условиях непрерывного расширения зрительской аудитории, когда телевидение становится всепроникающей культурной силой» [1, с. 30]. То есть, если отдельная личность обладает информационными или материальными ресурсами для влияния на информационные процессы, она может быть самостоятельным субъектом политики.

Это заставляет по-иному взглянуть на взаимовлияние политического и медийного процессов. Направляя политические события в определенное русло необходимо совершить само политическое действие и обеспечить его информационное сопровождение. Либо наоборот: сначала направить медийный процесс в запланированном направлении, а потом инициированный поток информации подкрепить реальным политическим действием. В этом случае, отношения медийного и политического процесса определяются единой целью и становятся воедино. Но медийный процесс не возможно спланировать, он противоречив и стихийен, в отличие от спланированного политического процесса. С одной стороны, он может как способствовать политическим событиям, усилить «отдачу» от конкретных политических действий, так и порождать другой поток информации, не способствующий развитию политических событий в запланированном русле. Такие столкновения противоречащих потоков информации в медийном процессе вызывают информационные войны, которые могут направлять политический процесс.

Также, бывают случаи, когда средства массовой информации (далее-СМИ) в своих публикациях, репортажах и комментариях могут пролить свет на скрытые пружины политики правящих кругов, обратить внимание общественности на наиболее одиозные стороны их деятельности. В качестве примеров можно назвать публикацию западной газеты «The New York Times» части так называемых "документов Пентагона», разоблачение газетой «The Washington Post» уотергейтского скандала, трансляцию ведущими телекорпорациями разоблачительных слушаний этого дела в конгрессе, мобилизацию общественного мнения ведущими органами СМИ западных стран против грязной войны США во Вьетнаме и многое

другое. Можно упомянуть и то, что отдельные органы СМИ США сыграли свою роль в уходе с политической арены президентов Л. Джонсона и Р. Никсона. Другими словами, общественное мнение, в той или иной форме вы-

раженное через СМИ, играет немаловажную роль в ограничении власти и конкретных действий правящих кругов, в разоблачении отдельных наиболее вопиющих нарушений законности с их стороны.

Литература:

1. Василенко, И. А. Информационные ресурсы власти и формирование новой постклассической картины политического мира XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 Политические науки. 2004. № 2. с. 28–40.
2. Науменко, Т. В. Массовые коммуникации в политической структуре общества // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2003. № 3. с. 105–110.
3. Панарин, И. Н. Информационная война и геополитика. М., 2006. с. 78.
4. Свитич, Л. Г. Феномен журнализма/под ред. проф. Я. Н. Засурского. М., 2000. с. 17.

Политические функции средств массовой информации

Башук Мария Сергеевна, студент

Волгоградский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются функции СМИ в качестве субъекта современного политического процесса. Анализируются функции СМИ, воздействие СМИ на политику и общество. Автор приходит к выводу, что главные функции СМИ должны быть связаны с задачами интеграции общества в мировые процессы.

Ключевые слова: средства массовой информации, политика, функции, общество, демократическое общество, гражданское общество, политические процессы.

На определенном этапе общественного развития для удовлетворения потребности людей в общении появился такой социальный институт как средства массовой информации (далее — СМИ), без которого сегодня невозможно представить функционирование мирового общества.

Однако, несмотря на некоторые различия в толковании основных понятий, большинство исследователей языка СМИ сходятся во мнении, что они не просто отображают окружающую действительность, объективно фиксируя происходящие вокруг события, они прямо или опосредованно, в открытой или скрытой форме, влияют на все политические процессы, и их роль в обществе определяется совокупностью функций, которые они выполняют.

Некоторые ученые выделяют следующие политические функции СМИ:

Информативная функция заключается в информировании аудитории о событиях в мире и реализуется в новостных материалах [6, с. 98].

В исследованиях некоторых американских лингвистов в рамках информативной функции выделяются две ниже следующие частные функции:

1. Удовлетворение общественных потребностей в получении информации, главным образом о важных политических, экономических событиях, непосредственно влияющих на жизнь каждого члена общества (public surveillance). Путем освещения негативных моментов, последствий того или иного события она дает возможность

журналистам привлечь внимание аудитории, властей к той или иной актуальной проблеме.

2) Удовлетворение частных потребностей в получении информации (private surveillance), когда любой член общества может получить ту информацию, которая актуальна для него на данный момент [6, с. 126].

В США и странах Западной Европы журналисты также должны руководствоваться принципом социальной ответственности. Он заключается в том, что своими материалами корреспонденты должны способствовать улучшению, совершенствованию общества, призывая к этому аудиторию [6, с. 56].

Идеологическая функция считается одной из важнейших функций СМИ. Видение происходящих событий представляется массовой аудитории через призму определенных культурных ценностей и политических ориентиров. Данной функцией оказывается имплицитное влияние на строй мышления человека, стиль его мировосприятия.

Благодаря оценке и анализу конкретных фактов текущей политической, экономической и других сфер жизни посредством СМИ формируются ценностные ориентиры общественного сознания. При этом интерпретация и оценка событий осуществляются на уровне как отбора фактов, так и их освещения с тех или иных идеологических позиций с использованием определенных лингвистических средств.

Когнитивная функция СМИ заключается в том, что язык СМИ, как и язык других сфер деятельности (ре-

лигиозно-мифологической, философской, научной и др.), создает определенную картину мира — публицистическую [5, с. 55].

В исследованиях, представляющих собой синтез коммуникативного и когнитивного начал, выделяется **коммуникативно-когнитивная функция** СМИ. Она проявляется в том, что посредством информирования осуществляется управление коллективным адресатом, т. е. контролирование и регулирование поведения огромных масс людей [4, с. 130].

При реализации **образовательной функции** осуществляется повышение образовательного уровня аудитории и распространение знаний в рамках специальных образовательных программ, каналов [3, с. 45].

Образовательная функция СМИ перерастает в **функцию социализации**. Политическая социализация означает интернализацию, усвоение человеком политических норм, ценностей и образцов поведения. Она позволяет личности адаптироваться к политической и социальной действительности. [2, с. 120]

Функцию критики и контроля в политической системе осуществляют не только масс-медиа, но и оппозиция, а также специализированные институты прокурорского, судебного и иного контроля. Однако критика СМИ отличается широтой или даже неограниченностью своего объекта. Её контрольная функция основывается на авторитете общественного мнения. СМИ дают юридическую и моральную оценку тем или иным событиям и лицам. [1, с. 78]

В осуществлении контрольной функции в демократическом обществе СМИ опираются как на общественное мнение, так и на закон. Эта функция осуществляется в проведении журналистами журналистского расследования.

Необходимо отметить, что некоторые исследователи выделяют в качестве отдельных **функцию воздействия**, или **социального управления** и **функцию манипуляции**. Функция воздействия заключается в формировании моделей поведения, привычек, сознания в целом на основе тех ценностей и политических идеалов, которые задаются особенностями государственного устройства и демонстрируются в СМИ. Функция манипуляции представляет собой регулирование политических процессов с помощью СМИ. В большинстве же случаев СМИ поддерживают действующую политическую систему, поскольку политическая ситуация в стране и находящиеся у власти политики являются одним из главных источников новостей [6, с. 50].

По мнению Е.П. Прохорова СМИ способствуют выдвиганию суждений и оценок деятельности социальных институтов (властных в том числе) и должностных лиц на предмет выполнения ими своих обязанностей перед обществом. В числе наиболее значимых функций СМИ называется функция формирования массового сознания (идеологическая или социально ориентирующая), которая включает в себя широкий диапазон воздействия — начиная с сообщений о фактах, событиях, воздействия

на общественное мнение, до воздействия на ценности, идеалы, мировоззрение аудитории. [6, с. 60].

Значимой представляется функция СМИ применительно к уровню гражданского общества. Так, применительно к социуму выделяются следующие функции [8, с. 110]:

I. Информационная:

- информирование о событиях и условиях жизни в обществе и мире;
- информационное обеспечение инновационных процессов.

II. Социальной связи:

- комментирование и интерпретация происходящего;
- поддержка существующих норм и властных отношений;
- социализация;
- координация разнонаправленной социальной активности, формирование общественного согласия.

III. Обеспечение преемственности:

- выражение образцов доминирующей культуры, обеспечение «узнавания» субкультур, новых культурных направлений;
- поддержание общности социальных ценностей.

IV. Рекреативная:

- создание возможностей для отдыха и развлечения;
- снижение социальной напряженности.

V. Мобилизации:

- организация кампаний в связи с актуальными целями в политике, экономике, социальной сфере.

В.В. Ворошилов в качестве генеральной функции СМИ называет формирование и развитие общественного сознания с целью образования в людях социально-психологических качеств, взглядов и убеждений, отвечающих требованиям гражданского общества, основанного на демократизации и рыночных отношениях, и превращения убеждений в практические результаты в области материальной и духовной жизни [2, с. 86].

Представление о функциях СМИ менялось потому, что менялся сам предмет. В современном, информационно насыщенном обществе СМИ играют другую, несравненно более важную роль, нежели они играли в первой половине прошлого века.

Таким образом, СМИ, изначально возникшие для удовлетворения потребности людей в получении информации, в общении, стали неотъемлемой частью жизни человека. Они информируют, анализируют, формируют картину мира, развлекают. При этом любая функция СМИ в какой-то степени может рассматриваться как воздействующая: с целью сообщить новые знания о той или иной ситуации, сформировать или изменить ценностные ориентиры, модели поведения, привычки, создать определенную картину мира, приобрести тот или иной товар или услугу. [7, с. 95]

Средства массовой информации — это, прежде всего, институт гражданского общества, именно гражданского общества, а не власти (хотя, частично и это имеет место),

и не коммерческих структур (хотя включение в систему экономических отношений имеет место во всем мире). Соответственно, главные функции СМИ должны быть связаны с задачами интеграции общества при том, что для ау-

дитории наиболее важным выступает ориентирующая рекреативная, утилитарная функция СМИ, а для социальных институтов — организационная, агитационно-пропагандистская.

Литература:

1. Бурдые, П. О телевидении и журналистике. — М., 2003. с. 78.
2. Ворошилов, В. В. Журналистика. 2-ое издание. — С.-Петербург, 2000. с. 86.
3. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. — В.: Изд-во ВФ МУПК, 2003. с. 45–50.
4. Журналистика в 2001 году: СМИ и вызовы нового века: тез. науч.-практ. конф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. с. 130–145.
5. Кубрякова, Е. С., Цурикова, Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: Учеб. пособие по специализации. Ч. 2. — М.: Изд-во МГУ, 2004. с. 55–70.
6. Прохоров, Е. П. Введение в журналистику/Е. П. Прохоров. — М.: Высш. шк., 1988. с. 50–130.
7. Комаровский, В. С. Государственная Служба и СМИ. — Воронеж. Издательство ВГУ, 2003.
8. Филиппов, С. СМИ как механизм формирования гражданского общества в переходных системах // Власть. — 2002. — № 8. — с. 110.

Роль японо-американского альянса безопасности на современном этапе и последствия для России

Будаева Светлана Владимировна, кандидат философских наук;
Черкасова Надежда Викторовна, кандидат социологических наук;
Белоганов Валерий Анатольевич, кандидат политических наук
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье рассматривается ряд аспектов, препятствующих развитию российско-японского сотрудничества: прочность японо-американского альянса с сопутствующими обоюдными обязательствами.

Раскрывается современный характер внешней политики Японии, в которой заключен целый набор весомых предпосылок для кардинального обновления отношений между нею и Россией.

Актуализируется изучение новых предпосылок во внешней политике Японии, которые приобретают особую актуальность в целях обеспечения безопасности России.

Подчеркивается, что для полноценного раскрытия внешней политики Японии необходимо рассматривать ее через призму японо-американских отношений, так как сегодня этот альянс является краеугольным камнем не только японских интересов в мире, но и американских в Азии.

Ключевые слова: Россия, Япония, США, Токио, Вашингтон, внешняя политика, японо-американский союз, безопасность, сотрудничество, международные отношения, стратегия, вооруженные силы, национальные интересы, региональная ПРО, мировая система.

Одними из главных акторов АТР являются Россия и Япония, чьи отношения во многом оказывают влияние на будущее региона. Сотрудничество в пограничной сфере — крупный дополнительный фактор укрепления доверия между Россией и Японией, поддержание стабильности и порядка в их сопредельных акваториях.

В настоящее время существует ряд аспектов, препятствующих развитию российско-японского сотрудничества. Во-первых, хроническая проблема принадлежности южных Курильских островов. Во-вторых, прочность япо-

но-американского альянса с сопутствующими обоюдными обязательствами.

В то же время в современном характере внешней политики Японии заключен целый набор весомых предпосылок для кардинального обновления отношений между нею и Россией. Изучение новых предпосылок во внешней политике Японии приобретает особую актуальность в целях обеспечения безопасности России.

Для полноценного раскрытия внешней политики Японии необходимо рассматривать ее через призму япо-

но-американских отношений, так как сегодня этот альянс является краеугольным камнем не только японских интересов в мире, но и американских в Азии.

В некотором роде японо-американский союз можно считать уникальным. Во-первых, альянс основан на двусторонних отношениях победителя и побежденного. Во-вторых, у Японии и Соединенных Штатов нет общих культурных и исторических корней. В-третьих, это не военный союз, а оборонительный, главной задачей которого является обеспечение безопасности Японии.

Возникший в результате Второй мировой войны японо-американский альянс в области безопасности и по сей день является фундаментом, на котором строятся отношения между государствами. Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией 1960 г. — это законодательная база союза, которая предоставляет право Соединенным Штатам разместить военные базы на архипелаге взамен на обязательство США защищать Японию в случае нападения.

Партнерство пережило несколько геополитических преобразований, установив свои рамки в послевоенный период, а расширивших их после холодной войны, вследствие подъема Китая и ядерной проблемы Северной Кореи. Сотрудничество во время войн в Персидском заливе и Ираке, землетрясение Тохоку 2011 г. подтвердили прочность альянса, но проблемы все еще сохраняются. Американское военное присутствие на Окинаве, ядерная проблема КНДР, нерешенные территориальные споры с Китаем, Россией и Кореей, а также недавние попытки Японии восстановить свою обороноспособность только подстегивают к усилению японо-американского союза. Однако это не соответствует российским интересам и ставит под сомнение: во-первых, безопасность Дальнего Востока в рамках национальной безопасности, во-вторых, стабильность в Восточной Азии из-за присутствия США, как раздражителя Северной Кореи в рамках международной безопасности.

Изначально альянс создавался с целью защиты Японии от угрозы, исходящей от Советского Союза. Но с распадом СССР и окончанием холодной войны, угроза безопасности исчезла, а союз остался и даже окреп. Это связано с тем, что падение биполярной системы не оправдал надежд большинства ученых и геополитиков, которые ожидали, что международные отношения утратят свою конфликтность и напряженность и наступит триумф западной либеральной идеологии. Однако, этого не произошло, наоборот число конфликтов возросло и появились новые угрозы безопасности, которые также затрагивают интересы Японии.

В начале 1990-х гг. японо-американский альянс столкнулся с кризисом самосознания. Общий враг — Советский союз прекратил свое существование и характер двустороннего сотрудничества в области безопасности утратил прежний смысл. Потребовалось переосмыслить и перестроить стратегию безопасности, в результате чего государства пришли к выводу, что японо-американский

альянс должен играть главную роль в постбиполярном мире. Подтверждением этого вывода на высшем уровне стало Совместное заявление по вопросам безопасности между Японией и США: Альянс в XXI в. 1996 г., также известная как Декларация Клинтона-Хасимото. Значение этого документа подтверждается тремя аспектами. Во-первых, Декларация является официальным заявлением о трансформации японо-американского альянса из рудимента холодной войны в основание для обеспечения стабильности и процветания в новую эпоху. Во-вторых, партнерство теперь выходит за рамки традиционной модели, выражавшейся в обязательстве США защищать Японию. Совместное заявление расширило сотрудничество до обеспечения безопасности на региональном и глобальном уровнях, включив такие задачи, как урегулирование проблемы на Корейском полуострове и участие в миротворческих и гуманитарных операциях. В-третьих, Декларация устанавливала сотрудничество Вооруженных Сил США и Сил самообороны Японии [2].

В последующие годы оба правительства следовали этому заявлению, и в рамках сотрудничества была принята новая редакция Руководящих принципов японо-американского оборонного сотрудничества в 1997 г., которые установили три основные категории партнерства в области безопасности:

1. сотрудничество в мирное время;
2. действия в ответ на вооруженное нападение против Японии;
3. сотрудничество в чрезвычайных ситуациях, возникающих в окружающих Японию районах, которые могут влиять на ее безопасность и стабильность [3].

Новые Руководящие принципы рассматривают около 40 вопросов сотрудничества в области третьей категории, которые, в свою очередь, также можно разделить. Во-первых, участие в деятельности, инициируемой правительствами обеих стран. Сюда относятся, например, поисковые и спасательные операции, эвакуации. Участвовать в них или нет, решение на усмотрение каждой стороны. Во-вторых, поддержка Японии в военной деятельности Соединенных Штатов, включающее в себя снабжение, предоставление транспорта, техническое обслуживание. В-третьих, японо-американское оперативное сотрудничество, которое подразумевает обмен информацией и обеспечение безопасности мореплавания в японских территориальных водах и в воздушном пространстве [3].

Из-за некоторых положений Совместной декларации 1996 г. и Руководящих принципов 1997 г., а именно участие в миротворческих и гуманитарных операциях и сотрудничество в чрезвычайных ситуациях, возникающих в окружающих Японию районах, японскому правительству необходимо было принять новое законодательство, чтобы позволить Силам самообороны участвовать в указанных выше мероприятиях. В апреле 1998 г. правительство представило законопроект в Парламент, который был окончательно принят в 2000 г. Новый закон создавал правовую основу для сотрудничества с американскими во-

енными в районах, прилегающих к Японии, включая тыловое обеспечение, поисковые и спасательные операции, инспекции судов [4].

На дальнейшее развитие японо-американского альянса оказали влияние события 11 сентября 2001 г. Уже на следующий день премьер-министр Японии Дз. Коидзуми высказал решимость бороться с такими ужасными актами насилия в сотрудничестве с международным сообществом. Он дал задание членам своего кабинета, сделать все возможное для принятия мер по борьбе с терроризмом. После чего 19 сентября 2001 г. премьер-министр Дз. Коидзуми выступил с законодательной инициативой, предусматривавшей предоставление Силам самообороны Японии права быть направленными за рубеж для оказания поддержки возглавляемой США коалиции в Афганистане без непосредственного участия в боевых действиях [5]. В операции в Ираке 2003 г. Япония оказывала материальную и техническую помощь, снабжая топливом, предоставив самолеты и другую технику [18]. Несмотря на опасения большинства населения, более 80% японцев [17], премьер-министр Коидзуми в ответ на просьбу Вашингтона в 2004 г. направил сухопутные войска в Ирак численностью в 1000 человек для участия в небоевых операциях в качестве вспомогательной силы, но уже в 2005 г. японский контингент вырос до 4400 человек [6]. К этому времени в Японии оборонный бюджет вырос, общая сумма расходов с 1999 г. по 2003 г. увеличилась более чем в девять раз [11]. Благодаря внутренней оппозиции Япония вышла из коалиции в Афганистане в 2007 г., но Токио продолжал тратить миллиарды долларов на оказание поддержки США в Афганистане, тем самым заслужила похвалу НАТО в 2011 г. [12, 13].

Террористическая атака 11 сентября изменила ситуацию в мире, что также затронуло японо-американский альянс, который пришел к решению о необходимости пересмотреть стратегию безопасности. В результате в 2002 г. на совещании Консультативного комитета по безопасности оба правительства согласились принять Инициативу о пересмотре оборонной политики обеих сторон применительно к новым условиям [7], после чего 16 декабря 2002 г. по итогам заседания Консультативного комитета безопасности было принято совместное заявление [1], положившее начало длительным американско-японским консультациям и переговорам по двустороннему оборонному сотрудничеству.

Благодаря Инициативе Япония приняла Руководящие принципы программы национальной обороны в 2004 г., которые определяют две цели политики безопасности:

1. предотвратить любую угрозу, направленную на Японию, а если не удастся, то минимизировать ее ущерб;
2. в рамках международной безопасности уменьшить вероятность какой-либо угрозы вообще, которая может коснуться Японии [8].

Документ называл следующие угрозы безопасности страны: КНДР с ее ракетной и ядерной программами,

а также КНР, подчеркнув ее интенсивное наращивание военных, ракетных и ядерных средств и модернизацию ВМС и ВВС. Также предлагалось расширить возможности участия Сил Самообороны в миротворческих и гуманитарных операциях и в операциях США. Иными словами, редакция 2004 г. Программы национальной обороны концентрировалась вокруг трех аспектов: собственные усилия Японии, поддержка США в ее военных операциях, участие в международных военных акциях.

Совместные документы за период с 2001 г. по 2005 г. носили хаотичный характер, угрозы были выделены в одном договоре, способы решения в другом, пункты сотрудничества в третьем. По этой причине возникла необходимость создания одного документа, объединяющего все вопросы и выражающего способы адаптации японо-американского союза в новых условиях. В результате в феврале 2005 г. Консультативный комитет по безопасности принял Совместное заявление, ставшее известным как «Общие стратегические цели» — по названию одного из его разделов. Этот документ официально зафиксировал эволюцию альянса от оборонительного характера стратегии к стратегии общих интересов. Общие стратегические цели были разделены на региональные и глобальные. В пункте региональных целей содержалось два положения, касавшихся России:

1. способствовать вовлечению России в конструктивные процессы Азиатско-Тихоокеанского региона;
2. полностью нормализовать отношения Японии и России посредством урегулирования проблемы Северных территорий [9].

В октябре 2005 г. в развитии принятых ранее японо-американским консультативным комитетом решений был сделан еще один важный шаг по согласованию взаимодействия Японии и США в военной области. Комитет одобрил доклад, озаглавленный «Японо-американский альянс: трансформация и перестройка с расчетом на будущее».

Документ предусматривал более тесную координацию разведывательной деятельности, усиление взаимодействия на уровне командования соединениями, а также совместное использование ряда военных баз на японской территории Вооруженными силами США и Силами самообороны Японии.

Таким образом, принятые Руководящие принципы 2004 г. и Совместное заявление 2005 г. трансформировали союз из сугубо оборонительного, действовавшего всегда в рамках Договора по безопасности, в стратегический альянс с расширенными возможностями сотрудничества.

В настоящее время трансформация продолжается, но медленными темпами, о чем свидетельствуют новое Совместное заявление под названием «На пути к углубленному и более широкому американско-японскому альянсу: опираясь на 50 лет сотрудничества» [10], принятое в 2011 г.

Данный документ отличается от предыдущих тем, что появилось новое направление для альянса к соз-

данию региональной архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, через новые цели: развитие трехстороннего сотрудничества с Австралией, также с Южной Кореей, Индией. Сотрудничество в области безопасности между Японией, США и АСЕАН в целом, так и с ее участниками отдельно [10]. Японо-американский альянс постепенно идет к следующей ступени эволюции, так как их сотрудничество не только вращается вокруг вопросов безопасности обеих стран, но и выражает стремление превратиться для начала в регионального гаранта стабильности и безопасности в АТР, а затем и в глобального.

Решение японского правительства о создании системы противоракетной обороны театра военных действий в сотрудничестве с США в декабре 2003 г. затрагивает интересы России в сфере безопасности.

Систему предусматривается сделать двухуровневой. На первом уровне будут использоваться средства ВМС Японии и США, корабли, оснащенные модернизированной для ПРО системой «Иджис», на втором уровне — зенитные ракетные комплексы «Пэтриот-3» (РАС-3) [15].

Первый комплекс РАС-3 поступил в марте 2007 г. на авиабазу сил самообороны Ирума, префектура Сидзуока. Еще три комплекса в 2007 г. были размещены на авиабазах других центральных префектур — Нарасино (преф. Тиба), Касугаура (преф. Ибараки), Такэяма (преф. Канагава). Позднее комплексы РАС-3 были размещены еще в семи пунктах: в 2008 г. — на авиабазе Хамамацу (преф. Сидзуока), в 2009 г. — на авиабазе Гифу (преф. Гифу), базах подводных лодок Хакусан (преф. Миэ) и Аибано (преф. Сига), в 2010 г. — на трех базах подводных лодок (преф. Фукуока) [15].

В сентябре 2006 г. США ввели в действие мощную радиолокационную станцию (X-band) на авиабазе японских ВВС Сярики (преф. Аомори). Станция является ключевым элементом совместной системы ПРО двух стран: она предназначена для слежения за траекториями полетов баллистических ракет [15].

Данное решение по ПРО правительствами обоих государств объясняется как превентивная мера защиты от потенциальной угрозы ядерного удара КНДР по Японии. Однако, создание на Японских островах системы противоракетной обороны вызвало сильную обеспокоенность в Китае. Китайские эксперты подчеркивают тот факт, что этот комплекс обладает не только оборонительными, но и наступательными возможностями. К тому же с помощью ПРО можно осуществлять разведку, иметь информацию об обстановке в регионе [16].

Судя по двусторонним документам, касающимся японо-американского сотрудничества в сфере безопасности, Россия не рассматривается этими двумя странами в качестве противника или объекта сдерживания. Более того, в сентябре 2011 г. глава Тихоокеанского командования вооруженных сил США адмирал Р. Уиллард заявил во время брифинга, что обсуждал с японскими коллегами во-

просы усиления российских вооруженных сил в Дальневосточном регионе и посоветовал не опасаться этого, поскольку данное усиление не направлено против Японии, но вызвано стремлением России восстановить тихоокеанские силы после значительного снижения боеспособности. Адмирал Р. Уиллард посоветовал японским коллегам проводить военные обмены между вооруженными силами России и Японии. Он сказал также, что Россия, чьи вооруженные силы восстанавливаются, становится значимым партнером в регионе [14].

В настоящий момент главным побудительным стимулом развития японо-американского сотрудничества в области обороны и безопасности является рост опасений в этих странах по поводу укрепления экономического, политического и военного влияния Китая. В то же время, усиление оборонного союза США — Японии может играть роль баланса с учетом роста мощи и претензий КНР. В этих условиях России также следовало бы строить свою политику в регионе таким образом, чтобы не нарушить баланс и сохранять хорошие отношения со всеми основными державами.

Совместная деятельность Японии и США в рамках их оборонного союза, нацеленная на поддержание стабильности и процветания в АТР, а также борьбу с терроризмом, пиратством, контрабандой, несомненно, может получить широкую поддержку стран региона. В этих условиях России имеет смысл активнее предлагать свое содействие в реализации целей альянса, отвечающих и ее национальным интересам.

В настоящий момент озабоченность России вызывает американо-японская программа создания региональной ПРО в АТР. Очевидно, что она нацелена не столько на отражение потенциальной атаки со стороны КНДР, сколько против Китая. С таким же успехом эта система может быть использована и против России. Учитывая технологические, научные и экономические возможности тандема США — Япония, можно предположить, что создание региональной ПРО США — Японии будет продвигаться весьма успешно.

Попытки убедить Вашингтон и Токио отказаться от этого проекта с использованием уже опробованных методов, то есть грозных заявлений о том, что Россия найдет адекватный несимметричный ответ, не будут иметь нужного эффекта. В лучшем случае, они будут способствовать восприятию России в Вашингтоне и Токио в качестве врага. Попытки предложить себя в качестве партнера США и Японии по созданию некоей общей ПРО, безуспешно предпринимаемые сейчас Россией на Западе, будут неоднозначно восприняты КНР, учитывая, что он направлен именно против Китая. Поэтому единственно возможным ответом России на американо-японское ПРО в АТР, как и вообще на обострение противостояния между КНР, с одной стороны, и США и их союзниками, с другой, могла бы стать активизация российских усилий по продвижению идеи создания в АТР новой системы отношений в сфере безопасности, которые работали бы

на рост доверия между региональными державами и уменьшали бы необходимость создания ПРО и вообще развития блоковых, по своей сути, структур регионального оборонного сотрудничества.

Таким образом, Япония остается подконтрольна своему «большому союзнику» по сути дела работая по большей части на него и укрепление его влияния в регионе. Только проведение самостоятельной и независимой внешней политики может привести Японию к полноценному лидерству в регионе.

Но в настоящее время развитие связей с Россией японская сторона считает одним из важнейших факторов обе-

спечения безопасности в прилегающих в Японии районах. В этом бесспорная новизна подхода Японии к России на современном этапе. Все возрастающая обеспокоенность Японии многими военно-политическими аспектами ситуации; появлением новых видов вооружений; технологическим прорывом в сфере вооружений объективно толкает Японию на диалог с Россией. Качественно новый взгляд на военный сектор обеих стран позволяет надеяться на возможность установления более тесного сотрудничества.

Отношения России и Японии в мировой системе важны, и это признается политиками обеих держав.

Литература:

1. Joint Statement on Japan-United States Energy Cooperation, November 11, 1983 Совместное заявление о сотрудничестве в области энергетики между Японией и США // Tokyo: Ministry of Foreign Affairs of Japan, 1978.
2. Yamaguchi, N. Redefining the Japan-US Alliance/N. Yamaguchi. — Tokyo: Nipponia, 2012. — 372 p.
3. Takahashi, S. Japan's Defense Policy and the Future of the Japan-US Alliance/S. Takahashi. — Kyoto: Kyoto University, 2012. — 25 p.
4. What is Human Security // Human Security Report Project. — Vancouver: Simon Fraser University, 2008. — 75 p.
5. Yamaguchi, N. Japanese Adjustments to the Security Alliance with the United States/N. Yamaguchi. — Washington D. C.: CBO, 2002. — 260 p.
6. Mizukoshi, H. Terrorists, Terrorism, and Japan's Counter-Terrorism Policy/H. Mizukoshi. — Tokyo: Gaiko Forum, 2003. — 125 p.
7. Jimbo, K. Evolution of Japanese Security Roles after September 11/K. Jimbo. — Quahog: FG, 2003. — 70 p.
8. Kakuchi, S. Japan Peace Constitution debate heats up/S. Kakuchi // Yomimuri Shimbun. — 2004. — № 5.
9. Conachy, J. Koizumi sends Japanese troops to Iraq/J. Conachy // World Socialist. — 2003. — № 7.
10. Mc Curry J. Japan Pulls Out of Afghanistan Coalition/J. Mc Curry // The Guardian. — 2007. — № 7.
11. Takahashi, S. Upgrading the Japan-U. S. Defense Guidelines: Toward a New Phase of Operational Coordination/S. Takahashi. — Washington, D. C.: The Project 2049 Institute, 2013. — 24 p.
12. Территориальная проблема между Японией и Россией: брошюра (Нихон то Росиа но хоппоё: нто: мондаи) // Министерство иностранных дел Японии, 2008. — 5 с.
13. Goodby, J. Northern territories' and beyond: Russian, Japanese, and American Perspectives/Ivanov V. Shimotomai N. — NewYork: PraegerPublishers, 1995.
14. Clark, G. Northern Territories dispute highlights flawed diplomacy/G. Clark // The Japan Times. — 2005. — № 24.
15. Хориути, К. Российский парламент о Северных территориях (Хоппорё: до о мэгуру Росиагикаи но до: ко:)/К. Хориути. — Токио: Кокурицу Коккаитосёкан, 2011. — 34 с.
16. Курода, Х. Историческая энциклопедия (Рекиси гаку дзитэн)/Х. Курода. — Токио: Кобундо, 2005. — 814 с.
17. Землетрясение на Суматре 26 декабря 2004 года [Электронный ресурс] // ria.ru — Режим доступа: <http://ria.ru/documents/20091225/201478763.html#14214749429533&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>
18. Двое японцев в заложниках (Нихондзинх ито дзитифутари о сацугаи) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.nippon.com/ja/behind/100091/>

Региональные конфликты КНР и возможные негативные последствия для национальной безопасности Российской Федерации

Будаева Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент;
Черкасова Надежда Викторовна, кандидат социологических наук, доцент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье рассматриваются ряд погранично-территориальных споров КНР с соседними государствами: в частности с Индией, Японией и Вьетнамом вопрос о разграничении остаётся актуальным.

Данные материалы показали, что вероятные локально-региональные конфликты в КНР могут спровоцировать дезинтеграцию современной китайской модели государства, что в свою очередь приведёт к возникновению ряда серьёзных политических, экономических, демографических, социальных и иных угроз пограничной безопасности Российской Федерации.

Глобальные и региональные угрозы оказывают воздействие на пограничную безопасность. Российские власти вырабатывают новые формы защиты рубежей и совершенствуют приграничное сотрудничество.

Ключевые слова: Китай, Россия, КНДР, Япония, Индия, пограничный спор, ракетно-ядерные испытания, кризис отношений, вооруженный конфликт, внешняя политика, национальная безопасность, Совет Безопасности ООН, Пекин, сосед, претензии.

В настоящее время доминирующей тенденцией развития в мире и Азиатско-Тихоокеанском регионе являются взаимосвязанные процессы глобализации и регионализации, которые оказывают влияние на страны региона, в том числе и на КНР. Эти процессы характеризуются политической, экономической, культурной и религиозной интеграцией и унификацией. Казалось бы, всё это способствует гармонизации международных отношений и укреплению межгосударственных связей, а опасность крупномасштабного глобального конфликта осталась в прошлом, вместе с «холодной войной». Однако события начали развиваться в другом направлении, количество локальных и региональных конфликтов резко увеличилось, они ужесточились и усложнились. Современные локально-региональные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности на земном шаре. Будучи плохо управляемыми, они имеют тенденцию к разрастанию, подключению все большего числа участников, что создает серьёзную угрозу не только тем, кто непосредственно оказался вовлечённым в конфликт, но и всем государствам региона.

Китай является одним из крупнейших государств в мире и граничит с 14-ю странами. Во второй половине XX в. КНР имела территориальные претензии ко всем своим соседям. Руководство КНР исходило из древней геополитической концепции, согласно которой, все территории, когда-либо входившие в китайское государство, принадлежат Китаю. На сегодняшний день ряд погранично-территориальных споров КНР с соседними государствами в целом урегулирован. Однако с некоторыми странами, в частности с Индией, Японией и Вьетнамом вопрос о разграничении остаётся актуальным.

В 1961 г. Китай и Северная Корея подписали Договор о сотрудничестве и дружбе, согласно которому страны обязались оказать военную и иную помощь в случае на-

падения на одну из сторон. Этот договор дважды продлевался в 1981 и 2001 гг. со сроком действия до 2021 г. [8].

Стоит отметить, что после Корейской войны, КНДР умело использовала противоречия, возникшие в советско-китайских отношениях, и получала уступки и привилегии от обеих сторон. В конце 1980-х гг. Пхеньян стал проявлять всё больше самостоятельности в наращивании своего военного потенциала, в том числе создании ракетно-ядерного оружия.

В 1991 г. распался Советский Союз, и КНР осталась единственным серьёзным союзником Северной Кореи. Попытки Пхеньяна улучшить отношения со странами Запада не имели успеха, так как в 1993 г. он отказался предоставить доступ международным инспекторам на свои ядерные объекты, а затем в 1994 г. вышел из МАГАТЭ. С этого момента возник так называемый Северокорейский ядерный кризис, который и на современном этапе представляет угрозу безопасности и стабильности не только Азии, но и всему миру. Переговоры по решению данной проблемы ведутся с 2003 г. В них принимают участие шесть государств: Китай, Россия, США, Южная Корея, Япония и Северная Корея. Каких-либо ощутимых результатов Шестисторонние переговоры пока не принесли.

Ракетно-ядерная программа КНДР с самого начала вызывала недовольство у руководства Китая. КНР, как и все официально признанные ядерные державы, крайне негативно относится к попыткам распространения атомного оружия, к тому же КНДР сначала подписала Договор о нераспространении, а затем, получив доступ к нужным технологиям, вышла из него. Стоит отметить, что проводимые КНДР ракетно-ядерные испытания приводят к наращиванию военного присутствия США в регионе, повышают интенсивность и масштабность американо-южнокорейских учений, в итоге всё это создаёт напряжённость у границ КНР.

В 2012 г. с приходом нового высшего руководства в КНР и КНДР, в китайско-северокорейских отношениях наметился кризис. С тех пор ситуация постоянно ухудшается. Это кажется странным, так как внешняя торговля КНДР практически полностью контролируется Китаем, главным инвестором и поставщиком гуманитарной помощи в Северную Корею также является Пекин.

Демонстративное проведение очередного этапа ядерных испытаний в феврале 2013 года, несмотря на возражения КНР, не способствовало улучшению межгосударственных отношений. После череды экономических и политических конфликтов руководство КНР приняло решение о прекращении государственного финансирования инфраструктурных проектов в КНДР. Кризис сказался и на дипломатических отношениях двух стран. Снизился уровень, и сократилось количество официальных визитов. Примечателен тот факт, что Си Цзиньпин стал первым руководителем КНР, который вопреки устоявшейся традиции, первым делом посетил Сеул, а не Пхеньян. Визит в столицу Северной Кореи пока так и не состоялся.

Новое поколение китайских руководителей не разделяет выбранную КНДР архаичную и иррациональную модель государственного устройства. В Пекине понимают, что административно-командная экономика Северной Кореи крайне неэффективна, а проявления национализма и культ личности вызывают неприятие у китайского народа. Пхеньян, в свою очередь, обеспокоен практически полной экономической зависимостью от КНР и укреплением связей между Китаем и Южной Кореей. Следует отметить, что предыдущий серьёзный кризис в китайско-северокорейских отношениях 1992 г., возник из-за установления дипломатических отношений между КНР и Республикой Корея.

Несмотря на ухудшение отношений между КНР и КНДР, вероятность возникновения китайско-северокорейского вооружённого конфликта крайне мала. Китай как никто другой понимает, что заставило Северную Корею начать разработку ракетно-ядерного оружия. Во-первых, США все послевоенные годы угрожали КНДР применением ядерного оружия [1]. Во-вторых, потенциальные противники Северной Кореи в регионе, Южная Корея и Япония, находятся под «ядерным зонтиком» США.

Поддержав санкции против Пхеньяна в Совете Безопасности ООН, Пекин не вводит экономическую блокаду против своего северо-восточного соседа, прекрасно понимая, что в случае коллапса правительства КНДР последствия будут непредсказуемы.

Китай находится в весьма неудобной позиции. Ни Северная Корея, ни Южная Корея с США не хотят прислушиваться к мнению КНР. При этом с обеих сторон к Пекину предъявляются претензии. КНДР хочет, чтобы Китай гарантировал ей безопасность. Это возможно только в случае восстановления китайско-северокорейского военного альянса, что в свою очередь может привести к реанимации «холодной войны» на Корейском полуострове.

Южная Корея и США, ожидают от Китая более решительных действий в санкционной политике против КНДР, что чревато гуманитарной катастрофой, а в случае падения северокорейского режима, ещё и образованием объединённой проамериканской Кореи.

Таким образом, на современном этапе Китай безусловно заинтересован в решении северокорейской ядерной проблемы и нормализации обстановки на Корейском полуострове. При этом он понимает, что усиление давления стран Запада на КНДР, как и военное вмешательство США не приведёт к желаемому результату. Только путём диалога и взаимных уступок можно добиться разрядки напряжённости на Корейском полуострове, что соответствует стратегическим интересам КНР.

Другим немаловажным объектом внешней политики КНР является Индия. Китайская и индийская цивилизации относятся к числу древнейших в мире, на протяжении тысячелетий они сосуществовали рядом, поддерживая культурные и экономические взаимосвязи между собой. Основная торговля между Китаем и Индией шла по Великому шёлковому пути, который также служил главным направлением распространения буддизма из Индии в Восточную Азию. Во времена опиумных войн Великобритании и Франции против Цинской империи в XIX в. Индия, являющаяся на тот момент частью Британской империи, поддерживала британцев. Во Второй мировой войне, Китай и Индия входили в антигитлеровскую коалицию и внесли свою лепту в разгром Японской империи.

В 1947 г. Индия, в результате многолетней борьбы, обретает независимость от Британской империи. В 1949 г. образовывается КНР. Дипломатические отношения между КНР и Индией были установлены в 1950 г., развивались они крайне конфликтно: войны 1962 и 1987 гг., пограничные столкновения в 1965 и 1967 гг. и ряд пограничных инцидентов, последний из которых произошёл в 2013 г. Всё это свидетельствует о постоянной напряжённости в пограничном пространстве Китая и Индии. Несмотря на то, что сегодня экономические и стратегические связи Индии и Китая успешно развиваются, для установления более благоприятных отношений существует ряд барьеров. Одним из них является замороженный пограничный конфликт, который способен спровоцировать открытое вооружённое столкновение. Однако следует отметить, что на сегодняшний день национальные интересы Пекина и Дели на международной арене совпадают, поэтому не стоит преувеличивать степень военного противостояния Китая и Индии.

Вернёмся к замороженному пограничному конфликту, причиной спора между Китаем и Индией являются две территории: Аксай Чин и Аруначал Прадеш. Аксай Чин находится на западе китайско-индийской границы, площадь спорного района составляет 38 тысяч кв. км, территория которого фактически непригодна для жизни, находится высоко в горах (4–7 тыс. метров над уровнем моря). Аруначал Прадеш — это территория на северо-востоке Индии имеющая статус штата, площадь которой достигает

84 тыс. кв. км., население около 1,5 млн. человек. Аксай Чин управляется КНР, но на него претендует Индия, заявляя, что эта территория является частью штата Джамму и Кашмир. В свою очередь, Аруначал Прадеш находится под управлением Индии, однако Китай оспаривает это.

Начало пограничному спору было положено ещё в 1914 г., когда ослабленный Китай был вынужден принять навязанную Британской империей Симлскую конвенцию, которая утвердила новую границу между Тибетом и Британской Индией по линии Мак-Магона. В результате Индии отошли тибетские территории в восточной части границы, включая Аксай Чин и территории будущего индийского штата Аруначал Прадеш. В 1949 году части НОАК вошли в Тибет и вскоре установили над ним полный контроль. Стоит отметить, что китайское руководство никогда не признавало границу, установленную между Индией и Тибетом по линии Мак-Магона, но в связи с теплыми китайско-индийскими отношениями пограничный вопрос не поднимался. В 1954 г. индийское руководство признало Тибет, частью Китая, считая, что КНР согласился с разграничением по Симлской конвенции. Неурегулированный пограничный вопрос, после ряда провокаций с обеих сторон, вылился в локальную китайско-индийскую войну 1962 г., в которой Индии потерпела сокрушительное поражение. По итогам войны части НОАК заняли Аксай Чин, Индия сохранила за собой Аруначал Прадеш. После китайско-индийской войны 1962 г. отношения между двумя странами оставались напряжёнными. Постоянные стычки на границе привели к китайско-индийским пограничным конфликтам 1965 и 1967 гг., которые завершились тактической победой Индии.

Напряжение в отношениях между Китаем и Индией сохранялось до середины 70-х годов, между странами были фактически прерваны экономические, культурные и дипломатические связи. Только в 1976 г. Пекин и Дели договорились о восстановлении дипломатических отношений и возобновили торговое и культурное сотрудничество.

Следующее ухудшение отношений между Китаем и Индией произошло в середине 80-х гг. Нарушив условия перемирия 1962 г., Индия в 1984 г. ввела войска в демилитаризованную зону. В ответ на это КНР также ввёл армию в демилитаризованную зону. Индийские и китайские войска вновь встретились на линии Мак-Магона. Ещё большее осложнение ситуации вызвало провозглашение Индией нового штата Аруначал Прадеш на оспариваемой КНР территории. Была велика вероятность начала открытых военных действий. Напряжённая обстановка на границе сохранялась вплоть до 1988 г. и только после встречи лидеров государств был начат процесс мирного урегулирования пограничного вопроса.

Примечательна реакция Индии на события, произошедшие в июне 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. В отличие от ряда западных государств во главе с США, которые ввели санкции против КНР, Индия заявила, что «события 4 июня» являются внутренним делом Китая [2]. Такая позиция индийского руководства укрепила китайско-индий-

ские отношения и способствовала поиску мирного решения пограничного вопроса.

Последний заметный инцидент произошёл на китайско-индийской границе 15 апреля 2013 г. Подразделения армии КНР вошли на индийскую территорию в кашмирском регионе Ладах в Гималаях и разбили военный лагерь, напротив которого индийские военные разместили свои войска. Лишь 5 мая стороны отвели свои войска на линии фактического контроля. Во избежание подобных инцидентов Китай и Индия в октябре 2013 г. подписали Соглашение о военном сотрудничестве на границе. В комплекс мер вошли договоренности не стрелять и не преследовать подразделения другой стороны, пересекающие «линию фактического контроля». Были активизированы контакты между военным командованием на различных уровнях, регулярно проводятся совместные маневры.

Как мы уже говорили, территория Аксай Чина непригодна для ведения хозяйственной деятельности, но в военно-стратегическом отношении это очень важный регион для КНР. Так как дорога, идущая через Аксай Чин, связывает Тибетский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы.

Особая опасность перерастания приграничного конфликта между Пекином и Нью-Дели в войну, заключается в том, что оба государства обладают ядерным оружием. Также и КНР, и Индия стремятся к получению всех компонентов «ядерной триады»: стратегическая авиация, межконтинентальные баллистические ракеты и атомные подводные ракетноносцы. На данный момент полноценной «ядерной триадой» обладают только Россия и США. Китай и Индия уже имеют межконтинентальные баллистические ракеты, радиус действия которых позволяет нанести удар по любой точке на территории друг друга. Заметно увеличивается потенциал военно-морских сил двух государств. Пекин стремится к реализации своей военно-морской доктрины «Нить жемчуга», которая включает размещение баз ВМФ вдоль важнейших морских путей, по которым в КНР транспортируются энергоресурсы из стран Персидского залива. Китай уже построил свои базы в Пакистане, Мьянме и Шри-Ланке, и это вызывает обоснованное беспокойство Индии, которая, в свою очередь, развивает авианесущий флот. Соперничество между Китаем и Индией идёт и в сфере обычных вооружений, постоянно увеличиваются военные бюджеты, модернизируются и переоснащаются национальные вооружённые силы. Пекин и Нью-Дели борются за экономическое и военное превосходство в регионе, стремятся к контролю над Индийским океаном, ресурсами и рынками Африки, плацдармами в Азии. Но, несмотря на это, говорить, что китайско-индийское противостояние аналогично холодной войне между СССР и США было бы неверно. Соседние государства, тем более имеющие территориальные споры, вынуждены учитывать военный потенциал и экономические возможности друг друга. Помимо этого и Китай, и Индия понимают, что вооружённые силы играют важную роль в отстаивании национальных интересов на международной арене. При этом

следует отметить, что Китай и Индия не участвуют в военных блоках.

Сегодня взгляды Пекина и Нью-Дели на решение многих мировых проблем полностью совпадают. Оба государства выступают за многополярную систему международных отношений, уже предпринимают конкретные шаги для изменения мировой финансовой системы, например создание 24 октября 2014 г. по инициативе Китая и при активном участии Индии Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Также страны имеют общую позицию по методам обеспечения мировой энергетической безопасности, по проблемам экологии, выступают за главенствующую роль международного права.

Несмотря на неразрешённый пограничный спор вероятность полномасштабной войны между Китаем и Индией крайне мала. И Пекин, и Нью-Дели понимают, что любые крупные боевые действия нанесут серьёзный урон экономическому развитию государств, а о планах на политическое лидерство в регионе можно будет просто забыть.

Помимо территориального спора, в китайско-индийских отношениях имеется ещё ряд нерешённых проблем. Мы знаем, что в 1959 г. Индия предоставила убежище бежавшему из Тибета Далай-ламе XIV и его сторонникам. Данное событие на многие годы ухудшило отношения между КНР и Индийской республикой. На современном этапе этот вопрос стоит не так остро, так как Индия не позволяет Далай-ламе вести антикитайскую политическую деятельность на своей территории. Также проблемным моментом китайско-индийских двусторонних отношений является тесное сотрудничество КНР и Пакистана, с которым у Индии очень сложные отношения из-за ряда политических и исторических вопросов. Индия и Пакистан пережили три крупные войны, одну необъявленную войну и принимали участие в многочисленных вооружённых стычках и противостояниях. Конфликт до сих пор не улажен.

Китай и Пакистан имеют дружественные и близкие отношения, экономические связи между государствами растут и развиваются. Пакистан признаёт Тибет, Синьцзян и Тайвань в качестве неотъемлемых частей Китая, в свою очередь Китай поддерживает Пакистан по вопросу принадлежности Кашмира. Однако наибольшее беспокойство Индии вызывает военное сотрудничество Пекина и Исламабада. Начиная с 1962 г., КНР осуществляет поставки вооружения и военной техники для пакистанской армии, оказывает помощь в модернизации и переоснащении ВПК Пакистана. Помимо этого по заявлениям индийских и американских СМИ Пекин предоставил Исламабаду ракетные технологии, благодаря чему Пакистан получил ядерное оружие [7], [8]. Помимо развития пакистано-китайского военного сотрудничества Китай рассматривает Пакистан как стратегического партнёра в диалоге с набирающим силу исламским миром. Стабильность в Пакистане и дружеские отношения с этой страной очень важны для Китая, так как от этого напрямую зависит спокойствие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Из этого сле-

дует, что китайско-пакистанские отношения нельзя рассматривать, как исключительно анти-индийские.

Несмотря на ряд противоречий в китайско-индийских отношениях, экономические связи государств укрепляются. Либерализация экономики способствовала увеличению товарооборота между странами, который в 2014 г. составил 65,9 млрд. долл. США [7]. На современном этапе Китай является крупнейшим торговым партнёром Индии, а Индия главный торговый партнёр Китая в Южной Азии. В текущем году страны планируют довести товарооборот до 100 млрд. долл. Китай и Индия считают, что государства с развивающейся экономикой должны занять достойное место на мировой арене. Наряду с экономической сферой Пекин и Нью-Дели активно развивают и политическое сотрудничество. Обе страны являются членами БРИКС, в состав, которого также входят Бразилия, Россия и ЮАР. БРИКС — это группа государств, которые характеризуются как наиболее быстро развивающиеся крупные страны. Помимо этого, КНР и Индийская республика принимают участие в работе Шанхайской организации сотрудничества, в трехсторонних российско-индийско-китайских переговорах. Проводя консультации и переговоры в рамках различных международных структур, Китай и Индия стараются выработать общий подход к решению региональных и глобальных проблем. Обе страны обеспокоены возможной активизацией радикального ислама в Афганистане, после вывода американского воинского контингента. Основными приоритетами Китая и Индии являются повышение безопасности и экономическое развитие Азии, а также рост уровня жизни населения обеих стран. Становится понятно, что интересы Пекина и Нью-Дели совпадают не только на международной арене, но и во внутренней политике.

По нашему мнению, возможность серьёзного вооружённого конфликта между Китаем и Индией в ближайшее десятилетие крайне мала. Наиболее вероятным вариантом развития двусторонних отношений представляется сохранение существующего положения дел, а именно укрепление торгово-экономических и политических связей.

Вероятные локально-региональные конфликты в КНР могут спровоцировать дезинтеграцию современной китайской модели государства, что в свою очередь приведёт к возникновению ряда серьёзных политических, экономических, демографических, социальных и иных угроз пограничной безопасности России.

Политические угрозы национальной безопасности России в её пограничном пространстве, связаны с тем, что Китай, являясь одним из крупнейших государств, обладая самой большой армией в мире и огромным ядерным потенциалом, в случае серьёзной внутригосударственной дестабилизации рискует стать для России непредсказуемым и опасным соседом.

Экономические угрозы объясняются тем, что КНР является одним из основных торговых партнёров России, соответственно любой серьёзный кризис в Китае скажется как на экономике России в целом, так и на экономическом

развитии её пограничного пространства. Дестабилизация в КНР приведёт к регрессу в двусторонних торгово-экономических связях, сокращению товарооборота и инвестиционного сотрудничества, а также ослабит межрегиональные и приграничные связи России и Китая.

Демографические и социальные угрозы национальной безопасности России в её пограничном пространстве, связаны в первую очередь с тем, что Дальний Восток и Восточная Сибирь, регионы, напрямую граничащие с Китаем, являются слабозаселёнными территориями России. Если в 1990 г. численность населения в Дальневосточном регионе составляла более 8 млн. человек, то по данным на 1 января 2014 г. снизилась до 6226640 человек [5]. Такие демографические потери главным образом связаны с миграцией населения. В тоже время в пограничных с Россией провинциях Хейлунцзян и Цзилинь по данным на 2010 г. проживает 38 и 27 млн. чел. соответственно [6]. Поэтому ухудшение общеэкономической и политической ситуации

в КНР и начавшаяся в связи с этим миграция китайского населения на российский Дальний Восток и в Восточную Сибирь, могут поставить российские приграничные регионы на грань гуманитарной катастрофы.

Помимо негативных последствий для безопасности пограничного пространства России, любой региональный конфликт с участием КНР может повлиять на межгосударственные дипломатические и политические отношения России и КНР, которые, в данный момент, как заявил Президент России Владимир Путин вышли на «беспрецедентно высокий уровень» [4]. Заслуживает внимания тот факт, что руководство КНР отвергло идею политической и экономической изоляции России в связи с событиями на Украине.

Глобальные и региональные угрозы оказывают воздействие на пограничную безопасность. Российские власти вырабатывают новые формы защиты рубежей и совершенствуют приграничное сотрудничество.

Литература:

1. США неоднократно рассматривали возможность ядерного удара по КНДР/Сеульский вестник. — 07.08.2011 г.
2. Цзин Хуй «Чжун Инь дундуань бьеньцзечжэньсян». Правда о восточном участке китайско-индийской границы/Чжунговайцзяо, 1988. — № 1, — с. 19–26.
3. Договор о дружбе сотрудничестве и взаимной помощи между Китайской Народной Республикой и Корейской Народно-Демократической Республикой (Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance Between the People's Republic of China and the Democratic People's Republic of Korea.): [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/documents> (Дата обращения: 21.03.2015).
4. Поздравление Председателю КНР Си Цзиньпину по случаю 65-й годовщины образования Китайской Народной Республики: [Электронный ресурс] // Кремлин. ру («Kremlin.ru»). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46705> (Дата обращения: 24.03.2015).
5. Федеральная служба государственной статистики: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (Дата обращения: 23.03.2015).
6. CityPopulation: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.citypopulation.de> (Дата обращения: 23.03.2015).
7. TheTimesofIndia: [Электронный ресурс]. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com> (Дата обращения: 22.03.2015).
8. The Washington Post: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtonpost.com/article/2011/01/30/AR2682.html> (Дата обращения: 22.03.2015).

Политическая идеология и партийное доминирование: российский случай

Будков Сергей Вадимович, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Трунтягин Алексей Александрович, кандидат политических наук, директор
ООО «УК «Универмаг» (г. Томск)

Ключевые слова: политические партии, идеология, партийное доминирование.

Политические партии являются одними из ключевых элементов политической системы. Партии выступают легитимными носителями идеологий на государственном уровне, ведь данные организации в конкурентных политических системах являются основными,

а порой, как в современной России, единственными легальными участниками избирательного процесса на национальных парламентских выборах.

В современное время значение политической идеологии существенно сократилось, в ходе чего она перестала

оказывать столь важное влияние на политические процессы. Данное явление не могло не отразиться, с одной стороны, на том значении, которое оказывает идеология на достижение партийного доминирования, с другой стороны, в целом на роли и месте партий как политических субъектов. Например, исследование мировой политики и процессов глобализации свидетельствуют о том, что в современном постиндустриальном обществе идёт процесс «в сторону снижения роли политических партий как традиционных механизмов политической репрезентации» [9, с. 164].

В 50-годах XX века в Западной Европе начали возникать такие партийные образования, которые О. Киркхаймер назвал «всеохватными» (catch-all-parties) в своей работе «Трансформация западно-европейских партийных систем», выпущенной в 1966 году. Одним из признаков таких партий был обозначен отказ от четкой идеологической приверженности, прагматическая идейная платформа была направлена на все социальные слои общества, наблюдалось падение значения партийных активистов, выражавших идеологию, усиление партийной верхушки [10, с. 406–414].

Р. Кац и П. Мэйр отметили, что «всеохватные партии» обретают новые качества, которые были не свойственны их предшественникам (кадровым и массовым партиям), они стали брокерами на политическом рынке, торгующими государственными должностями. Дальнейшее развитие данных институтов идёт в направлении установления тесной связи между государством и партиями. Учёные подчеркивают, что возникают еще одна новая форма партий — «картельные партии», при которых нет четкого деления на правящую партию и оппозицию, статус члена партии становится несущественным, такие партии угрожают развитию демократии, срачиваясь с государством [2, с. 144–150].

Доминирующую в российском парламенте партию «Единую Россию» в определённой степени можно отнести к типу «всеохватных» партий. Б. И. Макаренко, например, считает, что с данным теоретическим типом партийности, российскую «партию власти» роднят ряд признаков: отказ от «идеологического багажа», усиление роли партийной элиты в ущерб влиянию массы рядовых членов, способность апеллировать к разным социальным группам [5, с. 48–49]. С «картельной партией», по нашему мнению, «Единую Россию» роднит то, что она также срачивается с государством, партия становится инструментом распределения государственных постов между политиками. Поэтому для современных партий отказ от четкой идеологической приверженности может даже являться рациональной стратегией для расширения социальной базы партии.

Само существование «всеохватных партий» еще раз подтверждает то, что идеология стала иметь меньшее значение как в политике в целом, так и в деятельности политических партий в их борьбе за власть, в частности. Современная Россия со времен президентства В.В. Путина представляет собой яркий пример политической деидео-

логизации. За достаточно короткий период после падения советской политической системы, идеологическая борьба между политическими партиями заменилась спокойным сосуществованием идеологических противоречий в рамках одной политической силы, что, на наш взгляд, объясняется наличием консолидированных элит, лояльных В.В. Путину как политическому лидеру, вокруг партии «Единая Россия». Ведь организационно-административный потенциал в современной России, как свидетельствует политическая практика, сильнее идеологического влияния для обеспечения партийного доминирования. Пример «Единой России» — хорошая иллюстрация того, что уже в 2003 году партия стала доминировать, практически не имея на тот момент никакой системы идей, кроме тех, которые заключались в поддержке действующего главы государства.

Изначально позиционирование ВПП «Единая Россия» было основано исключительно на популярности действующего Президента В.В. Путина и его первых инициатив по восстановлению влияния государства в общественной жизни. Отсутствие собственной идеологии у данной партии и желание опереться на фигуру сильного политика хорошо объясняются теоретическим доводом Д.А. Левчика и С.Е. Заславского, которые при описании различных уровней партийной активности, отмечали, что на «элитном уровне», где власть — главный источник активности деятельности партий, реальная идеология данных партий является «идеологией удержания государственных структурами политической власти с помощью манипулирования общественным сознанием. Номенклатурные партии стремятся к собственной героизации, к созданию мифов о «харизме» своего лидера и своем «предназначении» [4, с. 51]. Наиболее явно, по нашему мнению, это проявилось в период выборов в Государственную Думу России V созыва, когда «Единая Россия» буквально канонизировала В.В. Путина и широко в то время известный «План Путина». Ведь, прежде всего, за счет авторитета своего лидера избирательное объединение «Единая Россия» в 2007 году добилось колоссального успеха, получив поддержку 64,3% избирателей на выборах в нижнюю палату парламента.

Помимо привязки данной политической партии к авторитету главы государства, не случайно также то, что лидеры «Единой России» обозначили, что идейные основания воплощает в себе идеология общенационального успеха. В данном контексте немного предвосхищая логику раздела можно упомянуть вывод К.В. Киселева относительно прозрачности партийной идеологии «Единой России»: «У партии власти нет никакой идеологии. И не может быть. И не должно. Дело в том, что любое объявление об однозначных идеологических предпочтениях партии приведет к тому, что она попадет в зону критики. По отношению к ней можно будет позиционироваться всем другим партийным образованиям. Сохранение «всеядности», напротив, лишает оппонентов идеологического оружия» [3, с. 236]. Действительно, вряд ли «Единой России» стоило бы вы-

ступать максимально четко и ортодоксально в поддержку или несогласие какой-либо спорной политической инициативы. Партия к этому не стремится, поскольку это лишний раз будет сегментировать электорат на тех кто «против», тех кто «за», а желание быть «партией всех россиян» (подобно ельцинскому желанию быть президентом всех россиян) в какой-то мере обязывает лидеров выступать с наиболее обобщенными заявлениями: за «всеобщее благо», счастье всех жителей отдельного региона и т.п. При этом в истории партийной политики были достаточно простые инициативы, которые «Единая Россия» вынуждена была поддерживать. Например, реформа по замене льгот для граждан, имеющих право на льготы, денежным довольствием («Монетизация льгот»).

С усилением влияния В.В. Путина и партии «Единая Россия» в стране резко меняет идеологический ландшафт, как отмечает О.Ю. Малинова, доминирующую роль в котором «играет устойчиво расширяющийся «центр», претендующий на «синтетическую» идеологию, которая вбирает в себя множество разных позиций, не проводя между ними границ. В последние годы идеологическая активность новой партии власти — «Единой России» — заметно усилилась...» [6, с. 18]. Партийные идеологи активно симулируют наличие партийной идеологии, в публичных речах отдавая ей должное значение.

Аргументируя перманентное партийное доминирование «Единой России» как нормальную политическую практику, партийные идеологи сравнивают доминирующее положение «Единой России» с доминирующими партиями в конкурентных политических системах. Однако данные сравнения имеют манипулятивный характер. Например, случай сравнения с тем же Индийским национальным конгрессом некорректен, хотя бы потому что Индийский национальный конгресс завоевал доминирующее положение в политической системе путём борьбы против колониализма/апартеида, как отмечает Г.В. Голосов, и это дало данной партии серьезную электоральную поддержку и уважение [1]. Действительно сложно в этом плане представить, что «Единая Россия» может выбрать схожий путь для укрепления своего доминирования став, например, несистемной идеологической силой, движением против действующей авторитарной системы.

Кульминация поиска своего идеологического облика у «Единой России» пришлась на период выборов в нижнюю палату парламента и выборов Президента России в 2007–2008 годах. Несмотря на то, что лидеры

«Единой России» еще во время предыдущих выборов в Государственную Думу, заявляли о том, что у партии простая и понятная идеология, Президент В.В. Путин перед тем, как возглавить «Единую Россию» и её избирательный список на выборах заявил, что у партии: «...нет устойчивой идеологии, устойчивых принципов, за которые подавляющее большинство в этой партии готовы бороться и положить свой авторитет. К сожалению, таких единых идеологических установок в партии нет, но тем не менее она близка к власти...» [7]. Интересно то, что Путин отметил, что партия близка к власти, будто бы сама власть она не представляет.

Рассуждая об идеологической диффузии «Единой России» в современной России, а также о низком спросе на идеологию со стороны населения, стоит несколько слов сказать также о том, что сами партии не выполняют в современной России должный образ своих функций по агрегации интересов. Многие партии в России, кроме самой «Единой России», представляют собой избирательные штабы, действующие с весьма эпизодической активностью, каждый раз напоминая о своем существовании в канун новых избирательных кампаний.

Учитывая скудное значение идеологии в российской политике в прежнем её понимании, уместно привести слова С.Н. Пшизовой фактически о новом этапе развития партий: «отказ от идеологии и концентрация на избирательных кампаниях приводят ко все большей рационализации и профессионализации партийной деятельности. Управление сосредотачивается в руках руководящего ядра, состоящего из профессиональных политиков, а для избирательных кампаний привлекаются профессиональные эксперты... Все это позволяет говорить о появлении профессионально-электорального типа партийной организации» [8, с. 498]. Именно этим и объясняется то, что значение политических консультантов в России растет, причем не только в период избирательных кампаний, но и в постэлекторальное время.

Говоря рыночным языком, можно сделать вывод о том, что «Единая Россия» со своей компилятивной идеологией — это массово потребляемый продукт своего времени, который в абстрактной форме давно искали клиенты политического рынка. Доминирующая партия выполняет важную функцию. Она выступает инструментом политического управления государством, в котором фактически есть только один политический лидер — Президент РФ В.В. Путин.

Литература:

1. Голосов, Г.В. «Единая Россия» не пойдет по японскому пути [Электронный ресурс]: Деловые новости и блоги. — Режим доступа: <http://slon.ru/blogs/ggolosov/post/442323>.
2. Кац, Р. Мэир П. Изменяющиеся модели партийной организации и партийной демократии: возникновение «картельных партий» // Теория партий и партийных систем: Хрестоматия/сост. Б.А. Исаев. — М.: Аспект Пресс, 2008. с. 144–150.
3. Киселев, К.В. Партийное проектирование в современной России: роль идеологии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2007. № 7. с. 231–239.

4. Левчик, Д., Заславский С. Особенности партогенеза в России // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 1995. № 6. с. 47–54.
5. Макаренко, Б. И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. 2011. № 1. с. 42–65.
6. Малинова, О. Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // ПОЛИС. 2007. № 1. с. 6–21.
7. Путин-агитатор [Электронный ресурс]: Газета. Ру. — Режим доступа: <http://gazeta.ru/politics/elections2007/articles/2326988>.
8. Пшизова, С. Н. Политические партии и партийные системы // Политология: Лексикон/Под редакцией А. И. Соловьева. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (Росспэн), 2007. с. 489–503.
9. Шувакович, У. Политические партии как традиционный механизм репрезентации в современном обществе // Полис. 2010. № 2. с. 158–165.
10. Kirchheimer, O. The Transformation of the Western European Party Systems // Party Systems. The International Library of Politics and Comparative Government. England. 1998. P. 391–414.

Выгоды и издержки вступления Румынии в Европейский Союз

Везуина Михаела Александра, аспирант
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Эта статья призвана исследовать на основе анализа некоторых выгод и издержек присоединения к Европейскому Союзу, каким же образом процесс расширения ЕС способствовал посткоммунистическому переходному периоду Румынии в последней четверти века. Анализ не является исчерпывающим, но является относительно кратким и направленным на четыре уровня — институциональный и политический, экономический, социальный, геополитический и стратегический.

Ключевые слова: Европейский Союз, европейская интеграция, Румыния, выгоды и издержки от вступления.

This article aims to explore, based on the analysis of some benefits and costs of joining the European Union, how does the EU enlargement process contributed to Romania's post-communist transition in the last quarter century. The analysis is not exhaustive, but is relatively short and aimed at four levels — institutional and political, economic, social, geopolitical and strategic.

Keywords: European Union, European integration, Romania, the benefits and costs of joining.

Революция 1989 года принесла радикальные изменения в социально-экономическую систему и политический режим Румынии, а также переориентацию ее внешней политики и альянсов.

Впервые в истории румынского перехода был достигнут национальный консенсус, пусть и в начальном состоянии, вокруг основных приоритетов европейской интеграции. Он начался со Стратегии подготовки ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к вступлению в Европейский Союз, разработанной специалистами Европейской комиссии и принятой представителями государств-членов в Совете Европы в Эссене 10 декабря 1994 года.

На национальном уровне, естественным результатом стало принятие Декларации из Снагова 21 июня 1995, которая представляла собой первую конкретную попытку коагуляции румынских политических сил вокруг этой идеи. [1]

Таким образом, коммунистическая и пост-коммунистическая Румыния постепенно превратилась в Европейскую

Румынию путем подписания и ратификации Договора о присоединении к ЕС, проведения переговоров и заключения Договора о вступлении в ЕС [2], после чего пришлось заменить более чем 70% национальное законодательство, чтобы соответствовать законодательству ЕС, и доведя либеральный нормативизм Европейского Союза в своих внешних действиях.

В рамках празднования 10-ой годовщины подписания Договора о вступлении Румынии в Европейский Союз, президент Клаус Йоханнис заявил, что 25 апреля 2005 является особенно важным моментом для Румынии: «Подписание Договора о вступлении пришло после трудного процесса переговоров, который ознаменовал глубокие изменения во многих сферах экономической и социальной жизни» [3].

Влияние присоединения Румынии к Европейскому Союзу 1 января 2007 года не формально, но оно структурировано в отношении всего процесса инициации, разработанного на континентальном уровне. Таким образом, принадлежность к Европейскому Союзу имеет как по-

ложительные, так и отрицательные последствия для Румынии, на институционально-политическом, экономическом, социальном, геополитическом и стратегическом уровнях.

Что касается политико-институционального плана, надо сказать о благоприятных воздействиях вступления, такие как повышение административного потенциала, реформы судебной системы и борьба с коррупцией, совершенствование системы контроля и наблюдения за внешними границами ЕС и Румынии, а также, не в последнюю очередь, на динамику политической жизни и партийную систему в Румынии. Таким образом, со вступлением в Европейский Союз, румынская административная система имела доступ к энергичной программе европейского финансирования (*Оперативная программа «Административный потенциал» — POSDCA*, на которую в 2007–2013 годах в целом было выделено около 169 млн. евро), а также на очень полезный механизм координации и обмена передовой практикой с административными системами государств-членов ЕС. Кроме того, та же административная система пользуется относительно хорошим присутствием и функционированием независимых регулирующих органов (например, Совет по конкуренции/СК, Национальный Аудиовизуальный Совет/CNA и другие) и введением структур государственной политики.

Кроме того, система правосудия и борьба с коррупцией, в том числе судебный процесс и государственный бюджет, заметно получили преимущества от введения Механизма Сотрудничества и Проверки (MCV) между Румынией и ЕС в области правосудия. Этот механизм, хотя сомнительный в свете полноправного государства-члена Союза, породил существенные последствия и увеличил реформу фундаментального гражданского и уголовного права с принятием новых гражданских и уголовных кодексов и связанных с ними процессуальных кодексов. Не менее этого, конечно, в последние годы после вступления в Европейский Союз была усилена деятельность прокуроров по борьбе с коррупцией на высоком уровне, а также деятельность Национального Антикоррупционного Директората (DNA) и Агентства Национальной Целостности.

Реальный успех был достигнут в системе контроля и наблюдения за внешними границами ЕС, связанными с Румынией, путем предоставления технической инфраструктуры, которая делает возможным присоединение Румынии к Шенгену, а также путем значительной реформы системы пограничной и таможенной полиции, в том числе, путем мер по предотвращению и борьбе с коррупцией. Наконец, присоединение к Европейскому Союзу значительно повлияло на динамику румынской политической жизни, в том числе на партийную систему. В этом смысле, очень краткая оценка парламентских выборов, европейских и президентских выборов, состоявшихся в Румынии после 2007 года, показывает постепенное исчезновение румынских экстремистских партий в Национальном и Европейском Парламенте, то есть выгодную тенденцию «скольжения» в сторону центра программ румынских

партий и, не в последнюю очередь, сосредотачивает внимание на общественной повестке дня и на политических дебатах по реформированию и модернизации румынской политической системы.

С другой стороны, любой информированный и нейтральный наблюдатель в политическом и институциональном плане может заметить некоторые негативные тенденции, произошедшие в контексте вступления Румынии в ЕС. В этих рамках, невозможно не упомянуть то, что в Румынии некоторые институциональные субъекты и политические группы пытаются инструментализировать и манипулировать для собственных нужд деятельность по борьбе с коррупцией, особенно в период выборов. Также можно легко увидеть, как Румыния теряет некоторые из наиболее компетентных экспертов в администрации из-за их вербовки в европейских институтах.

Кроме того, в тесном контексте с предыдущей тенденцией можно легко заметить ограниченную способность румынской администрации использовать POSDCA [4] для повышения своей эффективности. Кроме того, присоединение к Европейскому Союзу привело к исчезновению с политической румынской сцены федеральной роли, порожденной желанием европейской интеграции.

В Румынии реформа государственного управления по-прежнему представляет собой серьезную проблему для рационализации процесса европейской интеграции. Даже перед вступлением в ЕС компетентные европейские органы обратили внимание на необходимость реформ государственного управления Румынии и следили за их проведением с большой строгостью и интересом. [5]

В этой последней тенденции может быть отмечено, что иногда, ввиду инфантильного поведения румынского правительства, оно бывает склонно прибегнуть к помощи Европы посредством ее вмешательства. Такое бывает в случаях, когда правительство не может найти минимальный компромисс для хорошего управления государственными делами, или же в случае политических кризисов.

С экономической точки зрения, членство в ЕС включает в себя ряд преимуществ и новых обязанностей по отношению к ситуации до вступления. С точки зрения выгод следует отметить, что участие в едином рынке помогает стране в дальнейших усилиях по увеличению нормы качества, укреплению политики в области конкуренции и государственной помощи, либерализации рынков, вызывая увеличение конкурентоспособности румынской экономики. [6]

Таким образом, до начала финансового и экономического кризиса, экономика Румынии зарегистрировала впечатляющий ежегодный рост в течение 2001–2008 гг (и, следовательно, восстановление) более чем на 4% в год, в том числе более 8% в 2004 и 2008, а прямые иностранные инвестиции зарегистрировали геометрический рост в периоде 2006–2009, превысив 7 млрд евро в год. В результате, в периоде 2001–2008, Румыния удалась перейти от ВВП/на душу населения в размере 24% от сред-

него по ЕС до ВВП/на душу населения в размере 42% от среднего по ЕС. Поэтому, Румыния удавалось последовательное восстановление вплоть до начала экономического кризиса.

Также уменьшение неравенства поддерживается легким доступом к европейскому финансовому капиталу, однако заметна тенденция остановки процесса деиндустриализации Румынии. Со другой стороны, повышение румынской конкурентоспособности в европейском контексте основывается на: тенденции изменений в структуре экономики Румынии путем увеличения третичного сектора и значительного сокращения в первичном секторе; на доступе к невозмещаемым финансовым ресурсам, выделяемых структурными фондами (в частности, Секторальная Оперативная программа по повышению конкурентоспособности экономики/POSCCE, с выделением 2.554.000.000 евро за 2007–2013 годы); на развитии высококонкурентной отрасли в Румынии (смотрите платформу Dacia — Renault, OMV-Petrom, ИТ-компании, компании SoftWin и т.д.); на перезапуске процесса модернизации сельскохозяйственных холдингов; на медленном, но устойчивом прогрессе транспортной инфраструктуры; на ускоренном развитии ИТ-инфраструктуры и коммуникационного сектора, а также на интенсивном росте румынского экспорта.

Несмотря на эти очевидные экономические преимущества, в европейском контексте можно видеть менее радужные тенденции в румынской экономике, такие как: очевидный экономический спад, в том числе в банковском секторе; поддержание фрагментации румынского сельского хозяйства, в котором микрохозяйства являются доминирующими; утрата традиционных точек ЕС для румынских экспортов и закрытие многих промышленных объектов из-за неспособности выполнять чрезвычайно высокие экологические стандарты ЕС.

К тому же можно упомянуть и о других негативных экономических последствиях вступления в ЕС, такие как: ограничение способности государственных органов власти по обеспечению румынской экономической стабильности из-за конкурентной политики ЕС; неспособность властей найти решение дилеммы экономии жесткой политики; необходимость совместного финансирования проектов, реализуемых при помощи грантов, в результате которых у Румынии одно из самых слабых поглощений структурных фондов, которые должны бы обеспечить долгосрочную сходимость румынской экономики с европейской.

В социальном плане могут быть упомянуты: реальное увеличение доходов населения и его уровня жизни; значительные положительные изменения в социальной интеграции и в борьбе с дискриминацией; основные движения внутренней миграции и в европейском масштабе румынского населения. Поэтому в плане уровня жизни можно установить такие тенденции, как: реальное и постоянное совершенствование дохода, в том числе пенсий и зарплат, до начала экономического кризиса; сокращение неравенства между городскими и сельскими районами, с точки

зрения уровня жизни, в контексте сельского финансирования развития путем предоставления грантов, предоставляемых в рамках Единой Сельскохозяйственной Политики. Что касается социальной интеграции и борьбы с дискриминацией, следует напомнить, что под стимулом европейского законодательства, Румыния внедрила набор стратегий, программ и проектов, касающихся наиболее уязвимых групп населения, такие как люди с ограниченными возможностями, цыгане, неполные семьи, женщины, подвергшиеся насилию, детские дома и т.д. Также стоит отметить, что проблема с включением цыган стала приоритетом на европейской политической повестке дня, а Национальный Совет по Борьбе с Дискриминацией стал одним из самых активных и уважаемых учреждений в Румынии. Наконец, невозможно игнорировать одно социальное явление, как с положительными, так и с отрицательными последствиями, а именно большое миграционное движение, которое привело к временному или постоянному перемещению более 2 млн румынских граждан в другие страны ЕС, учитывая свободное перемещение и свободный доступ к рынку труда в Европе.

Как уже упоминалось выше, в социальном плане появились очевидные издержки от вступления в Европейский Союз, такие как: потеря некоторых из наиболее активных и хорошо подготовленных профессиональных категорий на рынке труда в Румынии (в том числе «утечка умов» в более развитые страны ЕС, особенно врачей, инженеров и программистов); быстрое старение сельского румынского населения; ускоренное снижение вкладчиков на социальное обеспечение и здравоохранение в Румынии. Также, среди негативных социальных последствий процесса вступления в Союз можно заметить появление поколения детей, выросших без отцов; ослабление румынской традиционной семьи, основанной на солидарности поколений; ухудшение системы здравоохранения, в условиях острой эмиграции специалистов в Европейский Союз и потеря конкурентоспособности румынской системы образования перед более передовыми образовательными системами других государств-членов ЕС.

В геополитическом и стратегическом плане, Румыния извлекает выгоду из вступления в Европейский Союз, поскольку принадлежит безопасному, мирному и процветающему политическому и экономическому пространству, и система национальной безопасности Румынии также усилена после вступления в силу в декабре 2009 года Лиссабонского Договора, который вносит пункт о взаимной помощи между государствами-членами в случае агрессии извне Союза. Кроме того, членство в Европейском Союзе увеличило способность румынской дипломатии влиять на восточных границах, в том числе на Республику Молдова. Также усилилось влияние Румынии в рамках самого Евросоюза, благодаря весу голосования Румынии в институтах ЕС (Румынии занимает седьмую позицию из 28 государствах-членах, на долю голосования в Совете и Совете Европы). Также нельзя пренебрегать местом и ролью, которые играет Румыния в транзите и поставке энерго-

ресурсов в Европейский Союз, учитывая ее географическое положение по отношению к источникам питания собственных энергетических ресурсов и возможностей.

В какой-то степени, вступление в ЕС произвело некоторые негативные эффекты на геополитическом и стратегическом уровнях, такие как влияние на румынскую политику, ухудшение отношений с некоторыми другими странами, повышение привлекательности для транснациональных сетей организованной преступности, заинтересованных действовать в стране, принадлежащей к ЕС.

Заключение

Несомненно, сегодня Румыния является страной, радикально изменившейся по сравнению со страной, которая в 1989 году пережила самую бурную антикоммунистическую революцию в Центральной и Восточной Европе.

Литература:

1. Comisia de fundamentare a Strategiei Naționale de dezvoltare economică// Din lucrările Comisiei de la Snagov — martie-iunie 1995 — , Centrul de Informare și Documentare economică, București, 2000, URL: <http://www.cdep.ro/pdfs/snagov95.pdf>
2. *** Tratatul de aderarea a României la Uniunea Europeană, 25 aprilie 2005, Luxembourg, URL: http://www.mie.ro/_documente/arhiva_mie/ro/relatiile_ro_ue/tratat.htm
3. Mesajul Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, transmis cu ocazia a 10 ani de la semnarea Tratatului de aderare a României la Uniunea Europeană, Comunicat de presă, 25 aprilie 2015, URL: http://presidency.ro/?_RID=det&tb=date&id=15653&_PRID=ag
4. Ministerul Administrației și Internelor, Programul Operațional Structural Dezvoltarea Capacității Administrative — POSDCA, București, Aprilie 2006, URL: http://www.portal.structuralfunds.ro/PO/POS_DCA.pdf
5. Boskovic Amanda, Administrația publică din România între europenizare și rezistență la schimbare, Revista Sfera Politicii/Alegeri și schimbare politică, Nr. 131–132, Ianuarie-Februarie 2009, p. 77.
6. Enăchescu Loredana, Aspectele economice ale aderării României la Uniunea Europeană, Revista Sfera Politicii/Uniunea Europeană. România. Prima zi, Nr. 125, 2006, p. 19.

К проблеме идеологии в парламентских партиях

Гагина Ольга Александровна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: парламентская партия, политическая идеология, политический дискурс.

Проблемы идеологии в современных парламентских партиях представляются крайне актуальными для исследования. Из самой структуры политического дискурса следует тот факт, что его исследование связано с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях и лежит оно на пересечении разных дисциплин [10, с. 46]. В своем учебном пособии «Современная политическая лингвистика» Э.В. Будаев и А.П. Чудинов высказывают мысль о том, что речевая деятельность лич-

Румыния является государством-членом Европейского Союза, но специальным членом этой барочной политической организации. Государство, которое приняло на себя, так или иначе, «европейство» как национальный проект долгосрочного развития, через 7 лет после вступления не удается убедить своих партнеров, что является заслуживающим доверия, чтобы войти в Шенгенскую зону, и охранять внешние границы Европейского Союза.

Парадоксально, что одна европейская страна, которая удалась создать одну из крупнейших диаспор в мире, выбрала, в момент воскрешения национализма в Европейском Союзе, на должность главы в государстве гражданина Румынии, принадлежащего к национальному меньшинству. Это может быть важным показателем «европейства» Румынии и маленьким уроком, преподанным Европейскому Союзу, который забывает часто свой собственный девиз «Единство в разнообразии».

ности или коллективного субъекта политики (например, политической партии) воспринимается как отражение существующей в сознании людей языковой картины политического мира. Подобная деятельность может служить материалом для изучения индивидуальной, социальной и национальной ментальности [1; 3]. Данные положения соответствуют когнитивному подходу к исследованию современного политического дискурса, который мы принимаем в данном исследовании за основную.

Одним из наиболее актуальных направлений современного политического дискурс-анализа в рамках когнитивного метода является анализ политических концептов (концепт-анализ). Зарубежное научное направление, делающее акцент на изучении политических концептов сформировалось под влиянием школы аналитической философии. Именно в рамках этого направления исследователи впервые попытались посмотреть на мир через призму языка как одного из важнейших социальных структур [6, с. 131].

Соединяя различные варианты понимания концепта, заключаем, что концепт — это весь потенциал значения слова, включающий в себя, помимо основного смысла, комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов в контексте. Именно при таком понимании концепт является структурным элементом языковой картины мира, формирующимся в результате когнитивной деятельности. Для моделирования концептов используются четко структурированные единицы когнитивистики: фреймы, сценарии, скрипты и другие модели представления знаний.

Отметим, что при анализе политических концептов в программах парламентских партий крайне важным аспектом является публичная сфера.

Обратимся в этой связи к работам немецкого философа Карла Шмитта и рассмотрим, как он видел деятельность государственных структур.

Подробнее всего публичную сферу и деятельность парламентов Шмитт рассматривает в работе «Политическая теология» (1922): «...сущность парламента, — по мнению философа, — это публичное обсуждение аргументов и контраргументов, публичные дебаты и публичная дискуссия, прения <Parlamentieren>, причем сначала тут еще не обязательно иметь в виду демократию» [9, с. 184]. Этим Шмитт подчеркивает то, что в независимости от существующего режима в парламенте обязательно публично должны рассматриваться государственные вопросы. Поэтому Шмитт отвергает и однопартийную политическую систему.

Однако для того, чтобы парламент действительно работал эффективно определенные права и свободы всё же должны существовать. Здесь Шмитт соглашается с требованиями Гизо: «1. что *rouvoirs* всегда вынуждены дискутировать и тем самым сообща искать истину; 2. что публичность всей государственной жизни ставит «*роувоиз*» под контроль граждан; 3. что свобода печати побуждает граждан самим искать истину и сообщать ее *роичоиз*» [9, с. 185]. Как отмечают Коэн. Л. Дж. и Арато Э.: «Без этих свобод исчезли бы все формы социального контроля за парламентом, а они необходимы парламенту для того, чтобы он мог играть роль представителя общества перед лицом государства» [4, с. 291].

Публичность становится в государстве главной ценностью: «всего одна свободная газета была способна устранить самого могущественного тирана; искусство книгопечатанья является основой свободы» [9, с. 191].

Публичность выражения своего мнения, по Шмитту, означает то, что своё мнение выражают частные свободные лица и поэтому начинают конкурировать между собой. Для Шмитта конкуренция между гражданами — естественное состояние людей: без политики и борьбы между собой не может быть ни общества, ни государства [7]. Другими словами, враг нужен для того, ярче осознать и представить свою позицию, т.е. враг — «это только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, ибо все, что соотносено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится поэтому публичным» [11].

Из-за постоянной конкуренции в парламенте начинают образовываться мелкие партии, которые и правят государством: «парламентаризм утрачивает свой духовный базис и вся система свободы слова, собраний и печати, а так же парламентских иммунитетов и привилегий лишается всякого *ratio*. Узкие и самые узкие комитеты партий или партийные коалиции принимают решения за закрытыми дверями»... [9, с. 213]. Парламент превращается в арену для борьбы и «все бывшие притязания на публичность» [4, с. 317] оказываются похоронены и «препятствует развитию, расцвету государства, действительность, эффективность которого являлась для Шмитта главной ценностью» [8, с. 388].

Кроме того Шмитт «связал окончание либеральной эпохи с возобновлением процесса слияния общества и государства, процесса, который предположительно означал уничтожение той единственной сферы, которая только и могла служить гарантией сохранения публичности в современных условиях» [4, с. 317].

Общество и государство сливаются и из-за этого публичная сфера оказывается уничтожена. Дальнейшее развитие этого процесса, по Шмитту, может идти двумя путями: государство либо находится в кризисном положении и продолжает формально использовать принципы либерализма, либо, государство становится авторитарным с опять же формальными признаками плебисцитарной демократии [5].

Не секрет, что сам философ придерживался второго пути развития государства, ведь он восторгался «итальянским фашизмом и... Подобно левым и обожаемым им правым, Шмитт предлагает альтернативный союз — союз между демократией и авторитаризмом» [4, с. 326].

Подводя итог, можно сказать, что Карл Шмитт является противником парламентаризма и публичной сферы соответственно. Он не верит в возможность дискуссий и обмена мнениями между заседающими в парламенте и обычными гражданами. В заключении хотелось бы привести слова Ю. С. Пивоварова о том, что Шмитт «отвергает либеральное правовое государство, объявляет себя сторонником абсолютно всевластного государства, формулирует новый подход к политике и праву, базирующийся на макиавеллизме и нормативистском децизионизме» [7, с. 27].

Следует отметить, что проблема изучения теории публичной сферы состоит в том, что эта тема стала рассматриваться сравнительно недавно и поэтому мало разработана, особенно российскими учеными: исследования по этому вопросу начались только в 90-х. Поэтому можно отметить большой недостаток литературы на русском языке по данной теме.

Кроме того, новых теорий образования публичной сферы нет, поэтому мы рассматриваем в данной работе классические теории философов и ученых XX века, и то, как их интерпретируют различные авторы. Обобщая различные взгляды на данный вопрос, можно сделать следующие выводы: публичная сфера, по Арндт, зародилась в греческом полисе и для нее — это область, свободная от всего того, что входит в сферу частного, где действия происходят максимально открыто.

Что касается Юргена Хабермаса, то публичная сфера для него появилась в литературном обществе вместе с установлением гражданских прав и свобод и изобретением книгопечатанья.

И, наконец, по Шмитту, публичная сфера появилась в результате обсуждения различных вопросов в парла-

менте. Но она неминуемо распадется из-за конкуренции и коалиций, которые складываются во властной верхушке.

Подробный анализ целей и задач, заявленных в политических платформах современных парламентских партий, позволяет говорить о том, что предлагаемые партиями меры носят, по большей части, идейно-реставрационный, по отношению к советскому периоду, советской тоталитарной идеологии характер, таким способом партии рассчитывают привлечь большее количество избирателей [2, 969]. В наши дни идея сильного государства советского образца привлекательна для российского электората тем, что советское социально-государственное устройство, все-таки, могло защитить людей и от внешних, и от внутренних угроз даже при весьма скудных ресурсах. Однако следует отметить, что советская тоталитарная идеология относилась к типу мифологических идейных образований, поскольку делала акцент не на отображении реальности, а на популяризации искусственно созданной картины мира, повествующей не столько о настоящем, сколько о будущем, о том, что необходимо построить и во что требуется свято верить.

Литература:

1. Будаев, Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2006. [Электронный ресурс]/URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения 24.03.2015).
2. Жилинская, А. В., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А. Трансформация идеологии в мире политики // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 968–970.
3. Захарченко, Е. А., Тумакова Н. А. К вопросу о проблемах и перспективах дистанционного инженерного образования // Молодой ученый. — 2015. — № 8. — с. 924–926.
4. Коэн, Л. Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. — Пер. с англ./Общ. ред. И. И. Мюрберг. — М.: «Весь мир», 2003.
5. Красин, Ю. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Публичная политика в России: по итогам проекта «Университет Калгари — Горбачев-Фонд». — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. с. 15–32.
6. Петров, К. Е. Структура концепта «терроризм» // Полис. № 4, 2003. с. 130–141.
7. Пивоваров, Ю. С. Полная гибель всерьез. — М.: Росспэн, 2004.
8. Пленков, О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. — СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997.
9. Шмитт, К. Политическая теология. — М.: Канон-Пресс, 2000.
10. Bell, V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist // A. Firth ed. The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace. — Oxford etc.: Pergamon, 1995. P. 41–58.
11. McAfee Noelle, Habermas, Kristeva, and citizenship. — Ithaca London Cornell University Press, 2000.

К проблеме моделирования будущего в партийных программах

Давыдова Валентина Игоревна, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: политическое моделирование, программа политической партии, концепт будущего, модель будущего.

Политические концепты представляют собой сложные ментальные образования, которые упорядочивают и придают значение происходящим или ожидаемым политическим явлениям, объединяют родственные понятия. Помимо этого, политические концепты приобретают те или иные значения не только благодаря историческим традициям дискурса, и не только из-за множественных культурных противоречий, но, также, благодаря их нахождению в группе с другими политическими концептами [12, р. 52–55].

Современные исследователи политических концептов выделяют ряд базовых концептов, характерных для политического дискурса: «политика», «политик», «власть», «благо», «целестремление», «народ», «государство», «интерес» [1; 7]. Рассматриваемый в данной работе концепт будущего является базовым не для политического дискурса, а для личности и общества вообще. Поэтому в рамках исследуемых программ парламентских партий он выражается в данных политических институциональных текстах как раз через ключевые концепты политического дискурса (путем метафорических переносов). Концепт будущего представляет собой важнейший базовый концепт для личности и общества в целом, так как он является одним из элементов ориентационной схемы (время-пространство). Кроме того, он придает динамику и смысл действиям индивидов и общества.

В нашем исследовании за образец структуры концепта мы принимаем модель, предложенную исследователем И.А. Стерниным [6]. Можно говорить о базовом слое концепта — чувственно-образном ядре, которое кодирует его как мыслительную единицу, плюс ряд дополнительных концептуальных признаков. «Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру» [6, с. 59]. Но кроме ядерной части, концепт имеет объемную интерпретационную часть/поле — совокупность слабее (по сравнению с ядерной частью) структурированных предикаций, которые отражают интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок, вытекающих из содержания концепта [6, с. 60–61]. Для моделирования концептов используются четко структурированные единицы когнитивистики: фреймы, сценарии, скрипты и другие модели представления знаний. В рамках данной работы мы рассмотрим выражение концепта будущего в программах основных политических партий России («Единая

Россия») [3; 4], США (Демократическая партия) [9], Великобритании (Консервативная партия) [11], Франции («Союз за народное движение») [14] и Италии («Народ свободы») [8]. Выбор стран обусловлен языковой компетенцией автора и мировой значимостью политической культуры данных государств. Рассматриваемые партии являются основными для политической жизни соответствующих стран, так как они располагают большинством в парламентских структурах, их лидеры занимают ключевые позиции в руководстве страны (президент, премьер-министр).

Проводя сопоставительный анализ выражения концепта будущего в программах рассматриваемых партий, представляется возможным отметить, что на уровне представления базового слоя концепта будущего совпадают программы «Единой России», Демократической партии США, «Народа свободы», в центре языкового выражения концепта у них фиксируется образ «Родины», «страны». В программе «Союза за народное движение» в центре базового слоя находится образ «государства», а в программе Консервативной партии Великобритании — образ «народа».

Исходя из анализа представления когнитивных сегментов концепта будущего, программы рассматриваемых партий можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся программы правящих партий России и Великобритании, в которых сегменты представлены довольно схожими задачами в социальной, экономической сферах и в системе государственного управления, различие лишь в том, что в программе «Единой России» преобладают экономические задачи, а у Консервативной партии — социальные. Ко второй же группе относятся программы правящих партий США, Франции и Италии, в которых когнитивные сегменты концепта будущего представлены основными национальными ценностями (от 4 у демократов США до 8 у партии «Народ свободы»). Таким образом, в данных программах заложена идея того, что конечная цель должна быть достигнута не путем решения определенного набора задач, работы по ряду направлений, а через утверждение и возрождение базовых ценностей той или иной нации.

Периферия концепта будущего в программах партий значительно различается по объему (от 10 слотов у «Союза за народное движение» до 34 слотов у Демократической партии). По содержанию, которое представлено мерами социального, экономического и политического характера,

направленными на защиту стран от последствий мирового экономического кризиса, черты сходства проявляются в программных документах партий России, США и Великобритании (особенно у двух последних). В программах же французской и итальянской правящих партий никаких конкретных мер по выводу страны из кризиса или по его предотвращению не предлагается. Периферия концепта будущего в них представлена предикациями общеэтического, декларативного характера, например: «уважение к согражданам», «новые возможности для каждого», «уважение человеческого достоинства» и т. д.

Отметим, что рассмотренный нами политический концепт будущего является языковым выражением модели политического будущего в программах партий. Именно модель политического будущего структурирует программу партии, обеспечивает связь между целями, ценностями и способами их достижения, которые предлагает обществу партия. Это объясняется самой природой партийной программы, которая изначально ориентирована на отображение предлагаемого партией политического будущего.

В нашем исследовании мы принимаем за основное следующее определение модели: «моделью называется некий объект-заместитель, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие нас свойства и характеристики оригинала» [2, с. 34]. В исследованиях как отечественных (Ф. И. Перегудов, Ф. П. Тарасенко), так и иностранных ученых (М. Гринбергер, М. А. Кренсон, Б. Л. Криси, П. К. Мадсен и др.) [10, р. 8] отмечается, что модель представляет собой, прежде всего, целевое отображение оригинала, ведь сама цель — это уже и есть модель желаемого состояния [13, р. 23]. Применительно к политическому моделированию следует отметить, что цель, которую ставит перед собой политическая партия, является основой, своеобразным ядром образа желаемого будущего, который она предлагает обществу.

Модель будущего, рассматриваемая в данном исследовании, является абстрактной языковой моделью,

то есть идеальной конструкцией на естественном языке, построенной средствами мышления, сознания. Модель будущего, представляемая в программном документе той или иной партии, может считаться конечной продукцией мышления его авторов, который уже готов для передачи обществу. Посредством этой модели, представляющей предполагаемое политическое будущее, программа политической партии структурирует сознание потенциальных избирателей и, одновременно, симулирует реальность.

Модель политического будущего является целевым отображением будущего, предлагаемого партией обществу для достижения своих собственных целей в качестве политического института. Посредством этой модели программа политической партии структурирует сознание электората, выполняет задачи позиционирования партии, продвижения ее интересов, становясь важнейшим элементом современных политических технологий.

Именно модель будущего, идея того, как партия понимает будущее, и является смыслонесущей в партийной программе [5, с. 819]. Структура каждой партийной программы служит репрезентацией программируемого будущего.

Если в прошлом партии претендовали на тотальный контроль над будущим, то в постсовременном обществе парламентским партиям приходится отказаться от подобных претензий, граждане сами вправе выбирать оптимальную для них концепцию будущего, представляемую в программе той или иной партии. Важнейшей задачей парламентской партии становится создание модели будущего, которая будет наиболее востребована народными массами. В условиях современного глобального мира наиболее успешными представляются политические концепции, которые способны предложить тесную связь как между будущим каждого отдельного гражданина и будущим его страны, так и дальнейшую связь с будущим всего мира, человечества.

Литература:

1. Гаврилова, М. В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов // Журнал ПОЛИТЭК. Политическая экспертиза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/198/30/> (дата обращения: 07.04.2015).
2. Перегудов, Ф. И., Тарасенко Ф. П. Основы системного анализа. 3-е изд., испр. и доп. — Томск: НТЛ, 2001.
3. Предвыборная программа партии [Электронный ресурс]: программное обращение Партии «Единая Россия» к гражданам России — 2011. URL: <http://er.ru/party/address> (дата обращения: 05.04.2015).
4. Программа народных инициатив. Общероссийский народный фронт. М.: Институт соц.-экон. и политич. исследований, 2011. 135 с.
5. Сенцов, А. Э., Жилинская А. В. Представление концепта будущего в программных текстах // Молодой ученый. — 2015. — № 4. — с. 817–819.
6. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание/под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. с. 58–65.
7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М. — Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
8. Carta dei valori — 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilpopolodellaliberta.it/notizie/15346/carta-dei-valori> (дата обращения: 20.03.2015).

9. Democratic Party Platform 2008 «Renewing America's Promise» [Электронный ресурс]. URL: http://www.democrats.org/about/party_platform (дата обращения: 25.03.2015).
10. Greenberger, M., Crenson M. A., Crissey B. L. Modeling and the political process // Computers and Society. Vol. 7 (1). P. 3–14; Madsen P.K. The politics of economic modeling. Copenhagen, 1991.
11. Invitation to Join the Government of Britain. The Conservative Manifesto 2010. Uckfield: Pureprint Group, 2010.
12. Kelly, D., Donway R. Liberalism and free speech // Democracy and the mass media. Ed. by Judith Lichtenberg. Cambridge, 1995.
13. Madsen, P.K. The politics of economic modeling. — Copenhagen: Institute of political science, 1991.
14. Nos valeurs — 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.u-m-p.org/notre-parti/nos-valeurs> (дата обращения: 25.03.2015).

About charisma in politics

Дружинин Константин Петрович, студент;
Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Druzhinin Konstantin Petrovich, student;
Kuimova Marina Valeryevna, PhD in Methods of TFL
National research Tomsk polytechnic university

*But charisma only wins people's attention.
Once you have their attention, you have to have something to tell them*
Daniel Quinn

A well-known saying states that the great epochs give birth to great men. Whenever there are serious changes in the life of any society or state, a special breed of people comes to the foreground. They remarkably differ from the rest by their exceptional ambition and strong leadership qualities; they make decisions and take responsibility for them. They are always outstanding people with a bright appearance, strong character, confidence and determination. They are extremely loyal to the ideas that make sense to their life and try to give an answer to the main challenges of their time. They are almost always excellent speakers, brilliant masters of speech and expressive gestures. They have an undoubted ability to subordinate other people to their will. It is believed that these people have some special quality, charisma. Charisma has a particular effect on people by the ability to subordinate to one's will, cause trust and sympathy.

Charisma helps in any situation where you need or want to influence other people [1, 2, 3]. Charisma includes a number of aspects:

- religious;
- sociological;
- culturological;
- social;
- political, et.

Politics is an accompanying attribute of a human society. As a rule, a charismatic political leader seeks to change the existing social reality in accordance with his ideas about the ideal reality. The historical mission of a charismatic political leader is to change the reality.

Political charisma has a serious impact on people and the whole society as well. Political charisma is a part of life in hard times (crisis, revolutions and wars) and in ordinary times. Furthermore, political charisma will likely exist as long as politics exists.

A charismatic leader has a craft of public speaking, a unique ability to *infect* minds with *ideas*. He formulates a reasonable way to solve problems and paints an attractive picture of possible outcomes.

A charismatic politician should have:

- neat, smart appearance;
- personal magnetically attractive force;
- enthusiasm for the task performing;
- identification with the work he performs (it gives the impression that the person is in his place);
- optimism;
- confidence;
- composure;
- well-developed communication skills;
- ability to set clear goals;
- ability to focus on the essentials;
- ability to motivate himself and others;
- ability to make decisions;
- ability to find the right approach;
- charm;
- ability to be a role model;
- ability to establish long-term and other interpersonal relationships;
- positive outlook on life [4, 6].

On the whole, a charismatic politician has a smart appearance, good communication skills and a high level of ambitions. He is always pleased with himself. Additionally, he is both interesting and interested, demonstrates intelligence, can persuade through his words and encourage with his optimism [5].

Anyone who is trying to make a career should be able to influence people because any political, management position

leads to the situation where one has to influence other people. Any self-respecting politician should work on his charismatic image. A charismatic politician is always an optimist who radiates a powerful internal energy. He can listen and come to an agreement; has a good walking, bearing and gestures; trusts himself, respects himself and others. He has the drive and determination, courage, strong motivation and well-defined speech.

References:

1. Куимова М. В. Харизма в профессиональной деятельности педагога // В мире научных открытий. 2013. № 11.8 (47). с. 352–355.
2. Куимова М. В., Киселева М. С., Дьяченко В. И. Харизма как средство достижения профессионального успеха // В мире научных открытий. 2014. № 7.2 (55). с. 784–790.
3. Куимова М. В., Сацута А. Е. Харизма как неотъемлемый компонент профессиональной успешности преподавателя // В мире научных открытий. 2013. № 9 (45). с. 64–71.
4. Charisma. <http://www.businessballs.com/charisma.htm> (accessed May 12, 2015).
5. Political charisma as performance and projection. <http://www.ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/79d65b12-648e-4c44-9ef9-92eb59fc20c4.pdf> (accessed May 12, 2015).
6. What is charisma? <http://www.skillsyouneed.com/ips/charisma.html> (accessed May 12, 2015).

Партийное преобладание: сравнение понятий «правящая партия», «доминирующая партия» и «партия власти»

Жилинская Анастасия Вячеславовна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Трунтягин Алексей Александрович, кандидат политических наук, директор
ООО «УК «Универмаг» (г. Томск)

Ключевые слова: политическая партия, партийная система, «доминирующая партия», партийное доминирование, «партия власти», «правящая партия».

Политические партии как социальные институты зародились ещё в античные времена, слово «партия» латинского происхождения означала часть более крупной общности. Этим понятием было принято обозначать группу политически активных граждан, объединявшихся главным образом вокруг референтных личностей. Идеологическая же основа деятельности, равно как и институциональная, у первых партий практически полностью отсутствовала, объединение в группу проходило по принципу персональной солидарности с политическим лидером. Формирование современных представлений о партиях как идеологических, электоральных и институциональных социальных образованиях связано с эволюцией политического порядка (в котором партии не являлись конституирующим элементом политической системы), усилением политического влияния и значения legislatures, расширением избирательного права, развитием демократической мысли.

Определений понятия «партия» в политической науке достаточно много, что, во-первых, характерно для любой развивающейся социальной науки, во-вторых, связано с большим логическим объемом самого понятия. Исследования в области политических партий касаются самых разных сторон социальной жизни, которые достаточно хорошо сформулированы американским исследователем Дж. Ла Паломбарой, выделяющим четыре самостоятельных системообразующих признака, присущих партиям: 1) партия является носителем идеологии, особого видения мира и человека; 2) партия есть организация, объединяющая людей на различных уровнях политики; 3) цель партии заключается в завоевании и осуществлении власти; 4) партия старается обеспечить себе народную поддержку как во время голосования, так и активного членства [5, с. 227–228].

Отсюда вытекает многогранное понимание политических партий и, соответственно, сложность в формиро-

вании единого понятия. На наш взгляд, партии и образованные ими партийные системы можно считать сложными политическими конструктами, характер, предмет деятельности, а также стиль поведения которых представляет собой политическую микромодель, изучая которую можно говорить о результатах развития какого-либо конкретного общества, в том числе, о степени развития демократии, соблюдении основных гражданских прав и свобод и т. д.

Реальная роль как конкретной партии, так и партий в целом в партийной системе, а также их политический статус определяется эндогенными и экзогенными факторами. К первой группе можно отнести внутреннее устройство партии, партийное лидерство, характер принятия политических решений. Ко второй относится достаточно большое количество переменных, связанных с характеристиками политической системы, её пространства и времени, и, конечно же, партийной системы как совокупности партий.

В современной России с начала XXI века активно начала складываться такая модель партийной системы, в которой отчетливо наблюдается преобладание одной политической партии. В работе мы рассмотрим и сравним основополагающие дефиниции для более полного теоретического понимания причин и условия партийного преобладания. Итак, раскроем понятие «доминирующая партия» и соотнесём его с другими аналогичными категориями политической науки, отражающими аспекты партийного преобладания: «правящая партия» и «партия власти».

Термин «правящая партия» в отличие от «доминирующей партии», отличается тем, что первая не обязательно обладает абсолютным, либо квалифицированным большинством в парламенте, зато она в установленном законом порядке формирует высшую исполнительную власть (правовая компетенция). Поэтому «правящая партия» может и не быть доминирующей, ровно как доминирующая партия может и не формировать исполнительную власть. Как отмечает С.Н. Пшизова: «...именно партийная принадлежность главы исполнительной власти определяет статус той или иной партии как «правящей» [4, с. 300]. Если же партия-победительница на выборах не формирует исполнительную власть, она не является правящей партией, несмотря на то, что обладает парламентским большинством. Здесь все достаточно просто и понятно.

Понятия «доминирующая партия» и «партия власти» даже в научной среде обычно предполагают наличие оценочных суждений, связанных с негативными коннотациями, а порой и недемократической природой данных понятий. При этом система с доминирующей партией вовсе не означает то, что это она недемократическая. Это, кстати, подчеркивает и отечественный политолог В.Я. Гельман: «Доминирующие партии не являются уникальной особенностью недемократических режимов. Широко известна и практика «нетипичных демократий...подобных Японии или Швеции, где доминирующие партии сохраняли власть десятилетиями» [1, с. 63]. Патриарх полити-

ческой науки Дж. Сартори рассматривал доминантные партии, обладающие парламентским большинством, как партии, существующие в плуральных партийных системах в демократических государствах. Доминантные системы могут существовать в рамках политической системы столько, сколько доминирующая партия сможет сохранять после проводимых выборов парламентское большинство [6, с. 195–196].

Когда мы говорим о партийной системе с доминирующей политической партией, речь идёт о том, что доминирующая партия обладает значительными политическими и организационными ресурсами для того, чтобы свести к минимуму роль других политических партий при принятии решений. При этом возможности доминирования не ограничиваются исключительно доминированием партии в парламенте при принятии политических решений, данная партия может оказывать значимое влияние на политические и управленческие процессы во многих других сферах: административных, информационных, идеологических и т. д. Опять же для доминирования важен сам факт того, какое количество мандатов в легислатуре имеет партия, претендующая на статус доминирующей.

Понятие «партия власти» привлекает большой интерес у отечественных политологов, поскольку российская политическая система имела весьма конкретные политические организации, такие как: «Демократическая Россия», «Демократический выбор России», «Блок Ивана Рыбкина», «Наш дом Россия», «Единая Россия» и другие, которые учёные вполне уверенно и единодушно причисляют к «партиям власти» [3, с. 8]. Целый ряд политологических работ, так или иначе, касается вопросов, связанных с категорией «партия власти».

Отечественные политологи Г. Голосов и В. Лихтенштейн понимают «партию власти» как организацию партийного или квазипартийного типа, создаваемую элитой для участия в выборах. Причем создание «партий власти», по мнению политологов, имеет целый ряд институциональных стимулов для элиты и представляется её рациональной стратегией по усилению политического контроля, которые даже на теоретическом уровне оправдывает создание подобных организаций [2, с. 9–11]. Получается, что данная организация существует в силу наличия круга лиц, принимающих решения, заинтересованных в её деятельности и победе на выборах. Этот круг лиц может быть очень широк и разнообразен.

Интересную авторскую интерпретацию понятия «партия власти» предлагает С.Н. Пшизова, выделяющая два его смысла: «широкий» и «узкий». В рамках первого под «партией власти» понимается не какая-то отдельная зарегистрированная организация со своей программой и уставом, а достаточно сложный мульти-субъектный феномен, который превосходит все зарегистрированные партии по своей эффективности, включает в себя представителей различных частей политической элиты, создающих партии в качестве инструментов борьбы за контроль над государственными ресурсами. Второе, «узкое», пони-

мание «партии власти» означает уже конкретное политическое образование, на которое глава государства более или менее открыто опирается в своих взаимоотношениях с парламентом [4, с. 301–302]. Фактически С.Н. Пшизова объединяет под понятием «партия власти» одновременно как различные, даже внешне оппозиционные партийные образования, созданные действующей властью для распределения ресурсов, укрепления в политической системе в целом (широкое понимание), так и отдельные политические партии, организованные и контролируемые действующей властью (узкое понимание).

Осуществляя сопоставление понятий «партия власти» и «доминирующая партия», мы, в свою очередь, можем выявить несколько определяющих различий:

1) «партия власти» — недемократический феномен, указывающий на то, что данная организация создаётся исключительно «сверху» (властвующей элитой) и имеет своей целью проведение интересов данной элиты. Доминирующая партия не является в обязательном порядке недемократической организацией, существует как в конкурентных, так и в авторитарных политических системах, главный критерий здесь — это соотношение политических сил в парламенте, дающее доминирующей партии полный контроль над процессом принятия решений;

2) «партия власти», исходя из природы её создания, может вообще не доминировать, в отличие от «доминирующей партии». Более того, «партий власти» в рамках одной политической системы в одно время может быть несколько. Доминирующей партией становится прежде всего тогда, когда она получает большинство мест в парламенте на основании прямых выборов;

3) «доминирующая партия» однозначно является организацией более широкого масштаба, т.к. она охватывает, в отличие от «партии власти», различные сферы общества, т.е. доминирование может быть не только политическим, но и административным, идеологическим, информационным, финансовым, т.к. доминирующая партия для удержания своей власти опирается на самый широкий арсенал факторов, обеспечивающих её преобладание.

В итоге можно констатировать то, что каждое из трех изученных понятий имеет важное теоретико-практическое значение в политической науке. Эмпирические исследования партийных систем с элементами партийного преобладания должны опираться на научные обоснованные дефиниции. Ведь адекватность и практическая ценность от полученных прикладных исследований зависит от правильности понимания основных политологических понятий.

Литература:

1. Гельман, В.Я. Перспективы доминирующей партии в России // Pro et Contra. 2006. № 4. с. 62–71.
2. Голосов, Г., Лихтенштейн А. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. с. 6–14.
3. Пляйс, Я.А. Тенденции развития российских партий // Обозреватель-Observer. 2007. № 10. с. 6–16.
4. Пшизова, С.Н. Партия власти // Политология: Лексикон/Под редакцией А.И. Соловьева. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. с. 299–307.
5. Шмачкова, Т.В. Мир политических партий // ПОЛИС. 1992. № 1–2. с. 226–233.
6. Sartori, G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Volume I. USA: Cambridge University Press. 1976. 357 p.

Особенности представления концепта будущего в политических программах

Звягинцева Елена Вячеславовна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: программа политической партии, концепт будущего, политическая лингвистика.

Постоянное интенсивное развитие политических технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к теории и практике политической коммуникации. В связи с этим в России и за рубежом растет интерес к политической лингвистике.

Очень часто источником для исследования политического языка выбирается политический медиадискурс (в том числе пресса, радио, телевидение) и собственно политический (институциональный) дискурс (листовки, парламентские дебаты, выступления на митингах, программные документы политических партий и проч.) в их многообразных разновидностях и пересечениях [5, с. 127].

В данной работе источниками для исследования определяются программы различных политических партий в разные исторические периоды в отдельных странах (Россия, США, Великобритания, Франция).

Программа политическая (от греч. *programma* — объявление, предписание) — изложение основных положений, целей и способов политической деятельности партии (движения, избирательного объединения либо претендующего на выборную государственную должность политика), направленной на достижение определенного перераспределения политической власти для реализации коренных интересов той части общества, которую представляет данная партия, объединение или политический деятель. Программы политические условно подразделяются на стратегические и тактические [2].

В стратегических программах, рассчитанных на долгосрочную перспективу, провозглашаются наиболее общие, иногда абстрактные ценности и цели, которые партия, движение или политик стремятся воплотить на практике в случае прихода к власти.

Тактические политические программы представляют собой конкретизацию отдельных положений стратегических программ или самостоятельные документы, разрабатываемые для участия в избирательной кампании применительно к уровню задач, стоящих перед партией, избирательным объединением или политическим деятелем: сохранение власти или приход к ней, определение союзников и противников в предвыборной борьбе и т. д.

Содержание как стратегических, так и тактических политических программ наряду с общеполитическими вопросами, как правило, отражает позиции, цели и задачи партии, движения, политического деятеля в области экономики, социальной и культурной политики, международных и международных отношений, охраны окружающей среды и других актуальных проблем, стоящих перед обществом [2].

Провозглашаемые в программах цели и задачи обычно воспринимаются избирателями как обязательные для исполнения со стороны представителей партии, движения, избирательного блока во властных структурах, а также политических деятелей, занявших по итогам выборов государственные должности.

Партийная программа является самостоятельным типом текста, функционирующим в рамках политического дискурса. Как центральный документ, обуславливающий деятельность всей партии/ее членов, программа имеет характер основополагающего, «первичного» текста, на основе которого создаются пресс-релизы, публицистически информационные статьи, листовки, тексты публичных выступлений и др. [4].

Актуальность исследования определяется непосредственной связью рассматриваемой в нем проблематики с основными тенденциями развития антропоцентрически и коммуникативно-ориентированной лингвистики, существующим интересом к процессам речевого воздействия, теории дискурса, аргументации и воздействия.

В данном исследовании тексты программ изучаются на основе анализа их лингвостилистических и прагматических особенностей и рассматриваются как ориентированные на прагматически сфокусированное воздействие на адресата.

Как отмечает П. Серио, не существует высказывания, «в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [7, с. 21].

При этом важно учитывать, что содержание какого-либо сообщения нередко может соотноситься со сферой политики имплицитно. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знаний (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), то есть, исследуя дискурс, «мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего» [9, с. 84].

Программа политической партии уже становилась объектом исследования в социологии, журналистике, теории связей с общественностью (Вишневский 2000, Кирилова 2002, Тимошенко 2002; Зеленин 2000, Бублик 2001, Мотузенко 2002 и др.). Отдельные аспекты функционирования языковых единиц и структур в партийной программе исследовались с точки зрения лингвистики (Иссерс 1997, Кривоносов 2002, Лисовский 2000, Наминова 2001, Пономарев 2001, Green 1991, Gaffney 1991, Weidhorn 1987 и др.) [4].

Однако на настоящий момент не обнаружено целостных исследований, посвященных структуре отдельных концептов в программах партий. Существуют лишь фрагментарные упоминания отдельных концептов (понятий), например у Т. Болла [1].

Между тем, одно из центральных мест в современной лингвистике занимает проблема концептуализации/категоризации окружающей действительности.

Концепт — явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы: концепт является калькой с латинского *conceptus* «понятие», от глагола *concipere* «зачинать», т. е. значит буквально «поятие, зачатие»; понятие от глагола *поняти*, др.-рус. «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены» буквально значит, в общем, то же самое [8]. В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, одно вместо другого.

Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек,

не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

Концепт имеет сложную структуру. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.

У концепта можно условно выделить три «слоя»:

- основной, актуальный признак;
- дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»;
- внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме.

Концептуальная система языка определяется не только физическим базисом, но и социумом и его культурой. В ней есть, таким образом, универсальный и национальный, или идиознанийский (принадлежащий данной культуре) компоненты. Так, в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона приводится целый ряд несовпадений культурных метафорических концептов:

повседневные метафоры англоязычного социума далеко не всегда адекватны русскоязычному языковому сознанию [3].

Именно метод концептуального анализа позволяет проникнуть в закономерности дискурсивного (нелинейного) развертывания политического текста, выявить внутреннюю связь между глобальными метафорическими концептами и используемыми терминосистемами, между концептами, относящимися к разным языковым уровням. «Метафора дает нам возможность понимать те области опыта, которые не очень обладают собственной доконцептуальной структурой» [3, с. 143].

Выбор же в данной работе для исследования концепта будущего не случаен. Сама структура программ политических партий, политических лидеров (построение перспектив долгосрочного развития, обилие обещаний и т. д.) способствует его яркому отражению в них [6, с. 803]. Даже названия программ подтверждают правильность выбора концепта, например «План Путина — достойное будущее великой страны» («Единая Россия»), «Горизонт 2007–2017. Вернуть России будущее» («Союз правых сил»), Стратегия «Казахстан 2030» и т. д.

Литература:

1. Болл, Т. Власть [Электронный ресурс] // Полис, 1993. № 5. с. 36–42. — URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81515> (дата обращения 18.03.2015).
2. Грачев, М. Н. Программа политическая // Политическая энциклопедия: В 2 т. — Т. 2./Национальный общественно-научный фонд; Рук. проекта Г. Ю. Семигин; Науч.-ред. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин. — М.: Мысль, 1999. с. 282.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М., 1990.
4. Логинова, И. Ю.. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (На материале английского языка): Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. — СПб., 2004. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/93333.html#introduction> (дата обращения 28.03.2015).
5. Сенцов, А. Э. Образ сильного государства в программах современных политических партий России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2011. — № 3. — с. 126–130.
6. Сенцов, А. Э., Онищенко А. К. К проблеме исследования концептуальной метафоры // Молодой ученый. — 2015. — № 4. — с. 802–804.
7. Серно, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций/П. Серно // Квадратура смысла. — М., 2002.
8. Степанов, Ю. С. Теория языка, 2006. [Электронный ресурс] // URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml (дата обращения 28.03.2015).
9. Yule, G. Pragmatics. — Oxford, 2000.

Применение неинституционального подхода к изучению проблемы экстремизма

Иванищев Виталий Олегович, магистрант
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В настоящее время реальную угрозу национальной безопасности России, ее территориальной безопасности, конституционным правам и свободам граждан, соци-

ально — политической стабильности общества представляют проявления экстремизма в различных его формах. В этой связи проблема экстремизма стала предметом

пристального внимания ученых, рассматривающих экстремизм, как негативное социальное явление, опираясь на достижения современной науки в области философии, социологии, права, политологии.

Однако, несмотря на многостороннее изучение экстремизма как социально-политического феномена, единого общепринятого подхода к анализу аспектов данной проблемы и методов его решения в научной среде не сформировано.

Одним из перспективных теоретических и методологических направлений в современной политической науке является неинституциональный подход, широко используемый рядом отечественных и зарубежных исследователей. Применения данного подхода, позволяет по новому взглянуть на проблему экстремизма через призму его институционального оформления, определить функциональные характеристики данного негативного явления, роли определенных акторов и их взаимодействия.

Институциональные теории как методологический базис ряда исследований, получили широкое распространение в социальных, политических и экономических науках. Однако, именно сформированный к середине 1980-х гг. обновлённый институционализм активно развивался в научной среде за последние десятилетия и особенно в политической науке [4].

Вместе с тем, новый институционализм не является строго однонаправленным теоретико-методологическим подходом. Уже на этапе своего формирования данный подход разделен на самостоятельные направления.

Не вдаваясь подробно в дискуссии по вопросу классификации институциональных теорий отметим лишь, что довольно широкий круг исследователей выделяет следующие группы новой институциональной теории: институционализм рационального выбора, нормативный институционализм, социологический институционализм, исторический институционализм [6].

Прежде чем рассмотреть различные варианты применения неинституционального подхода к изучению проблемы экстремизма, кратко обозначим его основные положения.

Нормативный неинституционализм, сторонниками которого являются Дж. Марч, Й. Олсен, делает акцент на способности учреждений, организаций вырабатывать нормы и ценности. Сквозь их призму объясняются процессы различных уровней. С точки зрения нормативистов, институт представляет собой норму поведения, которая реализуется в повседневной практике, становясь при этом типичной и устойчивой. Любая норма проходит путь от своего зарождения в качестве неформальной и локальной, до рутинной и типичной в ходе процесса институционализации. Дж. Марч и Й. Олсен видят в институте сравнительно устойчивую совокупность правил и организованных практик, укоренённых в структурах значений и ресурсах [4, с. 11].

Теоретики рационального выбора в неинституционализме (Э. Остром, К. Шепсл, Д. Норт.) в отличие от нор-

мативистов, главенствующую роль отводят рациональному актору, отличительной чертой которого является способность определить для себя наиболее удачную стратегию поведения, опираясь на личные предпочтения и исходя из расчёта баланса издержек и прибыли. В этом контексте институты рассматриваются, как правила взаимодействия акторов, определенными «договорённостями», которые снижают уровень неопределённости и транзакционные издержки. По мнению Д. Норта институты это «правила игры», т. е. «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми...институты включают в себя все формы ограничений, чтобы придать определённую структуру человеческим взаимоотношениям» [3, с. 17]. В итоге, институты определяются как регулятивные правила, являясь внешними ограничителями поведения индивидов.

Исторический неинституционализм определяет институты как формальные и неформальные процедуры, нормы и соглашения, корни которых уходят в организационную структуру той или иной системы. Огромную роль играет первоначальный выбор, который оказывает наиболее значительное воздействие на все последующие решения. Институт воспринимается, скорее, как обеспечивающий долгосрочную преемственность, а не реформы и инновации [2, с. 212]. Данный подход рассматривает институты как формальные и неформальные процедуры, нормы и соглашения, определяющие принятые в обществе практики политического действия. Именно организации и институты, в данном подходе, являются первичными по отношению к действующим акторам. Помимо этого исторический подход позволяет выявить интересы организаций, идеологические и ценностные ориентации на уровне социальных групп и обществ, проследить путь их предшествующего институционального развития [2].

Акцент на самоорганизацию общественных структур, норм и практик делает социологический неинституционализм. Авторы данного направления считают, что коллективные решения не являются простой суммой индивидуальных решений. Они формируются под организационным давлением. Институты влияют на направление агрегирования интересов так же, как и индивиды, социальные группы [4].

Используя данные постулаты различных направлений неинституциональной теории, ряд исследователей предприняли попытку изучить сущность и указать на конструктивные элементы определения экстремизма.

Так Р.Н. Гетц, считает, что рассматривая экстремизм (прежде всего политический) с точки зрения институциональной теории необходимо различать две категории: экстремизм, как институт и экстремизм как организация. Взаимосвязь же между институтами и организациями такова: организации создаются для достижения определенных целей благодаря тому, что существующие институты (ограничения) создают возможности для соответствующей деятельности, а в процессе движения к своим целям

организации выступают агентами институциональных изменений [1].

Основываясь на том утверждении что институты (прежде всего политические) представляют взаимосвязь формальных норм и неформальных правил игры, образующих в итоге сложные организующие отношения, ученый рассматривает феномен экстремизма, как неформальный институт, особенностью которого становится не санкционированная общественными нормами и нелегитимизованная форма взаимодействия определенной группы индивидов. Исходя из этого успешность борьбы с экстремизмом на государственном и общественно-политическом уровнях зависит от устойчивости и функциональности формальных институтов, слабость которых создает благоприятные условия для развития неформальных практик. Кроме дисфункциональность формальных политических институтов вызывает социальную напряженность, что в свою очередь приводит к замене социального взаимодействия в системе «граждане-государство» неформальными связями и отношениями, в том числе противоправного характера [1].

Ряд авторов зарубежных социально-гуманитарных исследований также изучали проблематику экстремизма в рамках неинституционального подхода. Особое внимание было уделено рассмотрению данного негативного явления сквозь призму концепта рационального актора. Такой подход в рамках теории рационального выбора, подразумевал под рациональным актором, субъекта, который стремится максимально реализовать свои интересы при наименьших потерях, руководствуясь принципом кулькуляции возможных издержек и приобретений и выбора среди альтернативных вариантов наиболее выгодного. Однако, интерпретация рационального актора имела и отличия от классической трактовки в теории рационального выбора. В современных теориях объясняющих сущность экстремизма, под рациональным актором подразумевается, прежде всего, социальная группа (экстремистская организация), а не индивид. При этом данная социальная группа воспринимается как некая целостность и принуждающая сила, надстраивающая над индивидами [7, с. 244].

Как отмечает С.И. Чудинов, признав в качестве первичного субъекта социальную группу (радикальную, экстремистскую группировку), некоторые ученые разошлись во мнении относительно целей и условий, при которых такие организации готовы прибегнуть к крайним методам и средствам. Разные позиции были выражены по вопросу мотиваций индивида сподвигших его к вступлению в экстремистскую организацию, и готовности нести издержки ради достижения коллективных целей [7, с. 245].

Американский исследователь М. Блум в своей работе *Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror* утверждает, что в основе динамики деятельности повстанческих групп экстремистских организаций, прибегающих к насильственным действиям и акциям, лежит идея соперничества. Конкуренция, которая нацелена на местное население, от-

дающее «свой голос» за данные организации, выражая тем самым свою поддержку, является ведущим фактором их деятельности. При этом подмечается, что к крайним формам и методам ведения борьбы обращаются лишь тогда, когда иные стратегии потерпели крах. Кроме этого автор отмечает, что в рамках своей пропаганды экстремисты зачастую пытаются изобразить фанатичность, иррациональность, непредсказуемость своих действий с целью убедить противника в неэффективности и бесполезности любых попыток противодействия с их стороны [8].

В теории социальной солидарности, сторонники которой считают, что в отношениях «индивид — экстремистская группа» приоритет отдается группе. Рациональность индивида, отдельного актора поглощается рациональностью группы в результате процесса социализации внутри экстремистского сообщества. С. Атран утверждает: «Путем идеологической индоктринации и тренировки и под влиянием харизматических лидеров замкнутые экстремистские и террористические организации канализируют несопоставимые религиозные и политические чувства индивидов в эмоционально сплоченную группу фиктивных родственников, которые сознательно крайние способы борьбы, что воспринимается как коллективное благо, способное смягчить политические и социальные тяготы своего общества». Чтобы процесс социализации был инициирован, индивиду сначала следует присоединиться к экстремистской группе, что во многом связано с социальным контекстом существования (коллективное чувство исторической несправедливости и пр.) [7, с. 245]

Сторонники теории экономического обмена рассматривают поведения индивидов, вступающих в экстремистскую группу, как действие рационального актора, заключающего своеобразный негласный «контракт» и акт экономического обмена услугами. Весьма плодотворны в рамках этого направления работы Л. Яннаконе, посвященные в массе своей применению теории рационального выбора к изучению социологии религии, в том числе к исследованию уровней проблемы религиозного фундаментализма и экстремизма, возрастанию религиозности подобного рода организаций и т.д.

Как и Г. Беккер, ученый считает, что теория рационального выбора должна включать в себя принцип стабильных предпочтений, рыночного равновесия и максимизации поведения.

Говоря о максимизации поведения, ученый утверждает, что принимая решения о выборе религии, вступлении или поддержке той или иной организации (в том числе и экстремистской направленности) люди взвешивает как будет их участие в ней, с точки зрения потерь и максимизации приобретений. Стабильность же выбранных предпочтений, следование выбранному решению, (например поддержка деятельности экстремистских организаций, экстремистских идеологий) зависит от оптимальных реакций на меняющиеся обстоятельства:

изменения уровня издержек/приобретений, умений, опыта, технологии, ограничение ресурсов и т.п. [5, с. 244–246]. При этом, как подмечает К. Викторович, рациональный выбор актора может основываться не только на материальных или политических интересах, но и «духовных понятиях», религиозных убеждениях (например, применительно к действиям религиозных экстремистов, террористов-смертников) [7, с. 246].

Вышеобозначенные постулаты неоднократно подвергались конструктивной критике. Многие исследователи вполне обосновано считают, что акторы далеко не всегда действуют рационально, не всегда соизмеряют и могут подчитать все возможные издержки и предполагаемую вы-

году (данная критика особенно актуальна относительно вопроса рациональности экстремизма). Реальная практика такова, что индивиды зачастую могут предпочесть одно, а в силу культурных традиций и социальных связей выбирать другое [5].

Несмотря на то, что рассмотренные в статье подходы и теории не могут претендовать на универсальность в изучении всего спектра вопросов и проблем, связанных с феноменом экстремизма, тем не менее, дальнейшая разработка обозначенной проблемы с учетом достижений современной политической науки и неинституциональной теории в частности видится нам весьма продуктивным.

Литература:

1. Гетц, Р.Н. Современные технологии противодействия политическому экстремизму в Российской Федерации: диссертация кандидата политических наук: 23.00.02/Гетц Роман Николаевич; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. — Санкт-Петербург, 2012. — 161 с.
2. Кокорхоева, Д.С. Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». — 2010. — Вып. 14. № 7 (78). — с. 208–217.
3. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
4. Патрушев, С.В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. — 2009. — № 3. — с. 5–19.
5. Руткевич, Е.Д. «Новая парадигма» в социологии религии: Pro et Contra // Вестник Института социологии. — 2013. — № 6. — С. 207–233.
6. Флигстин, Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. — 2001. — № 4. — с. 28–55.
7. Чудинов, С.И. Проблема рациональности экстремизма в западных социально-гуманитарных исследованиях (на примере терроризма смертников) // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 21. — с. 244–247.
8. Bloom, M. Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror. New York, 2007. P. 3.

Выражение концепта будущего в современной политической идеологии

Каа Кристина Александровна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: политические концепты, концепт будущего, программа политической партии.

В древности потребность человека в предсказании будущего удовлетворялась прорицаниями оракулов, жрецов и т.д. В тот период «матрицей, характеризующей определенный тип идеальной детерминации политических отношений и одновременно принцип организации политического сознания общества, выступал миф» [10, с. 8]. Затем будущее прогнозировали философы, религиозные мыслители, на смену мифам пришли религиозные конструкции. Начиная с Нового времени на политической сцене появляются идеологии, которые вытесняют

на периферию политического дискурса мифы и религиозные конструкции [10, с. 9]. В настоящее время политическое общение практически всегда идеологизировано, поскольку участники выступают в нем не как самостоятельные личности, а как представители каких-либо политических групп и институтов. Обусловленные идеологией ментальные схемы тех или иных политических партий определяют их вербальное поведение (например, риторические приемы и стратегии, речевые ходы и тематическую структуру политического дискурса).

Человек постоянно желает узнать то, чего еще нет, увидеть то, что ожидает человечество. Будущее является неотъемлемой частью социального времени, основой познавательной, ценностно-смысловой деятельности человека. Самосознание себя и истории невозможно без целостного времени. Обсуждение будущего — необходимый элемент познания, переживания, понимания, творческо-созидательной деятельности вообще [11, с. 147].

Российский исследователь М. В. Ильин главным методом политического дискурса-анализа считает политику как явление семиотическое, как осмысленное взаимодействие ради достижения цели. В этом случае политика становится коммуникацией, общением, и, своего рода, «языком», который, однако не совпадает с естественным человеческим языком [5, с. 11]. В данном случае речь идет об одном из основных понятий современной политической лингвистики — «языковой картине политического мира» (точнее «лингвоментальной картине политического мира»), которая трактуется как целостная совокупность образов действительности, существующая в сознании (как индивидуальном, так и коллективном) и находит отражение в коммуникативной деятельности. Данная языковая картина является сложным объединением единиц ментального порядка (концептов, понятий, сценариев, метафорических моделей и др.), которые относятся к сфере политического дискурса [13, с. 43].

В своем учебном пособии «Современная политическая лингвистика» Э. В. Будаев и А. П. Чудинов высказывают мысль о том, что речевая деятельность личности или коллективного субъекта политики (например, политической партии) воспринимается как отражение существующей в сознании людей языковой картины политического мира. Подобная деятельность может служить материалом для изучения индивидуальной, социумной и национальной ментальности [1]. Данные положения соответствуют когнитивному подходу к исследованию современного политического дискурса, который мы принимаем в данном исследовании за основной.

В основе когнитивного метода «лежит предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи — объяснения процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, соответственно, и определяют сущность человеческого разума» [6, с. 42]. Методы когнитивного анализа политического дискурса позволяют реконструировать представления человека или группы лиц об окружающем мире, определить его ценностные воззрения. Помимо этого, данные методы помогают составить представление и о политической ситуации, т. к. «внутренние модели мира есть часть объективной политической картины» [2, с. 129].

Одним из наиболее актуальных направлений политического дискурса-анализа в рамках когнитивного метода является анализ политических концептов (концепт-анализ). Зарубежное научное направление, делающее ак-

цент на изучении политических концептов сформировалось под влиянием школы аналитической философии (Рассел, Витгенштейн, Грязнова). Именно в рамках этого направления исследователи впервые попытались посмотреть на мир через призму языка как одного из важнейших социальных конструкторов [7, с. 131].

В рамках современного когнитивного подхода в политической лингвистике представляется возможным от описания структур политического дискурса перейти к моделированию его когнитивной базы, что осуществляется через анализ концептов политического дискурса, которые лежат в основе политических предубеждений [14, с. 18]. Именно к этой категории концептов и относится исследуемый в работе концепт будущего.

Политические концепты представляют собой сложные ментальные образования, которые упорядочивают и придают значение происходящим или ожидаемым политическим явлениям, объединяют родственные понятия. Помимо этого, политические концепты приобретают те или иные значения не только благодаря историческим традициям дискурса, и не только из-за множественных культурных противоречий, но, также, благодаря их нахождению в группе с другими политическими концептами [15, с. 52–55].

В нашем исследовании за образец структуры концепта мы принимаем модель, предложенную исследователем И. А. Стерниным [12]. Каждый концепт имеет определенную структуру, хотя и не может быть представлен как жесткая структура, подобно значению отдельного слова. Типы концептов различаются по содержанию и по структуре. Однако каждый концепт обязательно имеет базовый слой, который «всегда представляет собой определенный чувственный образ (автобус — желтый, тесно, трясет; искусство — картины; религия — церковь, молящиеся люди)» [12, с. 58]. Данный образ, называемый кодирующим, является единицей универсального предметного кода (Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов), которая кодирует концепт для мыслительных операций [12, с. 58].

Можно говорить о базовом слое концепта — чувственно-образном ядре, которое кодирует его как мыслительную единицу, плюс ряд дополнительных концептуальных признаков. Когнитивные слои, образуемые этими концептуальными признаками и отражающие развитие концепта, его отношения с другими концептами дополняют базовый когнитивный слой. «Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру» [12, с. 59].

Отметим, что наибольшее внимание в программах современных российских политических партий уделяется именно теме и концепту будущего (в данном исследовании рассматриваются программные документы партий «Единая Россия» и КПРФ).

В плане структуры концепт будущего в рассматриваемых программах относится к сегментному типу, т. е. представляет собой когнитивный слой концепта, состоящий

из ядра, окруженного несколькими когнитивными сегментами, равноправными по степени абстракции. Чувственно-образным ядром концепта будущего в Программном заявлении «Единой России» является наглядный образ «свободной, единой, суверенной, процветающей России» [9]. В программе КПРФ ядро концепта — единое, целостное и независимое Отечество [8].

Данные образы практически идентичны, они являются кодирующими, единицами универсального предметного кода, той целью, к которой, формально, стремится каждая из партий. На уровне сегментов концепта будущего программы рассматриваемых партий не совпадают [3, с. 972]. В программе «Единой России» сегменты сформулированы уже и конкретнее — сбережение рос-

сийского народа; придание нового качества борьбе с коррупцией и создание в России экономики инновационного типа [4]. Тогда как КПРФ формулируют приоритеты шире и абстрактнее — установление демократической власти трудящихся; более широкое участие трудящихся в управлении государством и формирование социалистических общественных отношений. Базовый слой концепта и его когнитивные сегменты представляют ядро концепта.

Но кроме ядра, концепт имеет объемное интерпретационное поле, которое составляет его периферию [12, с. 61]. Исследование показывает, что на уровне периферии рассматриваемого концепта программы партий практически совпадают, поле представлено в основном задачами в социальной, экономической и политической сферах.

Литература:

1. Будаев, Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2006.
2. Гаврилова, М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. — 2004. — № 3. — с. 127–139.
3. Жилинская, А. В., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А. Патриотическая риторика как источник сохранения политического порядка в современной России // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 970–973.
4. Захарченко, Е. А., Тумакова Н. А. К вопросу аутентичности в обучении иностранным языкам // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1058–1060.
5. Ильин, М. В. Политический дискурс как предмет анализа // Политический дискурс: история и современные исследования: Сборник научных трудов/Отв. ред. и сост. Герасимов В. И. и др. — М.: РАН, 2002. — с. 7–19.
6. Петров, В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы. — Вопросы языкознания, № 2, 1988.
7. Петров, К. Е. Структура концепта «терроризм» // Полис. — 2003. — № 4. — с. 130–141.
8. Программа Коммунистической партии Российской Федерации [Электронный ресурс] // Коммунистической партии Российской Федерации: сайт. — Режим доступа: URL: <http://kprf.ru/party/program> (дата обращения 28.02.2015).
9. Программное заявление партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Единая Россия: сайт. — Режим доступа: URL: <http://edinros.ru/eg/gubr.shtml?110100> (дата обращения 28.02.2015).
10. Соловьев, А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. — 2001. — № 2.
11. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество/Питирим Сорокин. — М.: Политиздат, 1992.
12. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001. — с. 58–65.
13. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие/А. П. Чудинов. — 3-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2008.
14. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.
15. Kelly, D., Donway R. Liberalism and free speech // Democracy and the mass media. Ed. by Judith Lichtenberg. Cambridge, 1995.

Аргентина в XXI веке: основные векторы внутривнутриполитического развития

Караханова Раиса Валидовна, научный сотрудник
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В конце XX — начале XXI в. в Аргентине произошли глубокие экономические и социально-политические изменения. В 1990-е гг. при президенте К. Менеме были проведены неолиберальные экономические реформы, с одной стороны способствовавшие развитию крупного частного предпринимательства, с другой — обострившие различные социальные проблемы. В течение какого-то времени неолиберальная модель работала, и Аргентина процветала, но затем именно эта модель привела страну к глубочайшему кризису. Политика ускоренной масштабной приватизации и открытия внутренних рынков, которую проводило правительство Менема, принесла Аргентине краткосрочные успехи, которые в дальнейшем обошлись стране слишком дорого.

Ключевые слова: Аргентина, Нестор Киришнер, Кристина Фернандес де Киришнер, внутренняя политика.

К началу 2002 г. в стране сложилась очень тяжелая ситуация — экономическая рецессия переросла в кризис, глубина которого измерялась не столько уровнем падения ВВП, сколько отчаянием рядовых аргентинцев и утратой ими веры в завтрашний день. Вслед за дефолтом и девальвацией национальной денежной единицы последовал крах сложившейся в стране модели развития. За сравнительно короткий период времени Аргентина превратилась из неолиберального «образца для подражания» или «блестящей витрины Латинской Америки», как ее называли в то время, в несостоятельного должника. Ситуацию особенно осложнял тот факт, что в обществе явно обозначился кризис доверия к власти. С момента сложения полномочий президентом Фернандо де ла Руа в конце 2001 г. фактически образовался вакуум власти: ни одна из политических сил не была способна уверенно взять власть в свои руки и обеспечить стабильность в обществе. Это обстоятельство породило острейший институциональный кризис. За короткий промежуток времени с 20 по 31 декабря 2001 г. на вершине власти сменились четыре политика (все они занимали президентское кресло не в результате волеизъявления народа, а по решению парламента), случай по-своему уникальный в истории страны. После кризиса 2001—2002 гг. крайне обострилась проблема политического лидерства, среди населения страны преобладало глубокое недовольство действиями политиков.

Вот так бесславно закончилась эпоха «жесткого неолиберализма» в Аргентине. С другой стороны, аргентинский кризис позволил сформироваться новому подходу правящих кругов страны к вопросам экономического и социального регулирования. Кризис многих заставил задуматься о его причинах. Ведь вопреки получившему среди сторонников свободной экономики мнению, будто снятие всех рыночных ограничений неизбежно приведет к всеобщему благоденствию, в Аргентине в результате этого значительно усилился экономический и социальный дисбаланс. Таким образом, именно неудовлетворительные (для значительной части населения) итоги неолиберальных реформ 1990-х гг. и тяжелые хозяйственные и социальные последствия кризиса 2001—2002 гг. стали отправной точкой для смены экономического курса.

В этих драматических обстоятельствах президентом становится Нестор Киришнер, политик левоцентристского толка и активный сторонник государственного вмешательства государства в экономическую и социальную сферы. Тот факт, что Нестор Киришнер победил на президентских выборах 2003 г., набрав рекордно низкое число голосов избирателей, поначалу дало повод для разговоров о том, что он будет несамостоятельным президентом, зависимым от своего политического покровителя Эдуардо Дуальде [1, с. 9]. Однако уже в первый год своего мандата новому президенту удалось добиться значительного роста своего рейтинга (около 80%). Это кажется невероятным, особенно если вспомнить, что еще в 2001 г. аргентинцы были совершенно разочарованы в политиках, что выразилось в лозунге «Пусть все убираются!» («¡Que se vayan todos!»). Президент Киришнер показал себя решительным лидером, способным управлять страной в трудные времена аргентинской истории.

Период 2003—2007 гг. стал для Аргентины временем глубоких политических и социально-экономических трансформаций. Перестройке подверглись многие стороны жизни аргентинского государства. В период правления Н. Киришнера Аргентина вошла в число тех стран, где был отмечен «поворот влево» во внутренней и внешней политике — на первый план вышли вопросы, связанные с защитой государственного суверенитета и национальных экономических интересов, социальной защищенности малоимущих слоев населения. Его курс можно охарактеризовать как государственническую политику левоцентристского толка с прицелом на создание современного социально ориентированного и социально ответственного капиталистического общества. В сфере внешней политики приоритетным направлением стало укрепление взаимодействия со странами Латинской Америки.

Иными словами, Нестор Киришнер вернулся к основополагающим идеям перонизма, которые традиционно включали: сильную регулируемую роль государства в экономике и социальной сфере; твердый государственный контроль над внешней торговлей и деятельностью иностранного капитала внутри страны; бюджетную поддержку национальных сельскохозяйственных

и промышленных производителей; союз с рабочими профсоюзами и т. д. Это означало возвращение к некоторым инструментам неокейнсианского регулирования хозяйственной жизни страны.

За время своего президентства ему удалось достичь ряда экономических, а также внутри- и внешнеполитических успехов. Среди его основных достижений: экономический рост на уровне 8–9% в год; увеличение объема иностранных инвестиций в экономику страны (во многом за счет того, что была значительно ослаблена проблема задолженности Аргентины перед иностранными кредиторами); снижение уровня безработицы и числа бедных; расширение и укрепление связей со странами региона.

Все это, как отмечают, привело к тому, что, наконец, после кризиса начала XXI в. аргентинцы вновь обрели веру в будущее, а это в свою очередь обеспечило Н. Киршнеру огромную популярность среди его сограждан, которая согласно опросам, стабильно держалась на уровне 70%, что, несомненно, свидетельствовало о том, что аргентинцы одобряли курс своего президента. Постепенно глава государства установил полный контроль над Хустисиалистской партией (Хустисиалистская партия — с 1973 г. официальное название Перонистской партии Аргентины, созданной Х. Д. Пероном в 1947 г.), подтвердил свой авторитет среди военных, усмирил забастовочное движение, которое угрожало стабильности предыдущих мандатов, получил контроль над Национальным конгрессом в ходе промежуточных выборов в октябре 2005 г. Все это, по нашему мнению, позволило ему обеспечить преемственность власти, фактически передав ее в 2007 г. своей супруге К. Фернандес де Киршнер.

Итоги президентских выборов 2007 г. явно обозначили смещение предпочтений электората к левому центру — большинство аргентинского электората поддержало политиков левоцентристского и центристского толка. Влияние правых и левых сил резко упало в сравнении с 1990-ми гг. и началом 2000-х гг. В сравнении с первым туром президентских выборов 2003 г. (когда левый центрист Нестор Киршнер получил всего 22,24% голосов) его преемница смогла увеличить этот результат более чем вдвое, а неспособностью оппозиции к объединению сделала победу правительственного кандидата фактически безальтернативной [2, с. 187].

Таким образом, Кристина Ф. де Киршнер стала главой государства в 2007 г. на волне популярности своего мужа Нестора Киршнера, который неожиданно для многих отказался от выдвижения своей кандидатуры на новый срок, хотя имел такую возможность согласно конституции страны. И его шансы на победу были вполне неплохими: по опросам общественного мнения накануне выборов его рейтинг «зашкаливал» за 50%, а некоторые аналитики приписывали ему и все 75% (!). Однако, несмотря на это Н. Киршнер считал, что именно его жена должна стать новым президентом Аргентины.

Во многом, как нам кажется, это решение было продиктовано определенными трудностями, с которыми пре-

зиденту пришлось столкнуться накануне президентских выборов 2007 г. — это и победа оппозиции в некоторых регионах страны, и ослабление позиций некогда могущественной Перонистской партии и некоторые другие. Именно это способствовало тому, что Нестор Киршнер принял решение фактически передать свой пост супруге, но при этом полностью не отходить от власти, а заняться укреплением партии.

Несомненно, что результаты выборов свидетельствовали о том, что в целом аргентинцы положительно оценивали результаты политики Нестора Киршнера. А его преемница полностью оправдала надежды аргентинских трудящихся на преемственность государственного курса, продолжив прежнюю линию на модернизацию Аргентины.

Наиболее интригующим вопросом первого мандата был вопрос о степени участия экс-президента в управлении страной. Долгое время в стране говорили о «двойном командовании». Эта ситуация породила в аргентинских и международных СМИ множество толков о том, насколько каждый из супругов Киршнер является самостоятельным политиком, намерены ли они превратить Аргентину в семейное предприятие и будут ли переписывать конституцию, чтобы сохранить власть.

Важным направлением деятельности нового правительства стало возвращение в руки государства тех предприятий и собственности, которые были приватизированы в 1990-е годы правительством Карлоса Менема (национализация пенсионных фондов; стратегических объектов и предприятий). Еще одной заслугой К. Киршнер стала выплата в июне 2010 г. 12,3 млрд. долларов внешнего долга. Стоит отметить, что проблема внешнего долга, приведшая к сокращению иностранных инвестиций в страну и росту недоверия со стороны партнеров на мировом рынке, на протяжении многих лет была и пока остается «ахиллесовой пятой» аргентинской экономики.

Высокие цены на сельскохозяйственное сырье (прежде всего это касается сои) и политика выгодных для государства экспортных пошлин превратили торговлю в главную движущую силу экономического подъема Аргентины. В результате страна смогла профинансировать масштабные социальные программы: были увеличены субсидии малообеспеченным слоям населения, средняя заработная плата ежегодно повышалась почти на четверть. За это властям приходится расплачиваться 25-процентной инфляцией — самой высокой среди стран Латинской Америки после Венесуэлы. Стремясь поставить под контроль растущую инфляцию, аргентинские власти всячески пытались регулировать цены на продукты питания, товары повседневного спроса, энергоносители и некоторые виды услуг — применялись различного вида запреты, фиксирование цен, ограничения на экспорт, что привело в конечном счете к конфликтам с сельхозпроизводителями, а также компаниями, работающими в нефтяном секторе. Политика давления на иностранные компании со стороны администрации, а также жесткое противостояние международному сообществу кредиторов

отрицательно сказывались на имидже страны и ее привлекательности для иностранных инвестиций.

Можно констатировать, что в рассматриваемый период аргентинская экономика являлась не очень привлекательной для иностранных инвесторов. Кроме того, в стране существовали высокие политические риски (административное давление на иностранные компании, одностороннее расторжение договоров со стороны правительства, проблемы с инвестиционным законодательством, частичный запрет на вывоз прибыли и др.). Международные финансовые эксперты считали, что рентабельность вложений в аргентинскую экономику являлась ниже среднемирового уровня [3, с. 235].

Критики нередко обвиняют президента в популизме и утверждают, что социальные программы правительства существуют только за счет высоких цен на сырье. Можно с уверенностью констатировать, что президенту обеспечена поддержка электората, пока цены на сырье и особенно продовольствие, экспортируемые из Аргентины, будут высокими. Однако же можно предположить, что как только мировые цены упадут, Киришнер лишится поддержки бедняков, обеспечивших ей победу. Как сказал один аналитик каналу «América 24»: «Ни одно правительство в мире не смогло бы проиграть выборы, если экономика развивается как в Аргентине» [4].

Литература:

1. Isidoro Cheresky Argentina. Cambio de rumbo y recomposición política // Nueva Sociedad, 193.
2. Яковлева, Н. М. Аргентина // Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. Ч. 2. — М: ИЛАРАН, 2009.
3. Cortés Conde, Roberto. La economía argentina: una vision de largo plazo // 25 de mayo de 2010: una Argentina posible/compilado por Roberto Cortés Conde. Buenos Aires, 2009.
4. Fernández promete profundizar modelo tras arrasador triunfo // Nuevo Herald, 23.10.2011
5. A Mixed Message in Argentina's Vote. — Time. 29. X. 2007.
6. Página/12. 23.10.2011.

Молодёжное экстремистское движение в современной России как «виртуальная страта»

Кетов Александр Рюрикович, кандидат политических наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Традиционные устои повседневной жизни в современном мире размываются, социальный прогресс ставит перед исследователями новые задачи, и в то же время повседневность вбирает в себя политические практики, появление которых обусловлено развитием общественных наук. Примером в данном случае могут служить политизированные молодёжные субкультуры. На формирование идеологии и политической практики российского молодёжного экстремистского движения оказывают

Подтверждением этого тезиса стали итоги всеобщих выборов 23 октября 2011 г. в Аргентине. Успех действующей главы государства (54% голосов избирателей) во многом объяснялся также отсутствием политической альтернативы, поскольку оппоненты власти не сумели предложить избирателям единого кандидата. Оппозиция хотя и предпринимала попытки к объединению, не смогла выработать общую платформу, не обрела новых ярких лидеров, способных играть первые роли, не сумела разработать альтернативную программу развития. Противоречия внутри аргентинской оппозиции сделали президентские выборы по сути безальтернативными.

Традиционно электоратом К. Киришнер являются рабочие, а также сельская беднота провинций [5], живущая за счет государственных пособий и дотаций. Ее правительство делает ставку на поддержку социально уязвимых слоев населения, зависящих от государственных субсидий и программ помощи. По нашему мнению, далеко не последнюю роль в успехе К. Киришнер играет апелляция к образу Эвы Перон. Своей эффектной внешностью, дорогими нарядами и «материнским» обращением к простым людям она чем-то напоминает им знаменитую «Эвиту», жену диктатора Хуана Перона, почитаемую в Аргентине как национальная святая. «Кристина как никто воплощает собой народное правительство», — считают ее сторонники [6].

влияние процессы, характерные для всего современного мира, в том числе постсоветского общества. Как пишет В. Н. Фурс, «вследствие открытости сегодняшней социальной жизни и плюрализации ценностей и авторитетов возрастающее значение в конституции личностной идентичности приобретает выбор стиля жизни» [6, с. 98].

«Стиль жизни» в данном контексте следует понимать как феномен, появление и актуализация которого означает коренной разрыв с традиционным обществом, куль-

турами. Он может быть выбран индивидом в рамках существующих и постоянно меняющихся условий. «Стиль жизни» включает в себя повседневные практики, открытые для изменений. Самоидентичность перестаёт быть для индивида предопределённой, он меняет её по своему усмотрению. На рассматриваемый выбор оказывают влияние взаимосвязанные с самоидентичностью решения, относящиеся к повседневности индивида: например, решение носить ту или иную одежду. Следует отметить, что в данной трактовке понятие «стиль жизни» сближается с понятием «субкультура».

Потеря ориентиров, свойственных личности в традиционную или индустриальную эпохи, выступает одной из причин полистилизации, поиска индивидом новых идентичностей. У. Бек так писал о сложившейся ситуации: «сегодня многие говорят на другом языке, по необходимости неопределённом — о «самоосуществлении», «поисках собственной идентичности», «развитии личных способностей» и о том, что нужно «постоянно двигаться вперед» [2, с. 143]. Тяга к переменам идентичности, стиля жизни наиболее характерна для молодых поколений, так как старшие поколения, сформировавшиеся в те времена, когда традиции были относительно устойчивы, придерживаются консервативных ценностей — в первую очередь, для них значимы семья и материальный достаток. Поиск индивидами своей идентичности приводит к тому, что совершается «постоянное возвращение к вопросам типа «счастлив ли я на самом деле?», «действительно ли я живу полноценной жизнью?», «кто на самом деле тот, кто говорит обо мне «я» и задаёт эти вопросы?» [2, с. 143]. Оно «ведёт к всё новым и новым модам на ответы, которые разными способами перечеканиваются в рынки экспертов, индустрий и религиозных движений» [2, с. 143]. Молодёжный политический экстремизм, в условиях кризиса российского общества, во многом определяется не только данным кризисом, затронувшим, в первую очередь, механизмы социализации молодёжи, но и тем, что представители рассматриваемой возрастной страты находят свою идентичность в том или ином экстремистском движении. О взаимосвязи радикализации общества и непрерывной самоидентификации индивида У. Бек пишет следующее: «говоря обобщённо, подвергающиеся риску осознанно воспринимаемые и постоянно расширяющиеся сферы частных поступков и решений таят в себе искру, из которой может возгореться (по-иному, нежели в классовом обществе) пламя социальных конфликтов и движений» [2, с. 144].

З. Бауман в своих трудах отмечает, что ««идентичность» становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [1, с. 176]. «Природа человека» в эпоху модерна утратила свою устойчивость и сменилась идентичностью, за которой индивид должен следовать и поддерживать её в соответствующей форме. Осознание того, что идентичность может быть создана самим человеком, породило не только концепцию прав человека, но и угрозу

тоталитаризма, идеи формирования идентичности людей по заданному образцу. Однако, вступая в состояние «расстекающейся» модернисты», по выражению З. Баумана, общество сталкивается с тем, что изменениям подвергаются не только индивиды и их общественное положение, но и сами места, которые они могут занимать. Например, происходит трансформация классов, характерных для индустриального общества.

З. Бауман так описывает проблему идентичности, характерную для современного общества: она «состоит не только в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать её, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность теряет ценность» [1, с. 185]. Кризис идентичности, ранее характерный для молодёжи, сейчас присущ и взрослым людям, так как идентификация никогда не прекращается. В России данные явления, свойственные развитым странам, усугубляются глубинным социальным кризисом и хаотизацией, характерной для постсоветского периода. В случае с российским молодёжным экстремизмом, политический кризис и поиск национальной самоидентичности накладывается на современную модель самоидентификации индивида, которая является, по выражению З. Баумана, своеобразным «суррогатом времяпровождения». Идентификация может продолжаться внутри экстремистского движения: например, не исключён переход экстремиста из левоэкстремистских организаций в правоэкстремистские организации, и наоборот.

Л. Е. Бляхер обращает внимание на тот факт, что «в существовании официальной и неофициальной сфер социального мира заключено важнейшее противоречие: официальная реальность становится действительной, авторитетной, если опирается на моё внутреннее, неофициальное признание. В противном случае официальная сфера не столько представляет, сколько подставляет нашему сознанию реальность в таких образцах её манифестации, которые уже (или ещё) не имеют места. Смыслы рождаются в сфере неофициальной, но могут быть представлены только в формах, получивших официальное признание в обществе. Иначе они окажутся просто непонятными («боркотанием»). Но если эти формы не соответствуют смыслу, то сами они становятся масками, скрывающими действительное положение дел» [3, с. 71].

Молодёжный политический экстремизм находится, согласно данной парадигме, в неофициальной сфере социального мира. Положение осложняется тем, что данное явление изначально не может получить официальное признание в обществе, не получив соответствующую оценку, которую формирует как российское общество в целом, так и экспертное сообщество. Объективное восприятие ценностей и практик молодёжи представителями других возрастных страт может быть затруднено, так как молодое поколение наиболее подвержено изменениям при социальной нестабильности. Эксперты, учёные, не могут действовать вне упоминавшегося поля производства культуры

или идеологии, то есть быть абсолютно беспристрастными к описываемым явлениям. Отсюда проистекает встречающееся несовпадение признанных социумом, описанных наукой мнимых черт экстремизма и подлинных особенностей молодёжных экстремистских движений.

Тем не менее, официальное представление, хотя и чрезмерно размытое, на данный момент активно складывается в российском обществе. Л. Е. Бляхер так описывает подобный процесс: «Совпадение неофициальных (приватных) смыслов и официальных репрезентантов задаёт intersубъективную социальную реальность, основанную на действительной авторитарности. Но, возникнув как таковая, intersубъективность стремится отбросить от себя неофициального субъекта. Он объявляется случайным, неправильным лишается легальных форм «овнешнения» (введения в социальный мир) своих смыслов» [2, с. 71]. Неофициальный субъект является представителем экстремистского движения, выводимым за рамки правового поля, официальной политической жизни, подвергающимся политической маргинализации.

Современное российское общество переживает кризис, связанный с утратой самоидентификации большинством индивидов, из которых оно состоит. Для российской молодёжи положение осложняется тем, что её представители вынуждены выстраивать свою изначальную самоидентификацию, проходить социализацию в условиях данного кризиса. Согласно концепции Е. Э. Суровой, самоидентификация в современном мире происходит на основании модели «персоналистской личности», то есть индивида, подверженного «непрерывной саморефлексивности и деятельности по обнаружению постоянно изменяющихся границ собственного бытия при обращении к «Другому» [5, с. 153]. Данный способ идентификации согласуется с концепцией «полистилизации» жизни, когда индивид оказывается перед выбором «стиля жизни», определяющего идентичность. В полной мере выбор идентичности приложим и к российскому политическому полю, где представитель молодёжи может выбирать между молодёжными организациями, не вступающими в противоречия с законодательством Российской Федерации, и экстремистскими группами. Если индивид становится экстремистом, он продолжает свою самоидентификацию внутри экстремистского движения, выбирая между принадлежностями к политизированной субкультуре либо к другой, более традиционной форме проявления политического экстремизма, к различным трактовкам правой или левой экстремистской идеологии.

Молодёжь является возрастной стратой российского общества. Социальные страты можно определить как «стабильно существующие, реальные группы людей, принадлежность к которым проявляется в общезначимости социальных позиций у всех членов данной страты, вытекающей из общности миропонимания и поведенческих стратегий» [3, с. 103]. Российская молодёжь, как возрастная страта, не обладает единым миропониманием и поведенческой стратегией, они часто определяются

индивидом случайно. Это является естественным для социального хаоса, отдельные черты которого остаются актуальными для российского общества.

Вот как определяет данное состояние Л. Е. Бляхер: «Социальный хаос лишает человека «линейки», с помощью которой он смог бы идентифицировать себя, других, разрушает социальную картину мира. Последняя распадается на «осадки» (термин Б. Вальденфельса) прошлых самоидентификаций, одни из которых ещё сохранили прежнюю связанность, другие вообще перестали сцепляться с соседями, а то и просто выпали из поля зрения» [3, с. 107]. Из данной концепции можно сделать вывод, что страта молодёжи в силу своих особенностей оказывается во многом вне рассматриваемых «осадков» прежних самоидентификаций, испытывая лишь их опосредованное воздействие.

С. П. Иваненков отмечает, что «общество, заботясь о самосохранении и стремясь обеспечить бесконфликтность жизнедеятельности, старается наделить новое поколение навыками группового выживания, выработанными устоявшимися именно в данном обществе» [4, с. 99]. В условиях кризиса российского социума и утраты основными его стратами своей идентичности, механизм социальной адаптации молодёжи оказался разрушенным. На данный момент для такой возрастной страты, как российская молодёжь, характерно отсутствие не только единого миропонимания и поведенческой стратегии, но и солидарности внутри страты. Особенно это характерно для политизированной части российской молодёжи, и, в частности, для экстремистского движения. Например, левые и правые экстремисты во многом являются друг для друга конституирующим «Другим», то есть определяют себя через противостояние друг с другом, причём государство нередко представляется как институт, сочувствующий политическому противнику.

В результате разрушения старых страт, характерных для советского общества, у индивидов, из которых состоит российский социум, может обнаруживаться состояние относительной депривации, недовольства своим актуальным положением, несоответствия между социальными требованиями и возможностями их воплощения. Индивид, «Я» начинает искать новую социальную страту взамен утраченной. Разнонаправленные поиски, в том числе молодёжью, своей картины мира и поведенческих стратегий создают социальный хаос, который усиливается, если члены социума обретают их, выбирая экстремистский стиль жизни, социализируясь через экстремистские организации, что вносит ещё большую неопределённость в перспективы развития российского общества. Каждый дискурс экстремизма предлагает свою модель кардинального переустройства страны, выступая против государства и установленных им законов как гаранта невозможности выполнения любой радикальной программы. Поиски индивидами новой самоидентичности структурируют социальный хаос, и приводят к образованию так называемых «виртуальных страт».

Л. Е. Бляхер определяет «виртуальную страту» как социальную «организованность, в которой определённая доля ожиданий может быть отложена без немедленного возникновения депривации. Это, в отличие от стабильных структур — страта с отложенной депривацией» [3, с. 142]. «Виртуальная страта» существует в социальной реальности как коммуникация, общение между индивидами.

Участники данного общения воспринимают друг друга не как носителей определённых социальных функций, а как партнеров по коммуникации, ценных своей оригинальностью и харизмой. Индивиды, объединенные рассматриваемой коммуникацией, не являются прототипом, прообразом реальной социальной страты, они вовлекаются в своеобразную авантюру, постмодернистскую игру.

Литература:

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество/пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева — М.: Логос, 2005. — 390 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну/пер. с нем. В. Сидельника, Н. Федоровой — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
3. Бляхер, Л. Е. Нестабильные социальные состояния. — М.: Росспэн, 2005. — 208 с.
4. Иваненков, С. П., Проблемы социализации современной молодёжи. — СПб.: Архей, 2008. — 336 с.
5. Сурова, Е. Э., Глобальная эпоха: полифония идентичности — СПб.: Осипов, 2005. — 352 с.
6. Фурс, В. Н. Контуры современной критической теории. — Минск: ЕГУ, 2002. — 164 с.

Дискуссии об определении лоббизма в политической теории

Китновская Ольга Валерьевна, магистрант
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В статье анализируются основные подходы к определению лоббизма, сложившиеся в отечественной и зарубежной науке, рассматриваются основные характеристики лоббистской деятельности и роль лоббизма в политическом процессе.

Ключевые слова: лоббизм, лоббистская деятельность, группы интересов, функциональное представительство интересов.

Проблема лоббизма связана с широким кругом теоретических и прикладных аспектов ее изучения, что предопределило глубокий интерес политологов, философов, правоведов, социологов, экономистов и других специалистов к данному общественному феномену. Он изучается как сложное междисциплинарное явление, затрагивающее многие сферы и проявления общественной жизни.

Вместе с тем, несмотря на наличие большого количества междисциплинарных исследований, при изучении лоббизма возникает ряд существенных проблем. Во-первых, в литературе представлено большое количество подходов к определению лоббизма и лоббистской деятельности. Во-вторых, в науке и практике не сформировано единое отношение к лоббизму как политико-правовому феномену.

Сам термин «лоббизм» имеет как основной, так и «теневой» смысл, который, по словам А.В. Малько, приобретает сугубо отрицательное звучание, в чем-то напоминающее «протекционизм», «подкуп», «покупку голосов» в чьих-либо корыстных или узкопартийных интересах в ущерб общественным интересам. Крайним выражением негативного лоббирования является незаконное давление

на представителей власти (взяточничество, коррупция) с целью принятия управленческих решений в интересах определенных групп или лиц [4, с. 58].

Причины негативного восприятия лоббизма связаны не только с историей происхождения этого термина, но и скрываются в сложной и многозначной, а в отдельных случаях и противоречивой природе этого политического и правового явления, а также в особенностях его институционализации в российских условиях, связанных со сложностью принятия единого нормативного акта, способного создать правовые рамки для деятельности лоббистов.

Термин «лобби» (в переводе с англ. lobby — кулуары, коридор, фойе) появился в английском языке из средневековой латыни и первоначально обозначал крытую площадку для прогулок, коридор. С 1553 г. так стала называться прогулочная площадка в монастыре, а через столетие — помещение для прогулок в палате общин Англии [3, с. 11]. Политический же оттенок это слово приобрело еще через два века, в Америке, когда им начали называть покупку голосов в коридорах конгресса. Установлено, что традиции лоббизма получили свое развитие в США в годы президентства У.С. Гранта в 1861 — 1865 годах, когда министры и сенаторы встречались с разными людьми в ве-

стибюлях, фойе гостиниц и других заведений, выслушивали их просьбы и давали слово (часто не бескорыстно) выполнить их [3, с. 11].

В XIX в. лоббистами называли просителей, приходивших в государственные учреждения. Этим людям не пускали в залы заседаний, поэтому они не могли пройти дальше холлов и приемных, т.е. кулуаров. С середины XX в. лоббизм в понимании западных ученых рассматривался шире, чем только давление на парламент. Под лоббизмом понимался весь процесс взаимодействия государства и гражданского общества.

В начале 90-х годов XX в. лоббизм стал активнее изучаться российскими политологами. Авторы начали предлагать различные определения лоббизма. Н.Г. Зяблук рассматривал лоббизм как специфическую систему функционального представительства групповых интересов в органах государственной власти, дополняющую и в разнообразных направлениях перекрывающую систему географического представительства интересов, осуществляемого депутатами парламента [9, с. 195]. Один из специалистов в области лоббизма, а также автор первого законопроекта о регулировании лоббистской деятельности В.А. Лепехин понимает лоббизм как процесс приведения формальной власти в соответствие с властью фактической, имея в виду, что самой мощной группой давления является сама государственная власть [3, с. 12–13].

Правовед А.С. Автономов предлагает определить лоббизм как действия представителей негосударственных организаций в ходе контактов с представителями государственных органов и органов местного самоуправления с целью добиться принятия (или непринятия) органами власти решений в соответствии с интересами социальных групп, выражаемыми указанными организациями [1, с. 244].

Учитывая разнообразие имеющихся представлений о лоббистской деятельности, различные авторы предлагают объединить их в рамках двух основных подходов: широкого и узкого. Первый (широкий) подход определяет лоббизм как деятельность субъектов, влияющих на структуры государственной (муниципальной) власти и управления с целью принятия ими необходимых решений [5, с. 241]. Сторонники второго (узкого) подхода связывают лоббизм с профессиональной деятельностью физических лиц или организаций по продвижению интересов клиентов в структурах государственной (муниципальной) власти и управления [3, с. 12].

Различие этих двух позиций заключается в том, что в рамках второго подхода находятся юридико-институциональные определения лоббизма, тогда как в рамках первого — в основном политико-социологические определения. При этом политико-социологический подход предоставляет большие возможности как для изучения сущности этого явления, так и для выработки практических рекомендаций по регулированию и осуществлению лоббистской деятельности. Особенностью юридического

подхода является то, что он акцентирует внимание только на формальной, внешней стороне лоббизма, но не рассматривает его сущностные характеристики. Задача ученых-правоведов, исследующих вопросы лоббистской деятельности, заключается не в анализе глубинных механизмов формирования и реализации групповых интересов, а в рассмотрении порядка и механизмов регулирования лоббизма, институционализации и формализации этого явления.

Широкий и узкий подходы к лоббизму являются примером одной из попыток классифицировать существующие определения лоббизма. Встречаются и иные классификации подходов, которые включают различные варианты сочетания признаков лоббизма с преобладанием той или другой концепции, но все они также акцентируют внимание на внешней характеристике анализируемого явления. Например, психологический подход рассматривает лоббизм как манипулятивно-психологическое взаимодействие с чиновниками. Инструментальный подход определяет лоббизм как набор методов и технологий влияния на процесс выработки ответственных государственных решений. Процедурный подход рассматривает лоббизм как органический элемент системы бюрократических правил и процедур принятия решений во властной системе [7].

Лоббизм, являясь одним из институтов политического представительства интересов, не отождествляется учеными-политологами в полной мере с системой функционального представительства. Во-первых, в лоббизме отсутствуют взаимные обязательства участников, в то время как система функционального представительства предполагает в определенных случаях ответственность сторон за свои действия. Во-вторых, лоббизм использует преимущественно неформальные связи. Существующие формализованные каналы представительства интересов не могут быть частью лоббистской деятельности, так как подобные формы согласования интересов приобрели официальный статус, благодаря которому носители интересов получили непосредственный доступ к процессу принятия решений. В субстанционально-функциональном понимании лоббизм — это система неформализованного представительства интересов в политических решениях. В технологически узком понимании лоббизм трактуется как воздействие групп и представляющих их организаций на органы власти с целью принятия или отклонения решений, затрагивающих интересы этих групп [9, с. 196–197].

Лоббистские группы превратились в необходимую и полезную часть демократического представительства интересов, выполняя ряд функций, характерных для институтов политической системы: агрегирование интересов по тем или иным направлениям; артикуляция требований соответствующих групп; связь между народом и органами власти, политическими деятелями. Деятельность этих групп помогает власти учитывать плюрализм интересов, обусловленный социальной диверсификацией. Лоббистские группы активизируют участие граждан в политиче-

ской жизни и дополняют официальное представительство граждан в органах власти [2, с. 277–278].

Изучение лоббизма осуществляется в рамках теории групп интересов, системы функционального представительства интересов, а также политологических концепций плюрализма и корпоративизма, которые, однако, не исчерпывают всех подходов к анализу сущности лоббистской деятельности и определению лоббизма. Например, в современной научной литературе применяется коммуникативный подход к анализу лоббизма. В рамках этого подхода лоббизм рассматривается в качестве политической коммуникации, когда субъект политики (лоббист) воздействует на реципиента (лицо, принимающее решение) при помощи информационных структур с целью получения административных преференций, налоговых льгот, различных ресурсов, что приводит к образованию специфической матрицы политического пространства [10, с. 17].

Согласно данному представлению лоббизм выполняет важные функции: способствует взаимодействию гражданского общества и государства, обеспечивает плюрализм интересов, дает возможность участвовать в принятии и реализации политических решений тем группам,

которым закрыт доступ для представительства в органах власти [6, с. 69].

С позиции представителей институционального подхода лоббизм представляет собой один из институтов современного общества, выполняющий роль согласования интересов государства, общества, социальных групп. Он также выступает юридическим оформлением претензий указанных субъектов посредством правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной деятельности [8, с. 10].

Таким образом, в научном сообществе продолжают дискуссии относительно понятия и сущности лоббизма, его роли в обществе. Несмотря на это, он широко распространен как общественно-политическое явление. Проведенный анализ различных подходов к определению лоббизма позволяет сделать вывод о том, что лоббизм — это особая система функционального представительства интересов в органах публичной власти, характерная для демократических режимов, а также институт политической системы, представляющий собой механизм воздействия различных заинтересованных групп на органы власти с целью принятия или отклонения решений, затрагивающих интересы этих групп.

Литература:

1. Автономов, А. С. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. — М.: ООО «ИНФОГРАФ», 1999. — 383 с.
2. GR-отношения с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. Учебное пособие/под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 407 с.
3. Любимов, А. П. История лоббизма в России. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. — 208 с.
4. Малько, А. В. Лоббизм // Общественные науки и современность. — 1995. — № 4. — с. 58–65.
5. Политическая социология: учебник/Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2012. — 624 с.
6. Пустошинская, О. С. Сущность лоббизма и его роль в обществе: научные представления/О. С. Пустошинская, А. Манукян // Культура. Духовность. Общество. — 2014. — № 11. — с. 67–71.
7. Султанов, Д. Лоббизм: как это делается в России // STRATAGEMA. ORG [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://stratagema.org/publications/lobby/item_255.html
8. Тенов, Т. З. Лоббизм как политико-правовой институт: автореф. дисс. ... канд. политич. наук. — Ростов-н/Д., 2001. — 28 с.
9. Тюрин, В. А. Лоббизм и государственное управление // Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. Часть II. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления/Под ред. Л. В. Сморгунова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 495 с.
10. Шестакова, О. В. Информационный лоббизм: проблемы теоретической концептуализации и практики: автореф. дисс. ... канд. политич. наук. — М., 2008. — 32 с.

Особенности политического моделирования

Крупницкий Николай Евгеньевич, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: политическое моделирование, партийная программа, власть, модель будущего.

Партийная программа представляется в общей системе политической коммуникации «как регулятивный тип текста, для которого характерны следующие текстообразующие признаки: персуазивность, раскрывающаяся в сфокусированном воздействии автора сообщения на адресата с целью убеждения в чем-либо; прагматичность, проявляющаяся в постановке конкретных целей и задач; директивность, проявляющаяся в характерном регулировании поведения адресата, его действий; оценочность, выражающая эмотивный потенциал текста; полисубъектность, подразумевающая комплексную систему взаимодействия субъектов коммуникации» [8].

Анализ программ политических партий крайне актуален для современной политической науки. В нашей работе мы принимаем, что «партийная программа является самостоятельным типом текста, функционирующим в рамках политического дискурса. Как центральный документ, обуславливающий деятельность всей партии/ее членов, программа имеет характер основополагающего <...> текста, на основе которого создаются пресс-релизы, публицистически информационные статьи, листовки, тексты публичных выступлений и др». [8]. Избиратели обычно воспринимают цели и задачи, декларируемые в партийных программах, как своеобразные обязательства, которые принимают представители того или иного движения, избирательного блока, партии, идущие во властные структуры, либо определенные политические деятели, занимающие государственные должности по итогам выборов.

Для анализа программ политических партий крайне важно политическое моделирование [4]. В нашем исследовании мы принимаем за основное следующее определение модели: «моделью называется некий объект-заместитель, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие нас свойства и характеристики оригинала» [10, с. 34]. В исследованиях как отечественных (Ф.И. Перегудов, Ф.П. Тарасенко), так и иностранных ученых (М. Гринбергер, М. А. Кренсон, Б.Л. Крисси, П.К. Мадсен и др.) [см., напр.: 11] отмечается, что модель представляет собой, прежде всего, целевое отображение оригинала, ведь сама цель — это уже и есть модель желаемого состояния [приводится по: 12, р. 23]. Применительно к политическому моделированию следует отметить, что цель, которую ставит перед собой политическая партия, является основой, своеобразным ядром образа желаемого будущего, который она предлагает обществу.

Кроме того, крайне интересным представляется проблема исследования публичной сферы. Впервые термин «публичная сфера» появился в статье Дж. Дьюи «Публичное и его проблемы» (1927), по его определению публичное — это «способ регулирования обществом тех реально существующих интересов, эффект которых выходит за рамки прямого взаимодействия частных лиц и существенно сказывается на жизни других граждан» [6, с. 18]. После этого определения данного термина появились и другие, предложенные Х. Арендт, Ю. Хабермасом и К. Шмиттом, это показывало, что вопрос о том, что такое публичная сфера, и как она зарождалась, до сих пор важен и актуален для современной науки. Рассмотрим работы политологов и философов по данному вопросу.

Ханна Арендт является одним из первых политологов, кто начал разрабатывать понятие публичной сферы. Однако она не сразу приходит к этому представлению. В своих главных трудах «Уйа асйуа, или о деятельной жизни» (1960) и «Истоки тоталитаризма» (1951) Арендт много рассуждает о действиях, как таковых: «...речь идет о уйа асйуа, или о деятельной жизни, которая, по мысли автора, охватывает три основных аспекта человеческой деятельности: труд (работу), создание (изготовление) и действие (поступки). Последнее — единственный вид деятельности в уйа асйуа, который развертывается без посредства материи и материалов между людьми». [7, с. 37] Из действий и поступков, которые направлены друг на друга складываются определенные взаимоотношения между людьми. В отношении между людьми так же входят и властные отношения. По Арендт, власть — это «согласованные действия на основе данных и выполняемых обещаний, договоренностей и взаимных обязательств» [5, с. 255].

Именно эти два фундаментальных понятия «действие» и «власть» составляют главный предмет нашего рассмотрения — публичную сферу: «Основу публичной сферы составляет действие, или, вернее взаимодействие, но обеспечить существование этого последнего способна, по-видимому, только власть» [5, с. 255]

Для самой Ханны Арендт публичная сфера видится в двух формациях: «во-первых,.. все, являющееся перед общностью для всякого видно и гласно, так что его сопровождает максимальная открытость... Понятие публичного означает, во-вторых, самый мир, насколько он у нас общий и как таковой отличается от всего, что нам частного принадлежит, т. е. от той сферы, которую мы называем нашей частной собственностью» [1, с. 65–69].

Коэн.Л. Дж., Арато Э отмечают, следуя за Арендт, что публичная сфера «устанавливает общность мира», соединяя и разъединяя индивидов. То есть, это означает, что в обществе обязательно должно быть некоторое число индивидов, которые взаимодействуют между собой посредством разговоров. В качестве примера своей теории Арендт приводила греческие города-полисы, которые представляют собой «организацию людей, возникающую из совместного говорения и совместного действия...Существование публичной сферы, — продолжают Коэн.Л. Дж., Арато Э, — предполагает наличие множества индивидов, неравных по своей природе, но уравненных политически» [5, с. 254–255]. Другими словами в греческом полисе было четкое разграничение публичной и частной жизни граждан: «Связь между этими областями — домашнего хозяйства и полиса — заключалась лишь в том, что удовлетворение нужд внутри домашнего хозяйства создает условия для свободы в полисе» [9, с. 101].

Однако для существования публичного мира, о котором говорит Арендт, есть еще одно условие: он должен обязательно «превосходить долготу жизни смертных людей. Без этого... не может быть ни политики, ни общего мира, ни публичности» [1, с. 72].

С появлением публичной сферы появляются и гражданские права: они «являются функциями публичной сферы и само появление их является реакцией на возникновение современного государства» [5, с. 276].

Кроме публичной сферы существует так же и частная, которая соответственно является противоположностью, как сразу разделяет их Арендт. Рассматривая города-полисы, она делает вывод, что если в публичном мире мало свободы и независимости, то «подобную независимость гарантирует институциональная форма частного, воплощенного в хозяйственном владении» [5, с. 257].

Частное и публичное постоянно борются между собой, так как представляют угрозу друг для друга. В «Уйа асиуа, или о деятельной жизни» отмечается, что жители полиса боялись разрушения демократического строя и перехода к деспотии. Если бы это случилось, то частное возобладали бы над публичным. Но большая опасность в тенденции публичной власти «к экспансии и ущемлению частных интересов» [5, с. 257]. То есть «эти два принципа обладают ярко выраженной тенденцией взаимоослабления — вплоть до уничтожения...те публичные права, которыми обладают частные лица, не гарантируют защиты ни от специфически современных форм вторжения частного в публичное, ни от ответных нападков новых, ис-

каженных форм «публичной» жизни на частную. Обе эти тенденции связывают Арендт с единым явлением — становлением социальности» [5, с. 256–257].

Частное противостоит публичному «с помощью специфически современного изобретения — интимности. Наличие интимности в тесном кругу межличностных отношений предполагает чрезвычайное углубление частной сферы в смысле интенсификации и обогащения «субъективных эмоций и личных чувств» [5, с. 266].

Но частное и публичное не только борются между собой. Они сосуществуют и проникают друг в друга. Коэн.Л. Дж., Арато Э, как и Арендт, объясняют это возникновением социальной сферы. В результате этого границы между этими двумя сферами становятся очень размытыми, это «порождает между тем совершенно новый тип гибридной структуры, которой предстоит играть роль динамического центра процесса, ведущего в конечном счете к исчезновению как публичного, так и частного» [5, с. 258]. Но это не единственный фактор, по которому публичное и частное сливаются: этому процессу способствуют социальные движения: они получают доступ к политике и ускоряют процесс разрушения «публичного и частного...Таким образом, социальные движения являются предтечами тоталитаризма». [5, с. 276]. При нем уже не остается публичной сферы, а задача властей, по мнению Арендт, состоит лишь в том, «чтобы сфабриковать нечто несуществующее, а именно некий человеческий вид, напоминающий другие животные виды, вся «свобода» которого состояла бы в «сохранении вида»» [2, с. 568–569].

Исследование показывает, что если в прошлом партии претендовали на тотальный контроль над будущим, то в постсовременном обществе парламентским партиям приходится отказаться от подобных претензий, граждане сами вправе выбирать оптимальную для них концепцию будущего, представляемую в программе той или иной партии [3, с. 969]. Важнейшей задачей парламентской партии становится создание модели будущего, которая будет наиболее востребована народными массами.

Кроме того, анализ показывает, что наиболее востребованными и успешными являются политические концепции, которые способны связать будущее каждого отдельного гражданина с будущим его страны и, шире, с будущим всего человечества. Подобные тенденции сочетаются с идеями о новом глобальном многополярном мире, в котором может сочетаться множество моделей будущего, дополняя и обогащая друг друга.

Литература:

1. Арендт, Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. — Спб.: Алетейя, 2000.
2. Арендт, Х. *Истоки тоталитаризма*. — М.: ЦентрКом, 1996.
3. Жилинская, А.В., Сенцов А.Э., Трунтягин А.А. Трансформация идеологии в мире политики // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 968–970.
4. Коржова, А.Ю., Кузина Е.А., Тумакова Н.А. Владение иностранным языком как фактор улучшения межкультурной коммуникации будущего выпускника вуза // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1099–1101.

5. Коэн, Л. Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. — Пер. с англ./Общ. ред. И. И. Мюрберг. — М.: «Весь мир», 2003.
6. Красин, Ю. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Публичная политика в России: по итогам проекта «Университет Калгари — Горбачев-Фонд». — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. с. 15–32.
7. Лапицкий, М. И. К свободной демократии или к демократической тирании. — М.: Эспан, 2003.
8. Логинова, И. Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии [Электронный ресурс]: (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук/И. Ю. Логинова. СПб., 2004. 23 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».
9. Маликова, Ю. О. Проблемы соотношения политики и морали в философии Ханны Арендт // Полис. — 2003. — № 5. — с. 98–109.
10. Перегудов, Ф. И., Тарасенко Ф. П. Основы системного анализа. 3-е изд., испр. и доп. — Томск: НТЛ, 2001. — 389 с.
11. Greenberger, M., Crenson M. A., Crissey B. L. Modeling and the political process // Computers and Society. Vol. 7 (1). P. 3–14; Madsen P.K. The politics of economic modeling. Copenhagen, 1991. 77 p.
12. Madsen, P.K. The politics of economic modeling. — Copenhagen: Institute of political science, 1991. — 77 p.

Рынок труда 1920-х гг.: от трудовой повинности к безработице

Кудрина Анна Андреевна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Как известно, в марте 1921 г. X съездом ВКП (б) было положено начало перехода к новой экономической политике (НЭПу). НЭП был разработан В. И. Лениным для выведения страны из системного кризиса, вызванного Гражданской войной, иностранной интервенцией и политикой военного коммунизма.

Одним из проявлений НЭПа стала отмена трудовой повинности для населения. Трудовая повинность являлась одним из направлений политики военного коммунизма, и была введена большевиками для бесперебойного снабжения Красной Армии. Ремонт дорог и мостов, своевременное поступление продовольствия, обмундирования, боеприпасов требовало привлечения значительного количества рабочих рук. В условиях финансового кризиса государство не платило за труд, что превращало данный вид работ в весьма тяжелую повинность для населения.

После окончания войны трудовая повинность стала экономически нецелесообразной. В мирное время отпала необходимость в многочисленных трудовых армиях, мобилизованных для военных нужд. К тому же принудительный труд оказался малоэффективным и низкопроизводительным, поскольку отсутствовала личная заинтересованность в результатах работы [12, с. 91]

В годы НЭПа изменилось и трудовое законодательство. В частности, был введен новый Кодекс законов о труде 1922 года (далее, КЗОТ), разработанный взамен КЗОТ 1918 года. Что принципиально нового содержал КЗОТ 1922 г.?

Первое отличие двух кодексов заключалось в том, что новый КЗОТ 1922 г. отменил трудовую повинность и узаконил предоставление работы в порядке добровольного трудоустройства. Право привлечения граждан к тру-

довой повинности стало возможным лишь в исключительных случаях: для борьбы со стихийными бедствиями и при недостатке рабочей силы для выполнения важнейших государственных заданий [4].

Вторая особенность заключалась в том, что согласно Кодексу 1922 года лица, ищущие работу, должны были обязательно регистрироваться на специально учрежденной бирже труда в качестве безработных. Наем рабочей силы всеми без исключения предприятиями, учреждениями и хозяйствами и отдельными нанимателями, также должен был производиться только через биржу труда [8, с. 20; 16, с. 36]. Таким образом, через биржи труда государство сохраняло контроль за движением рабочей силы в целях планомерного удовлетворения спроса на труд предприятий и учреждений и сохранения принципа очередности в определении на работу [2, с. 11].

Новый КЗОТ 1922 г. ввел обязательную практику заключения индивидуальных трудовых договоров при устройстве на работу, устанавливающих конкретные условия найма, что также отсутствовало в период военного коммунизма [2, с. 12].

По сравнению с КЗОТ 1918 г. новый закон установил достаточно высокий уровень условий труда и охраны прав рабочих и служащих. Была отменена уравниловка в оплате труда и закреплено право рабочих на гарантированную государством заработную плату в зависимости от количества и качества затраченного труда. Размер вознаграждения за труд определялся коллективным и трудовым договором. При этом, размер вознаграждения не мог быть ниже установленного минимума оплаты, определяемого на каждый данный период надлежшими государственными органами для соответствующих категорий труда.

Таблица 1. Численность безработных в 1923–1924 гг. [4, с. 10]

Дата	Всего (тыс. чел.)	Индустриальные рабочие (тыс. чел.)	Лица интеллигентного труда (тыс. чел.)	Чернорабочие (тыс. чел.)
1 янв. 1923 г.	641	141	298,7	128,2
1 июля 1923 г.	1050	361,4	358,8	271,9
1 янв. 1924 г.	1240	310	418	310
1 июля 1924 г.	1344,3	354,5	379,1	

В соответствии со статьей 60 КЗОТ вводились сдельная и повременная формы оплаты труда. Регулированию подлежал и размер вознаграждения за работу в сверхурочное время, который не мог быть ниже полуторного размера нормального вознаграждения за первые два часа и двойного за последующие часы, а также за работу в дни отдыха или праздничные дни [4]

Трудящиеся получили право на объединение в профессиональные союзы, право на отдых, право на участие в управлении производством, на материальное обеспечение за счет государства в порядке государственного социального страхования, а также в случае болезни и потери трудоспособности. [3]

Несмотря на положительные изменения в период НЭПа население столкнулось с возникновением и быстрым распространением безработицы.

В первую очередь работы лишились так называемые «совслужащие», которые подверглись сокращению в результате введения государством режима экономии, реорганизации государственного аппарата управления, а также штатов различных учреждений и ведомств [15, с. 178].

Безработица также затронула и промышленность, сельское хозяйство, просвещение, медицину [11, с. 40]. Этому способствовала передача мелких и средних предприятий частникам, опора на хозрасчет и стремление к удешевлению себестоимости продукции [1, с. 118].

Особенно в тяжелом положении оказались малоквалифицированные рабочие, граждане, не имевшие определенной профессии, а также молодежь [14, с. 290].

Численность безработных в первой половине 1920-х гг. постоянно росла.

Примечательно, что среди безработных преобладали женщины. Так, согласно статистическим данным, в 1922 г. женщины, работавшие в промышленности, со-

ставляли 41%, то в 1925 г. данный показатель снизился до 25% [13, с. 30].

Для безработицы периода НЭПа ухудшалась длительностью. В журнале «Вопросы труда» за 1923 г. были опубликованы сведения, согласно которым в таких крупных городах, как Тула, Иваново-Вознесенск, Саратов, Ростов-на-Дону, Петроград 23% от общей численности безработных искали работу менее 1 месяца, 34% — от 1 до 3 месяцев, 27% — от 3 до 6 месяцев, 16% — свыше 6 месяцев [5, с. 26].

Для смягчения последствий безработицы, была выработана система мер по оказанию помощи гражданам, потерявшим постоянные заработок. Безработным гражданам стали выплачивать пособие по безработице. За 1924/1925 гг. на выплату пособий было потрачено 18 млн рублей, за 1925/1926 гг. — уже 46 млн рублей [13, с. 32].

Среди других видов помощи следует отметить организацию общественных работ по благоустройству улиц городов с привлечением безработных, где можно было получить временный заработок.

Для того, чтобы получить пособие или участвовать в общественных работах необходимо было обязательно встать на учет на бирже труда. Биржи труда в период НЭПа стали главным центром учета и распределения спроса на труд и предложения труда.

Таким образом, в период НЭПа произошли кардинальные изменения в сфере трудовых отношений. Была отменена трудовая повинность, уравниловка в оплате труда, изменено трудовое законодательство, открыты биржи труда. Для этого периода характерно появления безработицы, главными причинами которой стали сокращения штатов различных учреждений и предприятий и введение хозрасчета в промышленности.

Литература:

1. Атаян, И. М. Биржи труда в 20-е гг.: опыт государственного трудового посредничества // И. М. Атаян // Социологические исследования. — 2000. — № 4. — с. 117–122
2. Данилова, Е. Законодательство о труде в новых экономических условиях // Вопросы труда. — 1923. — № 1. — с. 11–12
3. Зыкина, Т. А. История законодательного закрепления права российского работника на вознаграждение за труд [Электронный ресурс] URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=20&art=2203> (дата обращения: 03.05.2015)
4. Кодекс законов о труде 1922 г. [Электронный ресурс] URL: http://hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm (дата обращения: 05.05.2015)

5. Исаев, А. Борьба с безработицей в 1922 г. // Вопросы труда. 1923. № 2. с. 26–32
6. Никольский, Н. Безработица и её перспективы // Вопросы труда. 1925. № 10. с. 9–16
7. Поляков, Ю. А. 1921-й: победа над голодом — М.: Издательство политической литературы, 1975. 112 с.
8. Сапон, В. П., Стряпихина А. А. Новые подходы к организации трудовой и учебной деятельности в годы НЭПа (на материалах Нижегородской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 4. с. 19–25.
9. Соловьев, А. А. Вопросы занятости и трудоустройства — М.: Приор, 2000. 96 с.
10. Социальная структура советского общества: история и современность / Под ред. Селунской В. М. М.: Политиздат, 1987. 288 с.
11. Стряпихина, А. А. Безработица в СССР в 20-е гг. XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 4. с. 38–43.
12. Стряпихина, А. А. Государственная политика СССР в области занятости (20-е годы XX в.) // Труд и социальные отношения. 2011. № 3. с. 91–95.
13. Стряпихина, А. А. Решение проблем занятости населения в 1920-е гг. (по материалам Нижегородской и Вятской губерний). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Н. Новгород, 2012. 246 с.
14. Стряпихина, А. А. Социально-профессиональный состав безработных в годы НЭПа // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 6 (77). с. 288–291.
15. Стряпихина, А. А. Учреждение штатных комиссий и их роль в регулировании трудовых отношений в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3–2 (41). с. 178–181.
16. Стряпихина, А. А. Характерные черты и особенности рынка труда в 1920-е гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 1. с. 36–38.
17. Федоров, В. Д. Классовая ломка и политика управления. Очерки по истории трудоустройства и пополнения рабочего класса России. 1917–1940 годы Арзамас, 2006. 249 с.
18. Черных, А. И. Рынок труда в 20-е гг. // Социологические исследования. 1989. № 4. с. 118–126.

Трансформация идеологии в мире политики

Онищенко Ангелина Константиновна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Трунтягин Алексей Александрович, кандидат политических наук, директор
ООО «УК «Универмаг» (г. Томск)

Ключевые слова: идеология, идеология повседневности, мир политики.

Вопросы, касающиеся сущностного значения идеологии в современном мире политики, являются дискуссионными из-за наличия в политической науке противоречащих теоретических концепций, а также практических воззрений. Эволюция понимания роли и места идеологии в политике позволяет судить о постоянной трансформации эмпирического содержания данного концепта.

Понятие «идеология» и её первичное определение ввел А. Дестют де Траси в работе «Проект идеологии». Автор понятия трактовал идеологию как новую потенциально самостоятельную отрасль науки о происхождении человеческих мыслей, их влиянии на жизнь различных общностей. Однако несмотря на то, что идеологии так и не суждено было стать наукой в той форме, в которой её описывал А. Дестют де Траси, функциональное значение данного феномена с момента его появления в мире политики сложно переоценить. Идеология, в отличие от ре-

лигии, на протяжении долгого времени монополизировавшей интерпретацию системы властных отношений в социуме, дала принципиально новое понимание устройства мира политики. В науке общеизвестно, что она была тем новым видением, которое подрывало существующую абсолютистскую систему властных отношений, в основе которой находилась идея о божественной природе монархии. Как политический феномен идеология позволила вводить новые плюральные форматы организации политической власти. Данный факт становится одной из причин формирования светской системы властных отношений, в которой нет догмата божественности земной власти, нет образа властелина с неограниченными политическими правами, власть которого принимается исключительно на веру.

Серьезным фактором, обуславливающим переустройство мира политики, отличающим идеологию от религии

в то время, является то, что в основе идеологического типа политической коммуникации лежит убеждение, что социальный порядок может значительно изменяться, корректироваться [4]. Ведь в отличие от религии обустройство данного порядка идеологии представляют крайне разноплановым. Дилеммы представлений о будущем сопровождались широкомасштабным ростом уровня политического участия масс. Как отмечает А.И. Соловьев, идеология уничтожила универсализм прежнего восприятия политики, заменив его групповыми формами отображения действительности, обнажив классовое и партийное противостояние по вопросам дальнейших траекторий социального развития [6, с. 10–11]. Идеология становится инструментом политических изменений на основании идеального образа.

Действительно, для идеологий важна поляризация, её органическое развитие должным образом предполагает наличие противопоставлений. Забегая немного вперед, можно отметить, что К. Гирц в данном контексте отмечает, что как и политика, идеология по своей природе дуалистична. Этот дуализм кроется в классическом противопоставлении «мы/они» (чистое «мы» против злого «они»), которое отражается на социуме разобщающим воздействием, поскольку идеология стремится построить всю общественную жизнь по образцу своих футуристических идеалов и не терпит компромиссов, считает учёный [1]. Одной из первых знаковых работ по анализу идеологии стала работа К. Мангейма «Идеология и утопия», вышедшая в 1929 году. Идеологию К. Мангейм объяснял через психологические категории «сознания», «мышления», она понималась как результат мышления определенной группы относительно действительности: «...Мышление правящих групп может быть настолько тесно связано с определённой ситуацией, что эти группы просто не в состоянии увидеть ряд факторов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве. В слове «идеология» имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его» [5, с. 52–53]. Идеологии интерпретируют действительность различно, поэтому подобное понимание у социальных групп вариативно и даже противоречиво.

Современное понимание идеологии также не отличается простотой своего теоретического восприятия. К. Гирц в культовой статье «Идеология как культурная система» говорит о том, что общественные науки не смогли подлинно и безоценочно описать данное понятие, ведь в попытках понять и объяснить данный феномен происходит полная идеологизация данного понятия. Учёный указывает, что в общественных науках оно трактуется оценочно, идеологию автор относит к «оправдательному измерению культуры», защищающей конкретные ценности и убеждения, в отличие от науки, которая критически смотрит на мир [1, с. 146–147]. Например, известный представитель экзистенциализма К. Ясперс определял

идеологию как систему идей, представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой строится концепция мира и положение субъекта в этом мире. При этом наименование какого-либо мышления идеологией, по мнению философа, есть обвинение в том, что сказанное не соответствует истине. Идеология выступает как «грубое оружие ораторов», клеймящих все, что за рамками их веры [9, с. 146–147]. Идеология в данном контексте описывается с инструментальной стороны, причем, как и писал К. Гирц, с ярко выраженной оценочной позицией.

Развивая тему сложности теоретического определения и выявления подлинного значения «идеологии», О.Ю. Малинова отмечает, что вторая половина XX века оказалась самым бурным периодом в истории рассматриваемого понятия: «Его использовали как обидный ярлык и как нейтральное научное понятие, отвергали и вновь принимали, наделяли разными значениями и давали новую дисциплинарную «приписку». В начале XXI века оно употребляется в столь разных смыслах, что нет никакой надежды дать ему четкое и единственное определение» [3, с. 31]. Постоянное развитие общества, процессы технологизации наложили свой отпечаток на понимании роли и места идеологии в политике. К шестидесятым годам XX века появляется немало работ, посвященных утере политического значения идеологии. Эту эпоху обозначили «концом идеологии». Э. Шиллс, Р. Арон, Д. Болл, С. Липсет и другие выдвигали в качестве главного тезиса то, что и правые и левые идеологии оказались равно дискредитированы, произошло исчерпание политических идей на западе, как следствие, идеология была лишена прежней социальной значимости [10, с. 651].

Д. Шварцмантель, рассуждая о кризисе идеологии в современном мире, отметил, что необходимо строить новую идеологическую картину мира взамен старых классических либеральных, социал-демократических и других идеологий, поскольку они уже не в состоянии адекватно отображать существующее положение, несмотря на то, что ещё во многих государствах они имеют место быть. При этом Д. Шварцмантель также отмечает, что даже в условиях того, что традиционное либерально-демократическое общество сегодня можно описывать как «вне-идеологическое», тем не менее, это ещё не означает, что о развитии идеологии можно забыть. «Новая» идеологическая картина мира в понимании Д. Шварцмантеля способна занять значительное место в политике, ведь идеологии «представляют собой то необходимое условие, при котором демократическое общество может остаться «здоровым» [8, с. 36–47].

Современные социальные технологии серьезно меняют не только роль и место идеологии в политике, но, например, и формы политической активности. А.И. Соловьев пишет, что в зависимости от состояния политической сферы общества место идеологии может выражаться в следующих процессах: усиливаться (идеологизация), ослабевать (деидеологизация), восстанавливаться (реидеологизация).

деологизация). Главная причина данных процессов объясняется уровнем участия масс в политике, требующего от общества понимания целей государственной власти, связанного со степенью удовлетворения их базовых интересов. При этом А. И. Соловьев выдвинул свою четкую гипотезу о том, что на смену идеологии как нормативно-символической сфере политики в наше время пришла политическая рекламистика как система общих принципов, норм и стандартов обращения с информацией, системообразующим конструктом которой выступает имидж. В таком мире место идеологов занимают технологи, нарастает зрелищная репрезентация политики, её театрализация [6, с. 14–19]. Например, в современном мире отечественной публичной политики эта театрализация начинает играть все более весомое значение, представители власти начинают «соревноваться» в различных зрелищных формах самопрезентации для того, чтобы создать более насыщенный политический образ.

На наш взгляд, рассуждая в современной ситуации о роли и месте идеологий в политике, стоит говорить не о закате идеологического влияния в традиционном историческом понимании, а о некоей трансформации данного концепта. Безусловно, развитие средств массовой коммуникации, мировая интеграция изменили всю сферу политики, следовательно и политическую идеологию. Во времена существования биполярного мира она имела глобальное значение из-за существования перманентной конфронтации между двумя идеологическими лагерями. Распад СССР породил как экзогенные, так и эндогенные последствия, значимые для идеологии, которые, с одной стороны, обернулись дезинтеграцией российского общества и обострением идеологической борьбы внутри государства, с другой стороны, стиранием коммунистической конфронтации и утверждением общедемократических ценностей в мире. Отныне в мире не существует такой яркой поляризации, выступающей необходимым условием для развития идеологии в прежнем её понимании, поэтому и идеология не может более играть прежнюю роль в политических процессах. Но это ещё действительно не означает, что идеология покидает политическую жизнь. В этом плане, на наш взгляд, можно обратиться к опыту американскому опыту.

Как отмечает Л. Дж. Р. Херсон, в США локальные идеологии не имеют какой-либо резкой окраски и поляризации, которая присутствует в Европе и, кстати, в России. В США идеологии представляют собой достаточно простые повседневные конструкции, включающие три компонента:

1) более или менее последовательная система взглядов относительно существующего (о том, что правильно, а что — нет);

2) подкрепляющая эти взгляды более или менее последовательная система ценностей (того, что ценят и к чему стремятся);

3) поведенческий компонент (цели, которых хотят добиться) [7, с. 89–90].

Получается, что американская идеология разнопланова, она касается как стратегических абстрактных вопросов, так и конкретных повседневных проблем. Речь идёт о возросшем значении некой «идеологии повседневности», в рамках которой, значение отдается не глобальным вопросам, а текущим проблемным ситуациям. Автор в этом контексте приводит интересную иллюстрацию своей идее: «Например, идеология, ориентирующаяся на управление доходов посредством высоких налогов и создания широкой сети социальных услуг, вряд ли инкорпорирует в себя идею о фундаментальном неравенстве человечества или о том, что есть люди, созданные для рабства» [7, с. 90].

Таким образом, можно сделать вывод, что идеология как система взглядов и оценок трансформируется вместе со сферой политики. Полагаем, что, в условиях отсутствия конфронтации в публичной политике относительно фундаментальных воззрений по поводу политического развития государства место глобальных человеческих представлений начинают занимать ситуативные житейские интересы, которые можно называть «идеологией повседневности». Поэтому идеологию сегодня, мы понимаем, в меньшей степени как «сверхдолговременную программу жизнедеятельности общества» о которой подробно и аргументировано пишет Н. А. Косолапов [2], но, в большей степени как систему взглядов, затрагивающих повседневные интересы общества.

Литература:

1. Гирц, К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 29. с. 7–38.
2. Косолапов, Н. А. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопросы философии. 1994. № 1. с. 3–24.
3. Малинова, О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. с. 8–31.
4. Малинова, О. Ю. Когда «идеи» становятся «идеологиями»: К вопросу об изучении «измов» // Философский век. Вып. 18. Ч. 2. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей. 2001. с. 11–26.
5. Мангейм, К. Идеология и утопия. М.: ИНИОН АН СССР. Часть 1, 1976.
6. Соловьев, А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. с. 5–23.
7. Херсон, Л. Дж. Р. Идеология в Соединенных Штатах. Полис. 1993. № 6. с. 87–92.
8. Шварцмантель, Д. Идеология и политика. Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009.

9. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. М.: Изд-во Политической литературы, 1991.
10. Jost, J. The End of the End of Ideology // American Psychologist. 2006. Vol. 61. N7. P. 651–670.

Патриотическая риторика как источник сохранения политического порядка в современной России

Плотников Евгений Евгеньевич, студент;
 Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
 Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Трунтягин Алексей Александрович, кандидат политических наук, директор
 ООО «УК «Универмаг» (г. Томск)

Ключевые слова: политический порядок, патриотизм, политическая риторика, демократия.

Ориентация на западноевропейские ценности, социальные стандарты и уклад жизни после распада советской политической системы обусловила неприятие и даже отказ от различных традиций прошлого. В одночасье в новой России всё национальное стало непопулярным и даже ущербным. «Русская идея» отныне сводилась к банальному копированию западных социально-политических институтов, правовых норм и практик. Данные политические действия дополнялись тем, что субъекты государственной власти в последнее десятилетие XX века пытались разрушить всё советское как чуждое, мешающее обозначенным ими демократическим преобразованиям. Многие бывшие ритуалы, праздники и герои прошлого стали представлять собой объекты для разного рода критики.

Очевидно, что верховной власти для легитимации своих реформ и замыслов требовалась лояльность граждан. В данной связи поддержание тотальной критики в официальной риторике было предметом политико-технологической области. Однако безмерная эйфория от реформ того времени быстро сменились неприятием происходящего в государстве. Обнищавший народ в ожидании «демократического чуда» был оторван от своих социально-исторических корней, что в итоге выразилось в кризисе идентичности и непонимании того: кто «мы», а кто «они»? А также того, что для нас «родное», что «чужое», а что «чуждое».

Прогрессирующее социальное расслоение, появление олигархов в публичной политике привели к низкому уровню доверия к субъектам государственной власти, а также усугубили раскол в социальной структуре. Власть не понимала, а возможно и не желала понять того, что простое заимствование демократических институтов и эфемерное желание в короткий временной период добиться обозначенных высоких результатов невозможно без планомерной перманентной работы с населением, без политического и гражданского образования. Уничтожение национальной идентичности и патриотизма в конце девя-

ностых годов XX века стало еще одним из условий политической слабости государства.

После избрания на должность главы государства В. В. Путина официальная риторика и отношение к политическим символам постепенно начинают меняться, ведь бесконечно получать кредиты доверия за счет критики прошлого невозможно, более того, стало крайне деструктивно для сохранения государства. Полагаем, что именно так можно интерпретировать факт того, что уже в первый год своего президентства В. В. Путин вернул советский гимн в качестве государственного гимна, связав историю СССР и новой России, обозначив тем самым, что Россия — полноценная правопреемница бывшего СССР, а также всей истории государства российского. Политические праздники и символы имеют колоссальное политико-культурное значение для конструирования политического порядка, в том числе в эпоху перемен. Как отмечает А. И. Щербинин, в мировой истории праздники являлись «наиболее эффективным средством идентификации индивида с режимом, а это означало наиболее эффективный механизм легитимации нового строя и социализации граждан» [9, с. 53]. С другой стороны, в настоящий момент тема праздников недостаточно эффективно выстроена. Например, граждане России индифферентно относятся к такому фундаментально значимому для российской государственности коммеморативному празднику как День народного единства (4 ноября). Организованные провластными структурами шествия и публичные мероприятия в этот день еще не означают того, что событие ценится по достоинству, а эффект от него имеет важное гражданско-патриотическое значение. На наш взгляд, связать ценности времён с помощью подобных праздников — задача правительственных структур России, поскольку патриотизму нужна питательная среда как из далекого прошлого, так и настоящего. Подвиги героев прошлого не единожды становились предметом официальной мотивационной риторики, направленной на консолидацию общества вокруг какого-либо внешнего вызова.

Патриотическое воспитание молодежи — это стратегический вклад в сохранение политического порядка на долгие годы. Учитывая актуальный международный политический кризис 2014–2015 годов, вполне продуманными выглядят слова В.В. Путина, сказанные им на встрече с молодежью еще в 2012 году: «искажение национального, исторического, нравственного сознания приводило к катастрофе целых государств, к их ослаблению, распаду в конечном итоге, лишению суверенитета и к братоубийственным войнам... Мы должны строить своё будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент — это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого всё равно не придумаем. Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России» [1].

Патриотизм должен выступать социальным и политическим принципом, некоей фундаментальной ценностью. Речь не идёт о какой-то всеобъемлющей государственной идеологии авторитарного содержания. Можно только согласиться с мнением Ю.А. Красина: принимая во внимание этническое и социокультурное многообразие нашей страны, духовно-идеологическая среда общества может быть только плюралистичной [2, с. 158]. Попытки создать интегративную национальную идеологию, вроде широко обсуждаемой некогда концепции «суверенная демократия», можно считать скорее не прижившимся симулякром, который впрочем был первой официальной попыткой альтернативного объяснения на государственном уровне места России в современном мире. Как подчеркивает А.М. Мигранян, «суверенная демократия» — это ответ власти на номинацию российского режима как «управляемая демократия», а также важная идеологическая и внешнеполитическая контрконцепция для противодействия вмешательству США в политику других государств [5, с. 222–223].

Актуализация патриотизма в современной России, конечно же, связана с наличием внешнего врага, а также настроениями из имперского прошлого нашего государства. Такой политический эффект от патриотической тематики в средствах массовой коммуникации после попыток международных субъектов серьезно дестабилизировать политический порядок в России в ходе Украинского конфликта-2014, наверное, не ожидал никто, в особенности западные заказчики международного кризиса. Значительная часть российского общества сплотилась вокруг В.В. Путина как политического лидера, кто не боится противостоять американской и европейской пропагандистским машинам. Однако пропаганда привела не только к вспышке патриотизма внутри страны, но и усилению русофобских настроений в мире. А эффективно развиваться в изоляции в современное время не то, чтобы сложно — это не возможно. И не стоит питать иллюзии о том, что мы быстро найдем новых высоконадежных, динамично разви-

вающих партнеров. Для сохранения государства в имеющихся масштабах, а также социально-экономического развития нужно обращать внимание не на то, что мы первая страна в мире по размеру территории, а скорее на то, что по экономическим меркам мы занимаем всего 1,5% мирового ВВП, а доля населения — скромные 2%. Рассуждая, например, о развитии науки, важно смотреть на факты того, что за 2013 год объем публикаций РФ сравним с Тайванем и Ираном, он в 12 раз меньше Китая, в 16 раз меньше США [6]. Поэтому официальная риторика по сплочению нации имеет двойственный эффект. Нельзя жить в бесконечных иллюзиях по поводу своего величия в мире и гордиться только былыми, пусть и крайне значимыми достижениями.

Мир становится сложнее. Он не такой однобокий как изображает его будь то американская или российская пропаганда и идеология, игнорирующая всё то, что не вписывается в её рамки. Важно укреплять патриотические настроения, иметь позицию и при этом быть достаточно гибкими, готовыми учиться и признавать чужие интересы. Проиграв «холодную войну» и потеряв СССР, второго шанса у России на сохранение собственного крупного государства после ухода В.В. Путина со своего поста может и не быть. Мы не обладаем исключительным международным правом по «внедрению» демократий в других регионах мира, каким обладают спецслужбы и правительство США, контролирующие значительную часть мирового порядка. Данное обстоятельство должно порой заставлять нас быть осторожными и сдержанными.

«Крымский вопрос» породил сложные и долговременные проблемы, решение которых, как пишет Ю.С. Оганисян, определит значение данного кризиса в российской истории через время [7, с. 88.]. Для сохранения политического порядка необходимо планомерно работать на результат, давать не только пропагандистские, но и реальные ответы своими достижениями на высказывания известных американских демократов вроде Дж. Маккейна, который заявил: «У меня нет никаких иллюзий или тревог в отношении долгосрочных перспектив России. Современная Россия — это бензоколонка, пытающаяся выдать себя за страну» [4]. В данной связи стоит также заметить, что одна из ключевых проблем политического развития России, на наш взгляд, заключается в том, что в настоящее время политическая риторика делить граждан, имеющих политическую позицию и убеждения, преимущественно на два типа. К первым можно отнести «патриотов», кто всецело поддерживает любые инициативы и действия государственной власти, ко вторым — предателей, шпионов, русофобов и тому подобное. Всецело можно поддержать мысль А.В. Лукина о том, что «совершенно не прельщает перспектива жить в осажденной крепости, где власти повсюду видят врагов, а в любом инакомыслящем — предателей и пятую колонну» [3, с. 169]. Можно добавить еще и то, что также не прельщает поддерживать ни квазиопозицию, ни несистемную оппозицию, у которой наблюдается дефицит адекватности.

Е. Б. Шестопап в одном из резюме своих многолетних политико-психологических исследований отмечает: «Сегодня в обществе как никогда ощущается нехватка высоких целей и ценностей, не сводимых к обогащению одних и выживанию других, что ведёт к духовной опустошенности и утрате общезначимых ориентиров» [8, с. 147].

В стране есть запрос на патриотизм, ценности социальной справедливости, так и умеренные либеральные ценности. Нельзя это игнорировать. Усиление политического раскола в обществе в среднесрочной перспективе не принесет пользы никому и поставит под серьезную угрозу существующий политический порядок.

Литература:

1. Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи [Электронный ресурс]: Президент Российской Федерации: официальный сайт. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/pressident/news/16470>
2. Красин, Ю. А. Идеология в трансформирующемся мире: штрихи к новому видению // Полис. 2014. № 6. С. 149–165.
3. Лукин, А. В. Шовинизм или хаос: порочный выбор для России // Полис. 2014. № 3. С. 159–171.
4. Маккейн Дж. Россия — это бензоколонка, пытающаяся выдать себя за страну [Электронный ресурс]: Голос Америки: информационный интернет-ресурс. — Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/content/mccain-calls-russia-gas-station-masquerading-as-a-country/1880240.html>
5. Мигранян, А. М. Зачем России концепция «Суверенной демократии»? // PRO суверенную демократию. Сборник/сост. Л. В. Поляков. — М.: «Европа». 2007. с. 221–224.
6. Мовчан, А. А. Иллюзия величия, или Хотят ли с русскими войны [Электронный ресурс]: SLON: онлайн-журнал об экономике и политике. — Режим доступа: http://slon.ru/russia/illyuziya_velichiya_ili_khotyat_li_s_russkimi_voynu-1213342.xhtml
7. Оганисян, Ю. С. Новая Россия в изменяющемся мире: социально-политический ракурс // Полис. 2014. № 3. С. 76–90.
8. Шестопап, Е. Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Полис. 2015. № 1. С. 136–150.
9. Щербинин, А. И. Политический праздник: концепт и коммуникация // Политическая концептология. 2014. № 3. с. 45–59.

Особенности политических коммуникаций

Пятых Ксения Николаевна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: политическая коммуникация, политическая партия, идеологии, распространение информации.

Одним из важнейших компонентов политики является концептуальная сторона программ политических партий, связанным с деятельностью политических партий, воплощением идеологий в практику политической борьбы, электоральную конкуренцию и межпартийную коммуникацию, наконец, со стратегией развития политической системы и общества в целом. Современные политические партии представляют достаточно новое явление, и поэтому научный интерес к программам объективно входит в предмет актуальных политологических проблем. При этом работ по семиотической картине политического мира, отраженной в программах партий, практически нет. Есть единичные специальные работы, где проводится лингвистический и концептуальный анализ (монографии

М. В. Гавриловой и И. В. Кологривовой) [2; 5]. Именно в них намечена связь идеологии и текста программы, отражена дискурсивная суть последней: «Программа российской политической партии — это самостоятельный дискурсивный жанр, который относится к сфере письменной речи, официальной и публичной коммуникации ... Партийная программа выполняет следующие коммуникативные функции: информационную, оценочную, воздействующую, познавательную и регулятивную» [8].

При всем сегодняшнем интересе к проблемам политического текста, сами программы с их структурой, привязкой к идеологиям, партиям пока еще остаются на периферии исследовательского поля. Аналогично и со стороны исследователей проблем идеологий, политических партий,

избирательного процесса интерес проявляется скорее к проблемам текущего момента: актуальным выводам, политическим заявлениям в ходе выборных кампаний [12]. Вместе с тем, логичнее было бы отследить сначала эволюцию программ партий, доктрин, изменения в идеологии. Все это ложится на схему П. Ласлета [10]: быстрые, средние, медленные, а в ряде случаев изменения в случае идеологий связаны и с очень медленными изменениями в обществе. По нашему мнению, предвыборные программы, и до известной степени — программы партий в целом укладываются в ритмы быстрых изменений (политика), доктрины, основанные на ценностях и целях системного характера, проявляются в координатах средних и медленных изменений. Идеологии существуют в ритмах медленных, а по ряду позиций базового характера — очень медленных изменений.

Для политической коммуникации крайне важным является понимание публичной сферы. Юрген Хабермас — мыслитель и философ, который разрабатывал понятие публичной сферы.

Свое рассуждение Хабермас начинает с понятия труда — по его мнению человеческое общество своим возникновением обязано труду, труд понимается у Хабермаса, как «инструментальное действие и межличностные отношения (интеракция, процесс общения и др.) Это два решающих социокультурных фактора, которые определяют специфику человеческого общества и уровень его развития» [13, с. 85]. По-другому он это называет «коммуникативной рациональностью» или «коммуникативным действием».

Как отмечает исследователь концепции Хабермаса, И.Л. Фарман, коммуникация рассматривается в литературе по-разному: «одна из самых распространенных [трактовок] ассоциируется с выражением «средства массовой коммуникации» (от англ. шазз соттишсайоп — имеется в виду система распространения информации с помощью технических средств: радио, телевиденье, печать и др.) и предполагает передачу некоего сообщения в одностороннем порядке, хотя и рассчитано на адекватность восприятия» [13, с. 128–129].

Но кроме того, чтобы принять какую-то информацию индивид должен еще и усвоить ее. То есть передача данных через тексты и речь нужна для того, чтобы «достигнуть взаимопонимания с другим относительно чего-то в мире» [14, с. 87], Однако для коммуникации есть особые условия о которых пишет Хабермас: «Мы либо говорим о том, что имеет или не имеет места, либо говорим что-нибудь кому-нибудь другому, так что последний понимает то, что говорится» [15, с. 39] последний способ по Хабермасу и называется коммуникацией. Кроме того она применяется в качестве «воздействия на массы и мощнейшего орудия манипуляции общественным сознанием» [13, с. 129].

После разбора основных терминов, с которыми работает Хабермас при построении своей теории, можно приступить к рассмотрению его концепции публичной сферы.

По Л. Дж Козну, и Э. Арато, главная идея в концепции Хабермаса — это то, что публичная сфера предстает перед гражданами через текст или речь выступающего. Иначе говоря, по Хабермасу, публичная сфера зародилась в таких институтах, как буржуазный салон, клуб, кафе, ложа и т. д. [7 с. 296–317]. То есть «публичная сфера возникает не вследствие политизации мелкомасштабной интеракции, а вследствие воспитания с помощью газет, журналов и публичных выступлений критически мыслящей читающей аудитории. Только этот путь допускает преобразование принципов интимности в принципы критической публичности» [7, с. 301].

Следует отметить, что «...при становлении сферы публичной политики на основе литературно-критической сферы сохраняется принцип неограниченной коммуникации, первоначально сформировавшейся в интимной сфере семьи нового типа» [7, с. 302]. Однако общество стремится «к новой форме политического дуализма, при котором под контролем публичной сферы окажется публичная власть современного государства», а не к установлению государства нового типа [7, с. 302]. Но «литературно-культурная публичная сфера не имеет возможности самостоятельно контролировать современное государство или оказывать на него прямое влияние» [7, с. 306].

Кроме того появлению такого рода публичной сферы должно предшествовать становление либеральной сферы — «в том плане, что для обеспечения ее автономности требуется ряд свобод (свобода слова, печати, собраний и коммуникации)» [7, с. 297], а так же возникновение нового поколения людей — это «новый тип публики, появляющийся в условиях раннего модерна — публику частных лиц, обсуждающих общественные проблемы на основе печатных текстов» [9, с. 9].

Как отмечает сам Хабермас в работе «Структура политической сферы» (1962), доступ к публичной сфере открыт, в принципе, для всех граждан. Некоторая часть публичной сферы есть в каждом разговоре, в котором индивидуумы собираются вместе и становятся публикой [6]. Граждане начинают действовать как публика, когда они имеют дело с вопросами, интересными для всех, без принуждения, но с гарантией, что они могут свободно собираться, объединяться, выражать и публиковать своё мнение. Мы говорим о политической публичной сфере, (в отличие от литературной, например) когда общественные дискуссии затрагивают вещи, которые касаются государства. [17, с. 82].

Либеральная сфера и думающая публика, по мнению Хабермаса, обязательно должны присутствовать в современном идеальном государстве, общество в котором будет «полностью эмансипированное, гарантирующее всем членам зрелость, развивающую взаимную коммуникацию свободным от какого-либо принуждения и господства способом. Общество, в котором нормой и принципом является диалог всех со всеми... это идеал непосредственной демократии, охватывающий целое общество, либо даже, весь человеческий род» [11, с. 216]. Публичная сфера — обя-

зательный элемент демократического общества, отмечает Хабермас, она «призвана создавать условия для рационально-критического обсуждения политических проблем, решающую роль в котором играли бы аргументы, а не социальный статус или традиции» [9, с. 9].

И все же, по Хабермасу, происходит необратимый процесс: «либеральная модель литературно-публичной сферы, ставящей на первое место нормы гуманизма и критического разума, будучи «политизирована», обретает тенденцию не к участию в отправлении власти, а к устранению последней и к замене закрытой системой правовых норм» [7, с. 308]. Граждане лишаются своих прав, а так как философ не мыслит публичную сферу без определенных прав и свобод, то по его мнению она распадается.

Отметим, что основным понятием в политической лингвистике является политический дискурс [4, с. 970].

Ряд ученых понимают его в широком смысле, например «политический дискурс — это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [1]. Политический дискурс может быть понят как «сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте — контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений» [3]. Есть точка зрения, что это «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [16]. Подобный подход предполагает исследование политического дискурса через анализ всех соответствующих семиотических систем.

Литература:

1. Баранов, А. Политика как диалог [Электронный ресурс]/А. Баранов, Ю. Караулов // Энциклопедия Кругосвет: универсальная науч.-популярная энциклопедия. — Электрон. дан. — М., 1997–2012. — URL: www.krugosvet.ru/articles/22/1008254/1008254a1.htm (дата обращения: 18.04.2015).
2. Гаврилова, М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи: (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина)/М. В. Гаврилова. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. — 295 с.
3. Герасименко, Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России. — М., 1998. — Вып. 2. — с. 20–23.
4. Жилинская, А. В., Сенцов А. Э., Трутнягин А. А. Трансформация идеологии в мире политики // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 968–970.
5. Кологривова, И. Язык политической идеологии: траектории развития/И. Кологривова. — Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, 2011. — 220 с.
6. Коржова, А. Ю., Кузина Е. А., Тумакова Н. А. Владение иностранным языком как фактор улучшения межкультурной коммуникации будущего выпускника вуза // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1099–1101.
7. Коэн, Л. Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. — Пер. с англ./Общ. ред. И. И. Мюрберг. — М.: «Весь мир», 2003.
8. Логинова, И. Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии [Электронный ресурс]: (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук/И. Ю. Логинова. СПб., 2004. 23 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».
9. Малинова, О. Ю. Идеологический морализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. — 2007. — № 1. — с. 6–21.
10. Пространство и время социальных изменений [Электронный ресурс]/В. Н. Ярская [и др.] // ЭСМ: Экономика. Социология. Менеджмент: федер. образовательный портал. М., 2012. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19196158/> (дата обращения: 18.04.2015).
11. Раинко, С. Марксизм и его критики. — М.: Прогресс, 1979.
12. Толпыгина, О. А. Партии как производители политических идей // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы/под ред. О. Ю. Малиновой. — М., 2011. — с. 190–210.
13. Фарман, И. Л. Социально-культурные проекты Ю. Хабермаса. — М.: 1999.
14. Фуре, В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. — Мн.: ЗАО Экономпресс, 2000.
15. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — Пер. с немецкого под. ред. Д. В. Скляднева. — СПб.: Наука, 2000.
16. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса/Е. И. Шейгал. — М.; Волгоград: Перемена, 2000. — 367 с.
17. McAfee Noelle, Habermas, Kristeva, and citizenship. — Ithaca London Cornell University Press, 2000.

Концепт будущего в программе «Россия, которую мы выбираем» партии «Единая Россия»

Сычева-Барабанова Татьяна Владимировна, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: программа политической партии, партия «Единая Россия», концепт будущего.

Рассматривая эволюцию представлений о времени в ходе развития человеческого мышления и познания природы, в философии выделяют две пары взаимно дополняющих друг друга концепций времени.

Первая пара концепций расходитя по вопросу о природе времени, об отношении категории времени и движения. Субстанциональная концепция рассматривает время как особого рода субстанцию наряду с пространством, веществом, а реляционная концепция считает время относительным (или системой отношений) между различными событиями.

Вторая пара концепций выражает разные точки зрения на процессы становления, т.е. расходитя в вопросе об отношении категорий времени и бытия. Согласно статической концепции, события прошлого, настоящего и будущего существуют реально и в известном смысле одновременно, а становление и исчезновение материальных объектов — это иллюзия, возникающая в момент осознания того или иного изменения. Согласно динамической концепции, реально существует только события настоящего времени; события прошлого уже реально не существуют, а события будущего еще реально не существуют [4, с. 157].

Характерным специфическим свойством времени является его необратимость, которая проявляется в невозможности возврата в прошлое. Время течет от прошлого через настоящее к будущему, и обратное течение его невозможно. Необратимость времени связана с необратимостью протекания фундаментальных материальных процессов. Некоторые философы усматривают связь необратимости времени с необратимостью термодинамических процессов и с действием закона возрастания энтропии. В микрофизике необратимость времени связывается с характером законов квантовой механики. Существуют также космологические подходы к обоснованию необратимости времени. Наиболее широкое распространение получила причинная концепция времени; ее сторонники считают, что при обратном течении времени причинная связь оказывалась бы невозможной [1, с. 157].

В политической лингвистике процесс течения времени очень хорошо прослеживается в текстах программ политических партий, ведь сама структура программы политической партии (которая являет собой прагматическое отражение партийной идеологии, ставит конкретные цели и задачи на будущее, содержит оценку и критику прошлого

и настоящего) способствует яркому представлению в ней соответствующих концептов (прошлого, настоящего и будущего) [6, с. 598].

В настоящей работе будущее России рассматривается как политический концепт на материале Программного заявления «Россия, которую мы выбираем», принятого на VII съезде партии «Единая Россия» 17 декабря 2008 г. В данном документе описываются достижения партии за минувший период и излагаются стратегии обновления России на ближайшие десять лет.

Рассматриваемая в данной работе программа, как и любая другая партийная программа, с лингвистической точки зрения является самостоятельным типом текста, функционирующим в рамках политического дискурса. Как центральный документ, обуславливающий деятельность всей партии/ее членов, программа имеет характер основополагающего, «первичного» текста, на основе которого создаются пресс-релизы, публицистически информационные статьи, листовки, тексты публичных выступлений и др. [3].

Программы политических партий уже становились объектами исследования в социологии, журналистике, теории связей с общественностью (Вишневецкий 2000, Кирилова 2002, Тимошенко 2002; Зеленин 2000, Бублик 2001, Мотузенко 2002 и др.). Отдельные аспекты функционирования языковых единиц и структур в партийной программе исследовались с точки зрения лингвистики (Иссерс 1997, Кривоносов 2002, Лисовский 2000, Наминова 2001, Пономарев 2001, Green 1991, Gaffney 1991, Weidhorn 1987 и др.) [3].

Между тем, в современной политической лингвистике проблема концептуализации/категоризации окружающей действительности занимает важное место. Однако на настоящий момент не обнаружено целостных исследований, посвященных структуре отдельных концептов в программах партий. Существуют лишь фрагментарные упоминания отдельных концептов (понятий), например у Т. Болла [2].

Типы концептов разнообразны по содержанию и по структуре. Однако любой концепт обязательно имеет базовый слой, который «всегда представляет собой определенный чувственный образ (автобус — желтый, тесно, трясет; искусство — картины; религия — церковь, молящиеся люди)». Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода (Н.И. Жинкин,

И. Н. Горелов), кодирующую данный концепт для мыслительных операций, и поэтому может быть назван кодирующим [7, с. 58].

Можно говорить о базовом слое концепта — чувственном образе, кодирующем его как мыслительную единицу, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Когнитивные слои, образуемые этими концептуальными признаками и отражающие развитие концепта, его отношения с другими концептами дополняют базовый когнитивный слой [7, с. 59].

Чувственно-образным ядром концепта будущего в Программном заявлении «Единой России» является наглядный образ «свободной, единой, суверенной, процветающей России» [5]. Данный образ является кодирующим, единицей универсального предметного кода, той целью, к которой, в конечном счете, стремится партия.

Таким образом, базовый слой концепта включает следующие когнитивные признаки — свободу, единство, суверенитет и процветание, которые наслаиваются на базовый, кодирующий образ и составляют вместе с ним базовый слой исследуемого концепта.

Сегменты концепта представлены в программе партии в виде трех приоритетных задач:

— Сбережение российского народа. Предлагается программа увеличения продолжительности жизни, пропаганда здорового образа жизни должна снять остроту демографического кризиса; предполагается создание все необходимые условия для увеличения рождаемости.

— Придание нового качества борьбе с коррупцией. Вопросом чести для партии является создание правовых и социально-экономических условий для борьбы с коррупцией.

— Создание в России экономики инновационного типа. Предполагается переход к политике эффективного распоряжения ресурсами, стимулирование коммерциализации технологий.

Базовый слой концепта и его когнитивные сегменты представляют ядро концепта. Но кроме ядра, концепт имеет объемную интерпретационную часть/поле — совокупность слабее (по сравнению с ядерной частью) структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок, вытекающих в рассматриваемом

тексте из содержания концепта [7, с. 61]. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию.

В Программном заявлении «Единой России» интерпретационное поле концепта будущего представлено в виде десяти обязательств партии на ближайшие десять лет:

— радикальное повышение качества и уровня жизни граждан России;

— проведение реформы системы здравоохранения в целях качественного улучшения медицинского обслуживания населения;

— вывод страны на позиции одного из мировых лидеров по качеству образования;

— проведение новой молодежной политики, активное продвижение молодых во все сферы управления;

— реализация промышленной политики, предусматривающей государственные инвестиции в производство, стимулирование развития строительного комплекса и поддержку инновационных производств;

— ликвидация отставания темпов развития сельского хозяйства от темпов роста экономики в целом;

— укрепление Федерации на основе реализации внутреннего потенциала каждого региона;

— создание всех условий для результативной борьбы с преступностью, укрепление правоохранительной системы;

— реформирование системы государственного управления на всех уровнях, оптимизация деятельности федеральных ведомств в регионах;

— общественный контроль за соблюдением прав и свобод человека, поддержка гражданских инициатив и т. д.

Признаки концепта, извлекаемые из его интерпретационного поля, показывают плывучесть, смещаемость и диффузность когнитивных слоев, образующих периферию концепта.

Таким образом, метод концептуального анализа позволяет проникнуть в закономерности дискурсивного развертывания текста программы политической партии, выявить внутреннюю связь между глобальным метафорическим концептом будущего и используемыми терминосистемами, между концептами, относящимися к разным языковым уровням.

Литература:

1. Алексеев, П. В., Панин А. В. *Философия: Учебник*. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.countries.ru/library/philosophy/duo.htm> (дата обращения 28.01.2015).
2. Болл, Т. *Власть* [Электронный ресурс] // *Полис*, 1993. № 5. с. 36–42. — URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81515> (дата обращения 18.03.2015).
3. Логинова, И. Ю.. *Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (На материале английского языка): Дис... канд. филол. наук: 10.02.04*. — СПб., 2004. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/93333.html#introduction> (дата обращения 28.03.2015).
4. Логинова, Н. А. *Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии*. — М.: Наука, 1978. с. 156–172.

5. Программное заявление партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Единая Россия: официальный веб-сайт. — URL: <http://edinros.ru/eg/rubr.shtml?110100> (дата обращения 28.03.2015).
6. Сенцов, А. Э., Скочилова В. Г. Выражение концепта будущего в партийных программах // Молодой ученый. — 2015. — № 3. — с. 597–600.
7. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. издание/Под ред. И. А. Стернина. — Воронеж, 2001. с. 58–65.

Некоторые особенности политической речи

Ухвачев Глеб Игоревич, студент;

Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

*Политик должен уметь предсказать, что произойдет завтра,
через неделю, через месяц и через год.
А потом объяснить, почему этого не произошло*
Уинстон Черчилль

Современные российские социально-экономические преобразования, развитие средств массовой информации и политического рынка предъявляют новые требования к субъектам власти и их деятельности. Одним из основных требований к их деятельности становится завоевание доверия населения — объекта власти, так как власть ассоциируется с конкретной личностью.

Неотъемлемым компонентом «информационной жизни» человека становится политизация, а именно политический дискурс. «Политический дискурс — это актуальное использование языка в социально-политической сфере общения и в публичной сфере общения» [9].

Воздействие на аудиторию, сознание и чувства слушающих является основной задачей любого политического выступления. Выступления политиков перед широкой аудиторией характеризуются рядом особенностей:

- приближенность к художественному стилю речи за счет использования **риторических** приемов воздействия (например, аллюзия, метафора, ирония, инверсия и т. д.), которые позволяют добиться четкой аргументированности, открытости, ясности и точности информации, сохраняющейся в политическом сообщении;
- наличие таких коммуникативных качеств речи, как правильность, уместность, красота и правдивость;
- использование политических и экономических терминов;
- предоставление оценки, комментариев, разъяснений и т. д.;
- фактологическая точность (цитирование различных документов, программ и т. д.);
- на фонетическом уровне — замедленный темп речи, усиленная громкость, высокая частотность прагматических и логических пауз, чередование быстрого и медленного темпа речи [2, 3].

Успешность публичной речи во многом зависит от использования различных средств выражения оценки, ко-

торые делают ее понятной, наглядной и адаптируют для понимания в различных аудиториях:

- эмоциональность;
 - экспрессивность;
 - выразительность;
 - стилистически маркированные средства языка [5].
- Публичное выступление политика — это мощное оружие и эффективное средство для достижения цели. Политическая речь обладает рядом особенностей, она:
- коррелирует с важными событиями общественно-политической жизни;
 - отражает борьбу за власть либо ее удержание;
 - влияет на интеллектуальную и эмоциональную сферы слушающих;
 - насыщена цитатами из официальных документов (например, программа партии);
 - опирается на определенную систему ценностей (например, демократия, законность, справедливость, свобода и др.);
 - насыщена комментариями, разъяснениями и оценками говорящего.
- А. В. Федоров отмечает следующие особенности общественно-политической речи:
- полемичность;
 - страстность тона;
 - слияние элементов научной речи и различных средств эмоциональности и образности;
 - отсутствие сложных предложений;
 - четкость построения фраз;
 - повторение сложных по смыслу словосочетаний, предложений [6].

Существует несколько жанров политической речи:

- лозунг;
- программные документы;
- публичная речь политика;
- предвыборная агитация;

- предвыборные дебаты;
- инаугурационная речь;
- поздравительная речь;
- юбилейная речь;
- послание президента о положении дел в стране;
- отчетный доклад;
- парламентские дебаты [1, 8].

Планируя свое выступление, политик апеллирует скорее к рациональным и оценочным, нежели к эмоциональным качествам публики. Не менее важным является его поведение (положение и движения головы, движения тела, положение ног, походка и т. д.), внешний облик, манеры речи, мимика и пластика [4].

В политической сфере успех оратора определяется умением аргументировать свою позицию, учитывать осо-

бенности различных социальных групп, к которым он обращается с речью, так как его основная задача — быть понятым. Немаловажно и заразить слушателей своей уверенностью в правоте позиции, вызвать у них определенный эмоциональный настрой [7].

Таким образом, большую часть политической информации массовая аудитория узнает из выступлений политических лидеров. Разрабатывая текст своего выступления, политику следует уделять внимание не только содержательным аспектам, учету национального склада ума и национального характера, но и ориентироваться на конкретную аудиторию, проводить аудио (-видео) запись выступлений для осознания себя со стороны, развивать умения презентовать себя так, чтобы аудитория воспринимала выступление адекватно.

Литература:

1. Андрищенко, О. К. К вопросу о жанровой классификации политических текстов. http://www.rusnauka.com/15_APSN_2010/Philologia/65699.doc.htm (дата обращения: 15.05.2015).
2. Бурдые, П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 333 с.
3. Гаджиев, К. С. Введение в политическую науку. М.: Логос, 1997. 544 с.
4. Егорова-Гантман, Е. В. Имидж лидера: психол. пособие для политиков. М.: Наука, 1994. 264 с.
5. Скрипаль, А. А. Метафора как характеристика политического дискурса // Вестник ВолГУ, 2011, Вып. 9, серия 9. с. 36–38.
6. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк). М.: Высш. школа, 1968. 396 с.
7. Характерные особенности политических речей. URL: http://talkbusedst.ru/vystuplenie-pered-auditoriej/46-harakternye_osobennosti_politicheskikh_rechei.html (дата обращения: 15.05.2015).
8. Шейгал, Е. И. Власть как концепт и категория дискурса // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php (дата обращения: 15.05.2015).
9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис». 326 с.

Идея сильного государства (на материале российских политических партий)

Черявко Татьяна Павловна, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: программа политической партии, политическая идеология, сильное государство.

Практически каждая политико-правовая концепция уделяет большое внимание вопросам укрепления государства, оптимальным государственным формам, усиления публичной власти, соотношению интересов государства и личности и т. д. [1]. Основные предпосылки возникновения концепции «сильного государства» можно условно подразделить на материальные (социально-исторические) и идейно-теоретические. К числу материальных предпосылок относятся основные закономерности развития общественных отношений, предполагающие перераспределение управленческих функций в процессе усложнения общественных отношений от непосредственных участников этих отношений к некой «надобщественной»

структуре — государству. При этом усиление эффективности управления напрямую связывается с централизацией процессов управления, что предполагает приобретение государственным аппаратом больших властных полномочий, то есть, его усиление. К числу идейно-теоретических предпосылок следует отнести взгляды мыслителей прошлого, в которых получили свое образное выражение представления о сущностных и формальных признаках сильной государственности и которые затем были взяты за основу концепции «сильного государства».

В современной России наблюдается новая волна доверия к государству, и образ сильного государства четко прослеживается в программах современных российских

политических партий. Эта идея сильного государства в текстах программ политических партий просматривается в рамках процесса течения времени, ведь сама структура программы политической партии (которая является собой прагматическое отражение партийной идеологии, ставит конкретные цели и задачи на будущее, содержит оценку и критику прошлого и настоящего) способствует яркому представлению в ней соответствующих концептов (прошлого, настоящего и будущего).

Отметим, что наибольшее внимание в программах политических современных российских политических партий уделяется именно теме и концепту будущего.

Концепт представляет собой как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [10, с. 58]. Каждый концепт имеет определенную структуру, хотя он и не может быть представлен как жесткая структура, подобно значению отдельного слова.

Типы концептов разнообразны по содержанию и по структуре. Однако любой концепт обязательно имеет базовый слой, который «всегда представляет собой определенный чувственный образ (автобус — желтый, тесно, трясет; искусство — картины; религия — церковь, молящиеся люди)». Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов), кодирующую данный концепт для мыслительных операций, и поэтому может быть назван кодирующим [10, с. 58].

Можно говорить о базовом слое концепта — чувственном образе, кодирующем его как мыслительную единицу, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Когнитивные слои, образуемые этими концептуальными признаками и отражающие развитие концепта, его отношения с другими концептами дополняют базовый когнитивный слой [10, с. 59].

В плане структуры концепты можно подразделить на три типа — одноуровневые, многоуровневые и сегментные. Исследуемый концепт будущего в рассматриваемых программах относится к последнему типу [5]. Он представляет собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Чувственно-образным ядром концепта будущего в Программном заявлении «Единой России» является наглядный образ «свободной, единой, суверенной, процветающей России» [9]. В программе КПРФ ядро концепта — единое, целостное и независимое Отечество [8]. Данные образы практически идентичны, они являются кодирующими, единицами универсального предметного кода, той целью, к которой, формально, стремится каждая из партий.

На уровне сегментов концепта будущего программы рассматриваемых партий не совпадают. В программе

«Единой России» сегменты сформулированы уже и конкретнее — сбережение российского народа; придание нового качества борьбе с коррупцией и создание в России экономики инновационного типа. Тогда как КПРФ формулируют приоритеты шире и абстрактнее — установление демократической власти трудящихся; более широкое участие трудящихся в управлении государством и формирование социалистических общественных отношений.

Базовый слой концепта и его когнитивные сегменты представляют ядро концепта. Но кроме ядра, концепт имеет объемную интерпретационную часть/поле — совокупность слабее (по сравнению с ядерной частью) структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок, вытекающих в рассматриваемом тексте из содержания концепта [10, с. 61]. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию.

Представленные интерпретационные поля указывают на взаимодействие рассматриваемого концепта с другими, показывают многообразие и разноплановость когнитивных слоев, образующих периферию концепта. Именно метод концептуального анализа позволяет проникнуть в закономерности дискурсивного (нелинейного) развертывания политического текста, выявить внутреннюю связь между глобальными метафорическими концептами и используемыми терминосистемами, между концептами, относящимися к разным языковым уровням [7, с. 143].

Исследование показывает, что на уровне периферии рассматриваемого концепта программы партий практически совпадают, поле представлено в основном задачами в социальной, экономической и политической сферах. Просто в заявлении «Единой России» (10 обязательств партии на ближайшие 10 лет) они представлены более кратко и сжато, чем в программе КПРФ (24 меры по реализации целей партии) [4, с. 971].

Посредством программ партии заявляют о своих социально-политических приоритетах, высказывают представление о путях решения актуальных проблем общества и государства, проведения экономических, политических и социальных реформ, способствующих развитию государства.

Таким образом, партии активно вмешиваются в планирование и прогнозирование будущего, пытаясь навязать обществу его видение, «узурпировать» право на определение будущего.

Здесь можно говорить о проблеме «захвата» будущего властью, правителями, которая далеко не нова. Уже на заре цивилизации будущее раздражало правителей, от него постоянно веяло угрозой. Следовательно, лишая человека будущего, у него отнимали и свободу [2].

В 1992 году американский философ Фрэнсис Фукуяма опубликовал книгу «Конец истории и последний человек». В ней доказывается, что история в том виде, как мы ее знаем, фактически закончилась: в мире необратимо побеждает либерально-демократический путь развития, на который в той или иной степени встали в конце XX века

все страны [11]. Но как раз в начале 1990-х годов в мире стали устойчиво расти антиамериканские настроения, и уже в 1996 году другой политолог Сэмюэль Хантингтон выпустил книгу «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка», в которой писал: «Для каждой цивилизации, по крайней мере единожды, а временами и чаще, история заканчивается. Когда возникает универсальное государство, его народ обычно бывает ослеплен... «миражом бессмертия» и убежден, что их государство есть последняя форма человеческого общества» [12]. Обществу внушается мысль о том, что образ будущего определен окончательно, что оно полностью под контролем, что есть только один вариант развития событий, и других альтернатив нет. А контролируя будущее, можно наилучшим образом сохранять контроль над настоящим.

Разбираясь в массовом восприятии новой волны доверия к государству в современном российском обществе, можно отметить тот факт, что если советское сильное сверхгосударство имело своим оправданием патернализм: государство тебя учит, кормит, лечит, защищает

и т.д., то нынешняя государственность все-таки такого козыря не имеет [6]. Таким образом, современные российские партии могут пообещать лишь будущее, бесконечно торговать и спекулировать им, настоящее ускользает из-под контроля государства.

В данном контексте представляет интерес мнение французского политолога Жака Аттали о том, что в современном понимании будущего и нашей роли в нем начинает доминировать образ лабиринта, который был некогда сообщен кочевниками оседлым поселенцам. Во всех современных европейских языках слово «лабиринт» несет явно отрицательную коннотацию искусственной сложности, запутанности, бесполезной секретности, неясности [3]. Зигмунт Бауман говорит о том, что «будущее — ненадежное (потому что туманное и непостижимое) — может и предать». Будущее становится раздражающим фактором, оно просто отравляет жизнь. И если совершенно отказаться от будущего не представляется возможным, то надо, хотя бы, поменьше о нем думать и жить одним мгновением [2].

Литература:

1. Анохин, П.В. Концепция «сильного государства»: Автореф. дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01. — СПб., 2002. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/185722.html> (дата обращения 22.02.2015).
2. Бауман, З. Пять прогнозов и множество оговорок // Иностранная литература. — 2006. — № 8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/8/ba14.html> (дата обращения 22.02.2015).
3. Бауман, З. Текущая современность/перевод изд.: Liquid Modernity/Zigmunt Bauman. — СПб.: Питер, 2008.
4. Жилинская, А. В., Сенцов А. Э., Трунтягин А. А. Патриотическая риторика как источник сохранения политического порядка в современной России // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 970–973.
5. Захарченко, Е. А., Тумакова Н. А. К вопросу о проблемах и перспективах дистанционного инженерного образования // Молодой ученый. — 2015. — № 8. — с. 924–926.
6. Ихлов, Е. В. Сильные права — сильное государство // Независимая газета. — 2001. — 6 октября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/politics/2001-06-10/3_state.html (дата обращения 22.02.2015).
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М., 1990.
8. Программа Коммунистической партии Российской Федерации [Электронный ресурс] // Коммунистической партии Российской Федерации: сайт. — Режим доступа: URL: <http://kprf.ru/party/program> (дата обращения 28.03.2015).
9. Программное заявление партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Единая Россия: сайт. — Режим доступа: URL: <http://edinros.ru/er/rubr.shtml?110100> (дата обращения 28.03.2015).
10. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. издание/Под ред. И. А. Стернина. — Воронеж, 2001. — с. 58–65.
11. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [пер. с англ.]. — М.: АСТ, 2005.
12. Хантингтон, Сэмюэл П. Столкновение цивилизаций [пер. с англ.]. — М.: АСТ, 2005.

Современные информационные войны и политика. Обзор

Яковлева Эльвира Владимировна, аспирант

Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова

Данная статья посвящена изучению такого явления, как современная информационная война. Здесь вкратце освещена теоретическая часть этого понятия, а также содержится практический анализ феномена информационной войны на примере украинского конфликта. Рассмотрены основные приемы и цели информационного вмешательства СМИ в политический процесс, а также их влияние на него.

Ключевые слова: информационные войны, информационная операция, украинский конфликт.

«**Л**жи исторической на свете в принципе не существует, потому что история — это не то, что было, а то, что рассказывается и тем самым создает для развития человеческого общества опору и прецедент» [1], — пишет переводчик Елена Костюкович об одном из романов итальянского ученого и писателя Умберто Эко. Действительно, окружающий нас мир состоит из информации. Люди видят его именно таким, как им рассказывают. Действительность слишком многогранна и одно событие может иметь тысячи трактовок, особенно, если речь идет о серьезном конфликте интересов, таком, какой сегодня разворачивается в Украине. У каждой стороны конфликта своя точка зрения, свои цели. Именно в многообразии и непримиримости этих точек зрения рождаются современные информационные войны. Следует оговориться, что понятие «информационные войны» во многом является образным, и свойственно, в большей степени, публицистике. Поскольку вести они могут и в мирное время, исследователи зачастую говорят об информационных и психологических операциях. Они могут быть как внешними, так и внутренними, когда государство борется с противником внутри своих границ, либо стремится к большей управляемости и идейной настроенности собственного населения.

Проблема информационных войн вокруг ситуации в Украине проявила себя довольно остро. Они приняли невиданный за последние годы размах и накаленность. Непримируемое противостояние проникло во все сферы, связанные с украинским конфликтом практически с первых дней его зарождения: от межличностных отношений до государственных; а ведущую роль и роль главного оружия здесь играют средства массовой коммуникации (СМК). На наших глазах разворачивается яркий пример использования информации как самостоятельного и очень мощного рычага конфликта. Мы видим, как СМК становятся полноценными инструментами ведения войны. Яркий пример того, как развилось это направление науки о воздействии на массы. Слово становится снарядом, из-за него гибнут люди в самом буквальном смысле. Проблема информационно-психологических войн становится все более актуальной. В наше время привилегия формирования реальности практически полностью находится в руках СМК. И особой силой информационно-психического воздействия на сознание человека обладает телевидение.

Теория так называемых информационных войн, а также история их возникновения и развития изучены достаточно широко. Большое количество статей и монографий посвящено данной проблеме. Наиболее подробно этот вопрос исследует западная политология, в частности, американская. Среди русскоязычных исследователей можно выделить работы Г.Г. Почепцова. Развитие данной тематики активно шло во второй половине прошлого века, однако последнее десятилетие характеризуется малым количеством крупных исследований феномена информационных операций.

«Войны могут выигрываться на поле боя, а проигрываться в сознании людей. Информационные войны сопровождают всю историю человечества. Сначала они были религиозными и идеологическими, причем для борьбы с носителями чужих взглядов применялись все виды репрессий» [2], — пишет в своей работе Г.Г. Почепцов.

Однако сегодня стоит задача не подавлять идеи, а управлять ими, заставить широкие массы думать, верить и действовать именно так, как нужно «кому-то». Для этого разрабатывается и применяется огромное число методик фальсификации информации в нужном. В годы Крымской войны (1853–1856) британские газеты сообщали о том, что после Синопского сражения русские добывали тонущего в море противника. Тем самым англичане создавали негативный образ русских в сознании европейского читателя. Это одно из первых зафиксированных проявлений инфовойн в СМИ [3].

Исследователи выделяют некоторые основные черты, присущие информационным войнам:

1. Использование противниками психоактивных веществ, шантажа, запугивания (террористы), физического воздействия, подкупов и т. д. Однако данные методы могут и отсутствовать при ведении информационного противостояния.

2. Объект воздействия — сознание человека, как массовое, так и индивидуальное. Последнему подвергаются ключевые лица, которые принимают решения или являются лидерами мнений.

3. В отличие от рекламы, противники в информационной войне навязывают друг другу чуждые цели, модели поведения, которые приносят вред; эмоции и выводы, выгодные другой стороне.

4. Война проходит посредством передачи информации. Используются не только СМИ, но и сплетни, слухи и др.

5. Чаще всего информационное воздействие строится на искажении и необъективной интерпретации фактов [4].

Отсюда и главный метод ведения подобных войн — дезинформация. Она влияет на оценку происходящего, а, следовательно, и на принятие решений, а также действия объекта влияния. «Мы добиваемся не правды, а эффекта» [5], — фраза Йозефа Геббельса, которая характеризует всю суть этого метода.

Холодная война 1946—1991 года, которая привела к распаду СССР, большинством исследователей также считается примером информационной войны. С.Г. Кара-Мурза говорит о масштабной информационной операции западных стран, которая привела к современному состоянию постсоветского пространства:

«По своим масштабам, затратам, продолжительности и результатам эта программа манипуляции не имеет аналогов в истории. В ходе ее подготовки и выполнения сделано огромное количество находок и даже открытий, накоплено новое важное знание о человеке и обществе, об информации и языке, об экономике и экологии. Прежде чем начать решающие действия в России, были поставлены «острые» (часто исключительно кровавые) эксперименты над многими народами и получено ценное знание по этнографии и антропологии. Мир изменился не только из-за краха СССР. Сама невидимая деятельность по манипуляции общественным сознанием множества народов земли изменила облик мира и затронула практически каждого жителя планеты. И особенно культурный слой человечества, читателя и телезрителя. Успех манипуляции сознанием народов СССР и прежде всего русского народа (по словам Даллеса, «самого непокорного народа») опасно вскружил голову политикам-победителям и их экспертам» [6].

Таким образом, процессы, начавшиеся после Второй мировой войны, продолжаются и по сей день, заставляя мир меняться по чужим схемам.

Информационные противостояния стали еще более эффективными с развитием коммуникаций, которые позволяют манипулятору воздействовать на каждого. Благодаря чему можно добиться эффекта подчинения без прямого физического воздействия и кровопролития. Цель войны — управление, а если враг добровольно покоряется, без уничтожения, то победа становится наиболее полной, считают Джон Аркуилла и Дэвид Ронфельдт [7]. Чем сильнее противник погружен в информационные системы и связан массовыми коммуникациями, тем проще им манипулировать извне. «В государствах или группах с высоким уровнем развития техники набор целей атак на стратегическом уровне очень богат: телекоммуникации и телефония, космические спутники, автоматизированные средства ведения финансовой, банковской и коммерческой деятельности; энергосистемы; культурные системы; и весь набор оборудования и программ,

на основании которых враг получает знания», — пишет американский аналитик и полковник ВВС США Ричард Шафрански [8].

Знаменитый футуролог Элвин Тоффлер, с которым в последние годы активно сотрудничает Р. Шафрански, пришел к мысли о том, что информационные войны являются закономерным явлением для развития человечества. На протяжении истории причинами войн были ресурсы, представляющие наибольшую ценность. По Тоффлеру, общество прошло несколько основных этапов развития: аграрный, индустриальный и информационный. Для каждого характерны свои ценности: земля, производство и информация [9]. Поэтому сегодня информация и становится главным ресурсом и целью контроля. «Минобороны США заплатит частным подрядчикам в Ираке до 300 млн долларов за производство политических материалов, новостей, развлекательных программ и социальной рекламы для иракских СМИ, чтобы привлечь местное население к поддержке США» [10], — написала в 2008 году газета The Washington Post.

Борьбу за информационное превосходство Э. Тоффлер подробнее рассмотрел в книге «Война и антивоенная» [11]. Здесь он перечислил наиболее часто применимые приемы воздействия на массы:

- Обвинения в зверствах
- Демонизация противника
- Мета-пропаганда, которая указывает на пропаганду противника и дискредитирует его
- Гиперболизация происходящего и т. п.

Успех любой информационной операции кроется в масштабной атаке на сознание и применении максимально широкого спектра воздействия. Необходимо добиться неизбежности контакта индивида с потоком «нужной» информации. Например, внутренние информационные войны все активнее ведутся в развлекательном пространстве, поскольку социологи отмечают уменьшение интереса к новостям среди представителей молодого поколения [12]. Таким образом, появляется возможность так называемой «мягкой» подачи информации, в отличие от стандартной жесткой подачи в официальных новостях. Данное явление распространено в таком жанре, как популярное информационно-развлекательное ток-шоу, позволяющее охватить широкие сегменты населения [13]. Также довольно популярным в СМИ становится такой прием, как «нейминг», который пришел из инструментария маркетологов. Например, понятие «Друзья Сирии», которым на Западе называют врагов президента Асада. Такой нейминг помогает создать позитивное отношение в сознании людей.

В рамках украинского конфликта большую популярность приобрела так называемая «риторика ненависти». В СМИ широко использовались понятия, резко очерняющие политического противника. С украинской стороны: «ватники», «сепаратисты», «колорады» и т. д. Российская сторона сделала акцент в сторону бандеровской и нацистской ориентации новой власти. Появились такие

понятия, как «укры», «бандерлоги», «майдауны», «каратели» и т. д.

Еще одним важным моментом информационной войны за Украину является создание мифов, ложные заявления в СМИ, или «фейки». Не раз украинские, а также западные журналисты бездоказательно заявляли о вторжении российской армии на украинскую территорию [14]. Причем каждая сторона стремится обвинить противника во лжи и тенденциозности.

Однако вышеописанные приемы лежат в области политической пропаганды, которая хорошо заметна, легко выявляема. Французский философ и социолог Жак Эллюль помимо политической выделил еще социологиче-

скую пропаганду [15]. Она считается более сложной и незаметной. Воздействие происходит через стиль жизни, нормы поведения, принятые в конкретном обществе, экономические и социологические факторы. Важным инструментом здесь являются социальные сети, которые во многом определяют облик населения. Об этом Ж. Эллюль задумался еще в 1965 году, сегодня, конечно же, о пропаганде никакой речи не идет. Этот термин стал почти ругательным, неприятным, считается уделом тоталитаризма. Ему на смену пришло много новых понятий — PR, медийное воздействие, реклама, маркетинг и многие другие. Однако цель их остается той же, что и во времена Холодной войны — контроль над умами.

Литература:

1. www.elkost.it, Умберто Эко. Баудолино. 2003
2. psyfactor.org, Г. Почепцов. Информационные войны: тенденции и пути развития
3. diggerhistory.info. The Crimean War: an overview
4. ru.wikipedia.org. Информационная война
5. Йозеф Геббельс. Дневники 1945 года. 1945
6. kara-murza.ru., С. Г. Кара-Мурза «Манипуляция сознанием». 2003
7. Arquilla, J., Ronfeldt D. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age
8. psyfactor.org., Р. Шафрански. Пер. В. Казеннов. Теория информационного оружия
9. Э. Тоффлер. Третья волна. The Third Wave. 1980
10. washingtonpost.com
11. Toffler, A. and H. War and anti-war. Survival at the dawn of the 21st century. — London, 1993
12. Luntz FI What Americans really want... really. The truth about our hopes, dreams, and fears. — New York, 2009
13. Baum MA Soft news goes to war. Public opinion and American foreign policy in the new media age. — Princeton — Oxford, 2003
14. lenta.ru. Минобороны РФ назвало фантазиями информацию о вторжении на Украину военной колонны. 2014
15. Ellul, J. Propaganda. The formation of men's attitudes. — New York, 1973

СОЦИОЛОГИЯ

Адаптация выпускников вузов при выходе на рынок труда. Основные проблемы

Арискин Максим Васильевич, кандидат технических наук, доцент;

Медведева Линара Марсовна, специалист по УМР;

Немова Екатерина Юрьевна, магистрант

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства.

Сегодня при устройстве на работу важным качеством претендентов на вакансию является стрессоустойчивость. В связи с чем актуальность приобретают исследования проблем трудовой среды. С профессиональным стрессом сталкиваются не только специалисты, уже работающие, но и молодые специалисты, только начинающие свою карьеру.

Адаптация можно рассматривать как процесс постепенного взаимного приспособления специалиста и предприятия-работодателя в новых профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях труда [3].

В современных социальных условиях практически каждый второй выпускник вуза сталкивается с серьезными проблемами при трудоустройстве и поэтому многие из них часто вынуждены работать не по специальности. Сегодня многие работодатели выделяют несоответствие качества вузовской подготовки молодых специалистов требованиям практической трудовой деятельности. Выпускник вуза обладает положительными деловыми качествами в профессиональной деятельности. Он энергичен, инициативен, общителен, исполнитель, легко осваивает новые знания, имеет разносторонние интересы, активен, имеет стремление к профессиональному росту. Но работодатели среди положительных качеств выпускников отмечают и отрицательные. Среди них выступают: неопытность в практической деятельности, завышенные амбиции по отношению к карьерному росту, ожидания высокой по размеру заработной платы, неопытность, завышенная самооценка, отсутствие умения работать в команде [5]. Молодой специалист от работодателя ждет больших возможностей в построении своей карьеры, ожидает сразу получать высокие доходы и хочет повысить свою профессиональную подготовку. Работодатели же от выпускников вузов ожидают такие качества как: целеустремленность, умение работать в команде, сильную профессиональную подготовку. Несовпадение взаимных ожиданий работодателей и молодых специалистов способствует появлению

стресса у молодых специалистов, только начинающих свой профессиональный путь и затрудняет трудовую адаптацию. [4].

Таким образом, можно выделить самые острые проблемы адаптации молодых специалистов: несовпадение теоретической подготовки молодых специалистов с реальной трудовой деятельностью, отсутствие или же недостаточный опыт работы выпускников.

Решению проблем адаптации должна способствовать структура по трудоустройству студентов выпускников вузов, созданная в последнее время во многих высших учебных заведениях страны. Так при Пензенском государственном университете архитектуры и строительства уже более 20 лет успешно действует Центр практики студентов и трудоустройства выпускников (далее Центр).

Центр реализует целый комплекс действий, направленных на решение проблем выпускников в отношении трудовой деятельности. Сотрудники информируют студентов и выпускников со следующими аспектами трудоустройства:

- с требованиями о профессионально важных качествах по каждой специальности,
- с основами нормативно-правового регулирования трудоустройства;
- с технологиями эффективного трудоустройства;
- с видами адаптации на предприятии;
- с основами делового общения, с принципами самопрезентации, способами решения конфликтных ситуаций в условиях рабочего коллектива.

Исследования адаптации профессиональной деятельности выпускников выявляют такие проблемы как, недостаточный уровень знаний о самоопределении, техниках самоподачи, формах успешного трудоустройства. Центр осуществляет работу по организации практик студентов и содействию выпускникам в трудоустройстве. Для решения рассматриваемой проблемы Центр предлагает действие с двух направлений. С одной стороны, университет должен проводить организационную работу по подготовке

выпускников к успешному построению карьеры. С другой стороны, предприятия-работодатели должны индивидуально оценивать профессиональные и личностные качества соискателей с опытом работы и без него.

Центр ПГУАС реализует комплекс задач по решению проблем адаптации молодых специалистов к трудовой деятельности [1,2]. Мероприятия Центра:

— обеспечение содействия профессиональной адаптации и практической подготовки студентов к реальным условиям трудовой среды, начиная с младших курсов (путем успешной организации практик);

— мониторинг потребностей рынка труда (для отслеживания данных о востребованных специальностях);

— создание долгосрочных отношений сотрудничества университета с базовыми предприятиями-работодателями (заключение договоров на практику студентов и трудоустройство выпускников);

— организация тренингов и мастер-классов, направленных, на формирование навыков успешного трудоустройства, самопрезентации, составления резюме и пр.

Литература:

1. Болдырев, С.А. Инновационный подход к проведению производственных практик/Болдырев С.А., Арискин М.В., Медведева Л.М. // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. — 2014. — № 7.
2. Болдырев, С.А. Проблемы организации производственной практики студентов/Болдырев С.А., Арискин М.В., Медведева Л.М. // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. — 2014. — № 10.
3. Вражнова, М. Проблемы адаптации молодых специалистов в условиях «вуз — производство» // Высшее образование. — 2007. — № 5. — с. 47–52.
4. Зеер, Э.Ф. Профорориентология: теория и практика: учеб. пособие для высшей школы/Павлова А.М., Садовникова Н.О. // М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. — с. 122–130, 124–130.
5. Кирьянова, Е.Н. Стресс в профессиональной деятельности // Управление персоналом. — 1997. — № 2. — с. 42–50.

Молодая семья как объект социальной работы

Ижаева Джулдуз Сагитовна, студент

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

Семья — это малая социально-психологическая группа, основанная на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, нравственной ответственностью. Одновременно — это социальный институт, удовлетворяющий потребности общества в воспроизводстве населения, организации учебно-воспитательной работы, реализации общественного потребления, передачи культурного наследия и др. Так как семья — органическое единство, составляющее сложную систему структурных элементов и функциональных взаимодействий, невозможно исследовать, или описать её каким-либо одним способом,

Итак, можно выделить основные направления для решения проблем адаптации выпускников к трудовой деятельности. Во-первых, выпускники вузов к окончанию вуза должны стремиться иметь сильную профессиональную подготовку, уметь применять на практике полученные теоретические знания и умения, быть целеустремленными, активными, инициативными, заинтересованными в успешном построении карьеры, учиться работать в команде, адекватно оценивать себя и свои перспективы. Во-вторых, структурам вуза по трудоустройству необходимо продолжать активную работу по содействию трудоустройству студентам (чтобы они приобретали опыт работы) и выпускникам, обучать их технике успешного трудоустройства. В-третьих, работодатели должны иметь индивидуальный подход к кандидатам с опытом работы и без него, а также учитывать, что специалисты, не имеющие опыта в целом также перспективны, они обладают более высокой активностью, работоспособностью, исполнительностью и заинтересованностью по сравнению со специалистами, имеющими большой стаж работы.

или воздействовать на одно обособленное звено. В настоящее время «Семья», как малая социально-психологическая группа и особый социальный институт, подвержены серьезным изменениям и модернизации. Трансформируется ее структура, усложнились функции, видоизменилась типология, усилились деструктивные процессы, появились новые ориентации и мотивы заключения брака, формируется современная семейная политика.

Актуальность темы, выбранной для исследования, обуславливается глубоким демографическим кризисом, в котором в последние десятилетия пребывает Россия, а также значимостью для нашей страны образования как можно

большого количества здоровых, полноценных семей. Сложность развития и закрепления молодой семьи в настоящее время усугубляется мировым финансовым кризисом, который затронул и Россию.

В этих условиях значимость социальной защиты и поддержки молодых семей имеет особую значимость и приоритет. Сочетание внешних по отношению к семье социально-экономических трудностей в нашей стране и общемировых, институциональных, собственно семейных проблем ставят российскую семью в столь сложные условия, что собственных защитных сил ее оказывается недостаточно. Интересы государства и общества, потребности социального самочувствия индивидов требуют внедрения устойчивой и стабильной системы социальной помощи семье.

В категории семей, нуждающихся в особой помощи, на первое место выдвигается молодая семья. Потребовалось немало усилий и времени, чтобы в современном обществе утвердился сам термин «молодая семья». Это не означает, что сформировался какой-то особый тип семьи. Ее проблемы входят составной частью в круг проблем современной семьи. Поэтому отношение к молодой семье определяется той социальной политикой, которая проводится в отношении института семьи в целом.

Вместе с тем нельзя не учитывать особого значения и особой функции молодой семьи в жизни общества. Это необходимо видеть и понимать при определении ее инновационного потенциала, стиля жизни и деятельности.

Молодая семья — одна из самых незащищенных групп населения. Высокий процент молодых браков — следствие наступившей беременности или даже рождения ребенка. Среди молодежи «бытует» искаженное представление о браке, семье. В ряду приобретенных жизненных ценностей на первое место молодежь относит отношения в семье, удовлетворенность в любви; ценность брака молодые также определяют наличием детей.

Молодая семья — это рождающая семья. У нашего народа довольно устойчивы представления о всеобщности семейного предназначения каждого человека, а семья мыслится обязательно семьей с детьми. Одного ребенка производит на свет почти каждая семья, где родители по состоянию здоровья к этому способны. И, чаще всего, ребенок появляется на свет впервые годы брака. Пользоваться средствами планирования семьи супруги начинают, как правило, после его рождения, в случае же, если у них есть установка на семью с более чем одним ребенком, и если с первым малышом всё прошло благополучно, в первые же пять лет на свет появляется второй ребенок, хотя только у половины семей.

Многочисленные исследования социологов, психологов, педагогов говорят о том, что стабильная семья может быть создана при определенной готовности молодых людей к семейной жизни. Понятие «готовность к семейной жизни» включает в себя социально нравственную, мотивационную, психологическую и педагогическую готовность.

Социально-нравственная готовность к семейной жизни предполагает гражданскую зрелость (возраст, среднее образование, профессия, уровень нравственного сознания), экономическую самостоятельность, здоровье. Создать семью можно в 18 лет, но наиболее благоприятный с медицинской точки зрения возраст вступления в брак — 20–22 года для девушек и 23–28 для юношей (здесь учитывается тот факт, что мужской организм достигает полной зрелости позже женского). При изучении успешных и неуспешных браков (к успешным относятся те, где оба супруга удовлетворены своими отношениями и считают свой брак прочным) выяснилось, что в группе успешных семей только 43% женщин вступили в брак до 21 года, а неуспешных 69%.

Уровень нравственного сознания молодых людей — одно из важных условий готовности к созданию семьи. Развитое нравственное сознание проявляется в понимании молодежью социальной значимости семьи, в серьезном отношении к браку, в продуманном выборе спутника жизни, в чувстве ответственности за создаваемую семью, в глубоком уважении к будущему мужу (жене), к представителям старшего поколения, к другим членам семьи, в чуткости, а также в общении с ними.

Мотивационная готовность к семейной жизни включает в себя любовь как основной мотив создания семьи, готовность к самостоятельности, чувство ответственности за создаваемую семью, готовность к рождению и воспитанию детей. Известно, что большинство людей создают семью по любви. Таких семей, по данным социологов, примерно 70–75%. Без сильного чувства, без сердечного влечения, по рассудку создают семью 15–20% молодоженов. Около 5–10% создают семью по материальным соображениям.

Содержанием социальной работы является содействие функционированию индивида, семьи или группы, того или иного социального слоя, проблемной категории населения. Социальные проблемы проявляются в семье достаточно многосторонне. В значительной степени основные трудности и потребность в профессиональной помощи семьи зависят от ее типа. К числу проблемных относятся молодые семьи, социальная работа с которыми осуществляется в основном системами социальной защиты молодежи. Поэтому остановимся на этом вопросе подробнее.

В Федеральном законе «Об основах социального обслуживания населения РФ» комплексная система социального обслуживания населения, включая молодежь, предусматривает предоставление социально-экономических, медико-социальных, психологических, социально-бытовых, правовых и иных социальных услуг гражданам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации (многодетные, неполные семьи, семьи, в которых проживают инвалиды, одинокие и пожилые люди, дети-сироты, безработные, лица без определенного места жительства, выпускники детских домов и ряд других).

В настоящее время перед молодыми семьями стоит ряд острых проблем, главными из которых можно считать проблему жилья, трудоустройства, а также различные пси-

хологические проблемы, рассматривать которые необходимо с позиции не только настоящего, но и будущего во всех сферах жизнедеятельности общества. Решить их можно лишь с помощью государственных программ и проектов. Также необходимо создавать в городах управления социальной защиты по делам семьи и молодежи, информационные центры «Семья», «Молодая семья», направленные на подготовку к семейной жизни, юридическую консультацию, психологическую службу помощи для молодых семей и телефоны доверия. Правительство РФ выпустило постановление, по которому в городах, где

численность населения более 50 тыс. человек, необходимо создавать центры «Семья». Но, к сожалению, далеко не везде это выполняется. Все эти проблемы необходимо решать незамедлительно, ведь именно молодая семья является будущим и надеждой России. Стабильная благополучная семья может функционировать только при определенной подготовке молодых людей к совместной семейной жизни. Решение возникающих в молодой семье социальных проблем не может быть реализовано без организации социальной работы и разворачивания деятельности социальных служб для молодежи.

Литература:

1. Молодая семья: проблемы и перспективы социальной поддержки // под общей редакцией Е.В. Жижко, С.Д. Чигановой. — Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. — 300 с.
2. Юркевич, Н.Г., Красовский А.С., Бурова С. Н и др. Этика и психология семейной жизни: Кн. для учителя. — Мн.: Нар. асвета, 1999.—224 с.
3. Гребенников, И. В. Основы семейной жизни. М.: Просвещение 2002.—78 с.
4. Федеральный закон от 24.04.2008 N 48-ФЗ (ред. от 18.07.2009) «Об опеке и попечительстве» //СПС Консультант Плюс.
5. Концепция государственной политики в отношении молодой семьи. Сайт министерства образования и науки [Электронный ресурс]. Режим
6. Социальная помощь в жилищной сфере 21.08.2009 07:53// <http://www.ranj.ru/index>.

Озабоченность населения экологической обстановкой в связи с развитием особой экономической зоны промышленно-производственного типа «Алабуга»

Калашникова Галина Витальевна, кандидат социологических наук;
Харитоновна Виктория Зуфаровна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, филиал в г. Елабуга

Ключевые слова: экологические проблемы; городская инфраструктура; общественное мнение.

Общество находится в постоянной динамике и изменению подвержены различные сферы его деятельности. Меняются так же и его ценности, общие жизненные ориентиры, происходят сдвиги в общественном сознании, которые находятся в прямой зависимости от условий жизни и ценностных ориентаций, как государства, так и самого человека.

В результате усложнения взаимоотношений между человеком и природой, влияния научно-технического прогресса, увеличения количества населения и потребляемых ими ресурсов стали назревать проблемы, касающиеся экологической сферы общества. Люди стали принимать приближающиеся экологические катастрофы как будущие реалии.

В свою очередь, ухудшение состояния окружающей среды, увеличение количества экологических проблем, в особенности загрязнение природной среды отработанными продуктами промышленного и сельского производ-

ства, явились причиной возрастания озабоченности населения городов экологической обстановкой.

Современные производства привели к образованию огромного количества отходов, которые утилизируются не полностью и часть которых выбрасывается в окружающую среду. Промышленность является источником выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и сбросов сточных вод, что предполагает экологическую нагрузку на окружающую природную среду.

Данная проблема касается, в первую очередь, городской инфраструктуры, где сосредоточен промышленный потенциал.

Рост объемов промышленного производства обуславливает тенденцию роста выбросов таких загрязняющих веществ, как углеводороды, диоксид серы, оксид углерода, о чем свидетельствуют данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [1].

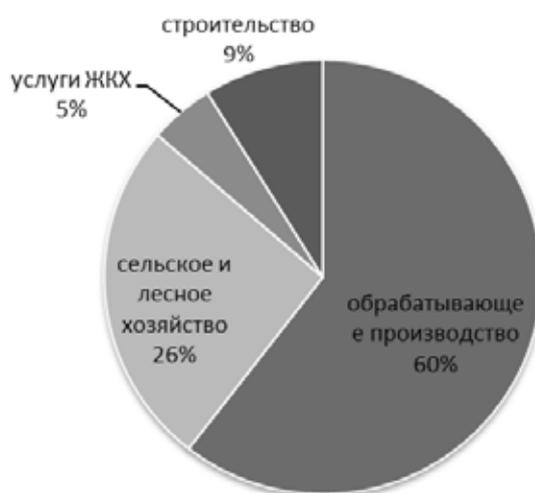

Рис. 1. Процентное сравнение отходов по Республике Татарстан за 2013 г. по разным отраслям производства

Увеличение числа промышленных и коммунально-бытовых объектов привело к ухудшению состояния источников потребляемой воды.

В 2013 г. из общего объема сточных вод, сброшенных в поверхностные водные объекты Республики Татарстан, наибольшие объемы отведены предприятиями следующих отраслей: коммунальной — 58%, энергетики (в т.ч. теплоэнергетики) — 20%, химической (в т.ч. нефтехимической) — 19% [3].

По данным Управления Росприроднадзора по Республике Татарстан, в 2013 году образовалось 3602,055 тыс. т. отходов [1]. Доли их распределения по отраслям производства представлены на рисунке 1:

Происходит также увеличение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух. По Татарстану в основном от предприятий топливной, строительной и машиностроительной отраслей (табл. 1).

Согласно данным Министерства экологии природных ресурсов Республики Татарстан на 33 предприятиях дей-

ствует 2181 стационарных источников выброса загрязняющих веществ [2], при этом, динамика выбросов большинством крупнейших предприятий Татарстана в период 2006–2013 гг. имеет тенденцию к росту. К ним относятся, например, такие предприятия, как ОАО «Татнефть», ОАО «ТАНЕКО», Казанское ОАО «Органический синтез», ОАО «Нижнекамскнефтехим» и др. [1].

В Елабужском муниципальном районе за 2013 год общий выброс загрязняющих веществ, поступивший в атмосферу, составил 10375 тыс. т., что на 789 тыс. т. больше относительно 2012 года (рис. 2):

Основным промышленным комплексом Елабужского муниципального района является Особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Алабуга» (далее ОЭЗ ППТ «Алабуга»). Она создана в соответствии с Постановлением № 782 Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 года [3]. «ОЭЗ ППТ «Алабуга» насчитывает на 1 января 2015 год 42 компании (к 2023 году планируется 120 компаний резидентов),

Таблица 1. Сведения о массе выбросов, поступающих в атмосферу от промышленных предприятий основных отраслей РТ, тыс. т [1]

Промышленная отрасль	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Топливая	139,338	144,306	153,358	159,664	174,408
Теплоэнергетическая	41,846	34,648	38,660	36,798	32,377
Химическая и нефтехимическая	43,992	41,130	41,656	41,534	39,413
Машиностроительная	9,388	14,786	12,769	13,181	12,454
Строительная	8,243	6,324	7,500	12,531	12,716
Сельское хозяйство	2,767	3,312	3,676	5,233	4,804
Лесная и деревообрабатывающая	0,644	1,118	1,426	0,987	1,339
Транспорт и связь	2,652	3,124	3,539	3,337	3,275
ЖКХ	5,687	1,581	2,705	3,381	3,870
Пищевая	5,940	6,532	6,006	3,902	3,611
Легкая промышленность	0,249	0,117	0,086	0,098	0,104
Прочие	2,026	5,823	6,474	7,476	9,731
Итого	262,773	262,801	277,855	288,119	298,102

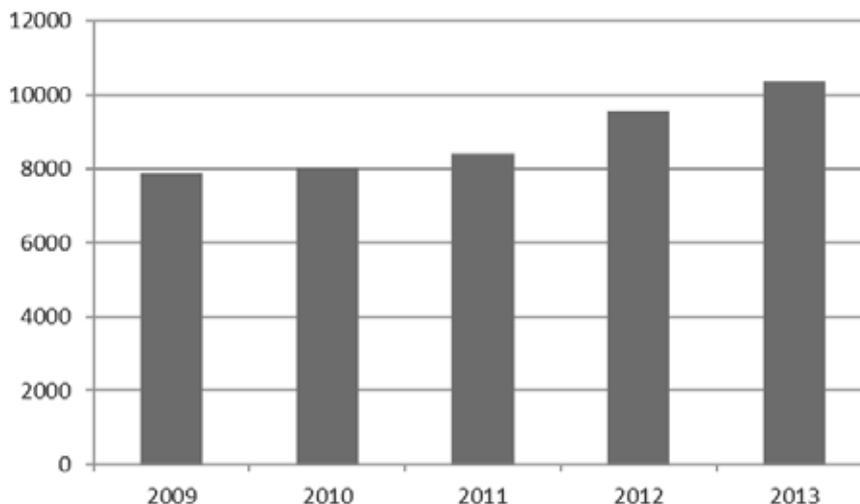

Рис. 2. Объемы выбросов загрязняющих веществ по Елабужскому муниципальному району [1]

из которых 14 уже действуют, а остальные находятся на стадии проектирования или строительства [4].

Интенсивное строительство и работа такого крупного промышленного комплекса явно не могло не отразиться на мнении населения об экологическом состоянии окружающей среды города Елабуга.

В связи с развитием ОЭЗ ППТ «Алабуга» встал вопрос о том, насколько жителей беспокоит экологическая ситуация в городе. В рамках подготовки данной статьи проведен специальный опрос среди взрослого населения Елабуги. Всего опрошено 100 человек, выборка нерепрезентативная, но дает возможность показать обеспокоенность елабужан экологической обстановкой в связи с развитием особой экономической зоны на территории их проживания.

Результаты опроса показали, что более половины респондентов (60%) оценивают экологическую ситуацию в городе как удовлетворительную. 70% из их числа выразили свою оценку исходя из собственных наблюдений; 20% на основании новостных лент СМИ и лишь 10% сослались на статистические данные, приводимые на официальных сайтах.

По степени важности и актуальности экологические проблемы, по мнению жителей города, расположились следующим образом: на первом месте указана проблема загрязнения атмосферного воздуха, ее выбрали 90% участников опроса; на втором — качество питьевой воды (70%); далее — токсичные отходы и проблема их утилизации (50%). Чуть менее актуальными указаны такие проблемы, как наличие зеленых насаждений и общее благоустройство территории (40%); увеличение автотранспорта (20%). Высокий уровень шума, радиация, электромагнитное излучение не были выделены в ранг актуальных проблем города.

Из перечисленных выше проблем расширение промышленной инфраструктуры беспокоит около 85% опрошенных, из числа которых 71% считают ОЭЗ ППТ «Алабуга» причиной ухудшения экологической обстановки города в целом, так как рассматривают ее источником вы-

бросов веществ, загрязняющих среду, и, как следствие, фактором, влияющим на здоровье населения.

60% участвующих в опросе елабужан в качестве основных источников опасности для здоровья населения, наравне с выхлопными газами от автотранспорта, назвали вредные выбросы от промышленных предприятий ОЭЗ ППТ «Алабуга». Ровно половина опрошенных указали на несанкционированный сброс отходов и увеличивающееся количество свалок. 20% сочли менее вредными, но не менее опасными источниками электромагнитного и радиоактивного излучения. Никто не выделил в число особо опасных продукты жизнедеятельности организмов и источники шумового загрязнения.

К сведению, ОАО «ОЭЗ ППТ «Алабуга» специализируется на выпуске продукции химических, пищевых, текстильных отраслей, на производстве стройматериалов, машин. Кроме этого, резидентами особой экономической зоны стали два экологических предприятия по переработке отходов: завод по переработке изношенных шин ООО «ЭкоТехнологии Алабуга» (предприятие находится на стадии проектирования) и ООО «Сария био-индастрис Волга», занимающаяся переработкой отходов животного происхождения с целью получения кормовой муки и животных жиров [4].

Однако, абсолютное большинство (90%) опрошенных не осведомлены о том, какие именно предприятия являются резидентами и на чем специализируется производство данной особой экономической зоны.

Стоит отметить, что резиденты экономической зоны должны соблюдать положения регламента, в состав которого входят требования об обеспечении экологической безопасности [4]. Нами был изучен официальный ОАО «ОЭЗ ППТ «Алабуга», где, к сожалению, нет каких-либо сведений по охране природы, использованию природных ресурсов, производственного контроля и экологии.

Таким образом, анализ статистических данных позволяет указывать на прямую связь между увеличением ко-

личества загрязняющих веществ и увеличением промышленного потенциала города, что позволяет делать вывод об ухудшении состояния окружающей среды в результате деятельности промышленной структуры. Отсутствие данных о мероприятиях, направленных на со-

хранение окружающей среды на официальных сайтах ведет к недостатку информации по изучаемому вопросу, что негативно отражается на мнении населения и увеличивает его беспокойство в области экологической обстановки.

Литература:

1. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды РТ в 2013 году / ред. коллегия Абдуллина А. Р., Бережная Н. А., Богатырев С. А. и др. — Казань, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://eco.tatarstan.ru>
2. Аналитическая информация Министерства экологии и природных ресурсов Республики Татарстан по Елабужскому муниципальному району за 2012 г. — 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://eco.tatarstan.ru>
3. Россия. Особые Экономические Зоны. — 2007—2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.russez.ru>
4. Special economic zone Alabuga. — 2012—2015 [Электронный ресурс] URL: <http://alabuga.ru>

Управленческая культура: понятие, сущность, основные черты

Павлова Елена Владимировна, аспирант
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Анализируется содержание понятия управленческая культура на индивидуально-личностном и организационном уровнях. Раскрываются основные компоненты управленческой культуры руководителя. Дается характеристика структуры управленческой культуры организации.

Ключевые слова: управленческая культура, управление, культура.

Управление присутствует на всех этапах человеческой истории как одна из важнейших форм организации и координации человеческого опыта, его социализации. Очевидно, что управление в наиболее развитом, глубоком и содержательном смысле — социальный феномен и как любой социальный процесс, имеет культурное содержание [1, с. 8]. Именно культура оказывает непосредственное воздействие на все сферы деятельности организации, в том числе и на управление. «Использование достижений мировой культуры и ее национального своеобразия, ориентация на Истину, Добро и Красоту, духовность и общечеловеческие ценности становятся характеристиками самих организаций, факторами управления ими» [1, с. 11]. Возрастание роли культурного фактора в управлении одно из важнейших требований современной ситуации. Культура управления как своеобразный индикатор, свидетельствующий о степени цивилизованности отношений в обществе. Ее состояние немаловажно для диагноза самого общества, поскольку прогресс человечества видится в усилении роли культуры в детерминации человеческой жизнедеятельности.

В литературе существует множество определений понятия управленческая культура, что свидетельствует о его сложности и многоаспектности.

С позиции социально-философского и философско-антропологического подходов культурный фактор определяет общественное сознание и способы передачи опыта

в обществе, а развитие культуры содействовало формированию культурного фактора в управлении, который является частью общей культуры [9, с. 16—17].

В связи с этим Н. В. Лизина на первое место ставит бытие культуры, включающее в себя все аспекты человеческой предметной деятельности и, следовательно, бытие управления выступает разновидностью культуротворчества. Однако, вместе с тем исследователь употребляет понятие культуры как качественный показатель управленческой деятельности, рассматривая культуру в другом более узком смысле, как уровень умения и владения навыками управленческой деятельности.

Культура социального управления с точки зрения автора — это «совокупность ценностей, установок, убеждений, ориентацией и выражающих их символов, способов воздействия и служит упорядочению управленческого опыта, регулированию поведения всех членов общества» [6, с. 233].

В философско-антропологическом исследовании Л. А. Косторновой обоснована возможность сопоставления понятий «культура», «управление», «мудрость». Культивирование содержит в себе программу управления, трансформирования объекта, управление включает в себя процесс возделывания системы, т. е. культуру. Мудрость как основание в выборе разумной линии поведения, как «нравственно-делание», уравновешивающее сложные взаимоотношения человека с другими

людьми и миром, концентрирует в себе сущностное ядро управленческой культуры и связана с гуманизацией общественной жизни [3, с. 6].

В работах П. Милютина, В.В. Кузнецова, Е.Л. Кумунджиевой, А.П. Позднякова управленческая культура рассматривается применительно к субъекту управления, то есть к личности. Здесь управленческая культура представлена как часть профессиональной культуры и отражает степень усвоения культурного опыта человечества. Наибольшим содержанием и широтой отличается определение управленческой культуры, предложенное А.П. Поздняковым. Управленческая культура — это «интериоризированный социальный управленческий опыт», выраженный в управленческих знаниях; опыте осуществления различных видов управленческой деятельности, в том числе и творческой; а также опыт ценностного отношения в процессе управленческого взаимодействия, предполагающий знания о нормах отношения и навыки в соблюдении этих норм [10, с. 18].

В.В. Кузнецов рассматривая управленческую культуру руководителя как целостную динамическую систему, представляет ее в виде компонентов, характеризующих личность, общение и профессиональную деятельность. В качестве основных компонентов управленческой культуры выделены следующие:

1. Мировоззренческий компонент: убеждения, интересы, предпочтения, ориентации руководителя.
2. Аксиологический компонент заключается в ценностях управленческого труда руководителя.
3. Практический компонент управленческой культуры руководителя раскрывает характер их взаимодействия с подчиненными, методы, формы планирования, организации, мотивации, контроля, управленческие приемы и технологии, уровень владения информационными технологиями, документированием.
4. Творческий компонент тесно связан с практическим и выражается в способности руководителя нестандартно подходить к вопросам планирования, организации, мотивации и контроля.
5. Рефлексивно-проектировочный компонент проявляется в рефлексивно-мыслительной культуре руководителя, в самореализации его сущностных сил [4, с. 42–46]. В исследовании, проведенном Е.Л. Кумунджиевой управленческая культура, являясь социальным феноменом, специфическим проявлением общей культуры одновременно выступает как: специфический способ деятельности, профессиональное явление, интегративное динамичное свойство личности руководителя, мера и способ творческой самореализации личности в различных видах управленческой деятельности [5, с. 33].

Таким образом, управленческая культура является качественным показателем деятельности человека в системе взаимоотношений, определяемых специфической иерархией руководства и подчиненности. Высокий уровень управленческой культуры, являясь показателем профессионализма, вырабатывается в комплекс разнородных качеств и характеристик, сформировавшихся в процессе историче-

ского и социокультурного развития управленческой деятельности. Овладение управленческой культурой — сложный и длительный процесс, требующий не только существенных усилий, но и определенных задатков у человека [7, с. 92].

Культура управления выступает основой жизни и развития организации. Поэтому большинство исследователей изучают именно управленческую культуру организаций.

Так, например, М.А. Васьков дает следующее определение управленческой культуре организации — это «система, состоящая из ценностей и определяемых ими методов осуществления управленческой деятельности, выражающаяся в определенных функциях» [1, с. 68].

Управленческая культура имеет определенную структуру и может быть представлена на двух уровнях: «общем и функциональном». Общая структура содержит ментальные и социокультурные компоненты, включающие управленческие знания, управленческое мышление и этические нормы, а также социальные компоненты — это социальные связи и отношения между структурными подразделениями, межличностные отношения, стили управленческой деятельности, система коммуникации.

Функциональная структура включает формализованные нормы и ценности всех сотрудников организации, ценности и взгляды руководителя, неформальные ценности организации, иерархические и статусные позиции, обладатели которых входят в число лиц, обладающих правом принимать управленческие решения, систему поощрения и наказания, принятую в организации [11, с. 101].

Таким образом, под структурой понимается установленный в организации способ иерархических и управленческих групповых связей и взаимодействия сотрудников, занимающих в организации определенные социальные позиции, выполняющих заданные им социальные функции в соответствии с принятыми в организации нормами и правилами [1, с. 69].

А.Н. Митин обобщив различные исследования, понимает культуру управления следующим образом. «Культура управления — это совокупность развивающихся идей, взглядов, ценностей, мироощущений, а также методы и приемы управленческой деятельности, связанные с поиском и получением новых результатов, нормы поведения» [8, с. 18]. В данном определении отражены две стороны культуры управления: внутренняя, т.е. культура управленческого мышления и внешняя или культура управленческого действия или поведения.

Для понимания культуры управления необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, культура, как результат деятельности людей, представляет собой предметный и деятельный генотип общества, который задает индивидам и институтам определенные образцы мышления и поведения, а также предполагающий их способность к обучению, адаптации и, обеспечивающий возможность обновления объема и структуры «социальной памяти». Таким образом, культура хранит опыт множества формировавшихся ее поколений.

Во-вторых, культура проявляется в деятельности людей, которая воплощает усвоенные или вновь выработанные образцы культуры. Поэтому управленческую деятельность можно рассматривать как функцию той или иной комбинации культурных традиций. При этом формы и ценности культуры управления формируются как в организации, так и за ее пределами.

В-третьих, развитие культуры происходит по принципу естественного отбора, т.е. выживают те культурные традиции, взгляды, ценности, которые наилучшим образом обеспечивают жизненные цели общности [8, с. 18–19].

Итак, управленческая культура не существует ни вне человека, являясь частью личной, профессиональной культуры, ни вне трудового коллектива как социальной организации. Это производная от их взаимодействия в процессе совместной деятельности, но вместе с тем она оказывает на них влияние и трансформируется сама. Руководитель реализует через культуру свои способности, мировоззрение, социальные чувства, профессиональные умения. Подчиненный, воспринимая ценности управленческой культуры руководителя и организации, может изменять свою профессиональную культуру [11, с. 98].

Литература:

1. Васьков, М. А. Теоретико-методологические подходы к анализу управленческой культуры // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2010/Рос. акад. наук, Ин-т социологии; ред. кол.: М. К. Горшков (отв. ред.) и др. — М.: Новый хронограф, 2010. — с. 61–75.
2. Егоров, Ю. Л. Философия управления: монография/Ю. Л. Егоров; Моск. гос. ин-т электрон. техники (техн. ун-т), Ин-т экономики и упр. — Москва: МИЭТ, 2002. — 299 с.
3. Косторнова, Л. А. Культура управления как проблема философско-антропологического исследования: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: Спец. 09.00.13/Косторнова Л. А.; [Рост. гос. ун-т]. — Ростов н/Д: 2001. — 28 с.
4. Кузнецов, В. В. Управленческая культура руководителя: [управление в постиндустриальном обществе]: учебное пособие/В. В. Кузнецов, О. В. Орловская. — Москва: Эгвес, 2013. — 177 с.
5. Кумунджиева, Е. Л. Теоретический анализ педагогического тезауруса культуры управления // Вестник екатеринбургского института-2014. — № 3 (27), с. 30–34
6. Лизина, Н. В. Управленческая культура как качественный показатель управленческой деятельности // Ползуновский вестник — 2006.-№ 1, с. 231–234
7. Милютин П. В. Управленческая культура личности и факторы ее развития // Власть — 2007. — № 5, с. 90–92
8. Митин, А. Н. Культура управления: учеб. пособие/А. Н. Митин; Урал. акад. гос. службы. — Екатеринбург: 2000. — 526 с.
9. Плотникова, О. А. Управленческая культура в условиях модернизации российского общества: социально-философский подход/О. А. Плотникова — Пятигорск: Изд-во «Пятигорский гуманитарно-технологический ун-т», 2012. — 80 с.
10. Поздняков, А. П. Формирование управленческой культуры будущего специалиста социальной работы в ВУЗе: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра пед. наук: Спец. 13.00.08/Поздняков А. П.; [Рос. гос. социал. ун-т] — Тамбов: 2007. — 41 с.
11. Социология управления: учеб. пособие/А. В. Верещагина и др.; отв. ред. С. И. Самыгин. — Ростов н/Д: Феникс, 2014. — 318 с. — (Высшее образование).

Конструирование образов регионов: социологический ракурс изучения

Пантелеев Вадим Геннадьевич, аспирант
Южный федеральный университет

В статье проводится критический анализ научной социологической литературы по теме «образ региона», выявляются направления исследований, теоретические результаты и исследовательские лакуны.

Ключевые слова: образ региона, регион, СМИ, элементы образа региона.

В современной социологии возрос интерес к проблеме конструирования образов регионов (впрочем, и конструирования социальной реальности во всем ее многообразии [5]), поскольку, с одной стороны, российское обще-

ство обладает таким свойством как резкая региональная дифференциация, что порождает самые различные возможности и основания для конструирования образов регионов, с другой стороны, в процесс конструирования

образов регионов более интенсивно включаются новые конструирующие субъекты — представители региональной власти, для которых все более очевидным является осознание того, что соответствующе сконструированный образ региона приносит дивиденды в его конкуренции с другими регионами за различные ресурсы, с третьей стороны, к традиционным конструирующим субъектам (печатные и телевизионные средства массовой информации, институты образования и т.д.) подключаются разнообразные субъекты, расположенные в пространстве сети Интернет, что дает дополнительные вводные для конструирования и поднимает «вопрос о роли этих технологий в виртуализации социального пространства» [7, с. 19], наконец, принято считать, что позитивный образ региона обеспечивает региональному социуму будущее, т.к. привлекает в регион инвестиции и дает возможности для формирования позитивных установок населения региона относительно собственного места течения жизни, т.е. понижает вероятность миграционных стратегий, в том числе и тех индивидов, чьи таланты, квалификация и навыки были бы полезны для регионального социума. Т.о. осознается насущная необходимость целенаправленного конструирования образов регионов, а также, поскольку сам по себе, стихийно позитивный образ региона складывается достаточно редко; любая телеологически нагруженная конструкция подразумевает необходимость предварительного создания модели искомого результата, т.е. предварительной разработки с учетом всех тех факторов, на которые можно повлиять.

Но, не смотря на возросший интерес, каковой можно констатировать по количеству вышедших работ за последние пять лет, все же работ таких немного, что позволяет утверждать о наличии перспективной для научного исследования области социальной реальности и перспективе достраивания некоторых блоков в системе социологического знания. Как было уже сказано, работ по таковой теме имеется мало, не говоря уже социологических диссертационных исследованиях, кои попросту отсутствуют, также отсутствуют специальные работы, в которых бы проводился анализ существующих работ по данной тематике с раскрытием исследовательских сюжетных линий, полученных результатов и осуществлением конструктивной критики... Т.о. в данной работе будет осуществлен критический анализ социологической литературы по теме «образ региона» за последние пять лет. Следует подчеркнуть, что отбирались работы, в коих имеется заявка именно на изучение образа региона, а не имиджа региона, поскольку эти понятия должны иметь различные дефиниции, т.е. необходимо разграничение этих понятий. Убежденность в таковой необходимости и послужила критерием для селекции работ. Разумеется, соответствующую демаркацию необходимо проводить в рамках специально посвященной этой процедуре работе.

Итак, имеющиеся исследования образов региона представляется возможным предварительно каталогизировать по следующим типам: исследования конструирующей дея-

тельности образов регионов в средствах массовой информации (как традиционных, так и электронных), исследования образов регионов сконструированных в сознании населения регионов, исследования сконструированных образов регионов, каковые являются маркером цивилизационной принадлежности, в сознании социальных групп, наконец, исследования, раскрывающие возможные сюжеты изучения образов региона в социологии. В первых трех случаях таковые исследовательские ракурсы являются производными схемы, при которой имеются акторы, действия и деятельность которых направлены на конструирование образов регионов, таковыми акторами являются различные группы агентов, представителей поля определенных профессий (разумеется, далеко не только журналисты); затем имеются инструменты, с помощью которых осуществляются конструирующие усилия, кои имеются в распоряжении у представителей этих профессиональных групп; далее, имеется некий продукт этих конструирующих усилий, который оказывает необходимое влияние по конструированию образов регионов в сознании целевых групп (в средствах массовой информации — это информационное поле, выраженное в соответствующих информационных сообщениях, для сферы образования — это образовательное пространство, создаваемое на учебных занятиях и т.д.); наконец, имеются целевые группы, в сознании которых эти региональные образы конструируются (такими могут быть самые разнообразные социальные группы, здесь присутствуют по отношению к региону ин-группы и экзо-группы, далее возможны самые широкие основания для дифференциации, но опять-таки, важно учитывать целевую направленность формирующего региональный образ института, его специфику). В этой цепи конструирования образов регионов также имеется место для таких агентов, которые сами непосредственно могут не принимать участия в конструировании, но являющиеся заинтересованными в такой деятельности. Таковые обозначаются в качестве заказчиков, эти заказчики могут быть представителями властных региональных структур, представителями крупного предпринимательства (а возможны и представители региональных социумов, кои являются непосредственными конкурентами региона, образ коего конструируется, поскольку телеологически нагруженные конструкции образов региона могут быть и негативными). Уже можно заключить, даже не вдаваясь в подробности, что нет исследований социологических исследований, охватывающих этот процесс конструирования целостно, всегда речь идет о фокусировании на отдельных этапах процесса конструирования образов регионов. Естественно, что образ сам по себе социологию не интересует, всегда подразумеваются определенные социальные группы.

Исследования образов регионов в средствах массовой информации подразделяются на исследования традиционных СМИ и сети Интернет. Исследования образов регионов в традиционных СМИ имеют объектом печатные издания федерального значения, что означает предна-

значение конструируемого образа для внешних по отношению к региону целевых групп (это конечно не означает, что федеральные СМИ не охватывают и внутренние региональные группы). Здесь изучается конструирующая активность представителей журналистской профессии, причем по характеристикам конечного продукта этой деятельности изучаются, с одной стороны, способы конструирования образов регионов, которые обозначаются как имиджевые стратегии, а с другой, наличие организующей воли региональных элит, которые являются заказчиками определенного образа (Богатова О.В.) [1]. Исследования образов регионов в сети Интернет сопряжены деятельностью представителей властных структур региона по конструированию образов в Интернет-пространстве, определению характеристик данного пространства, которые должны учитываться при конструировании, конкретных практик по конструированию образов регионов в сети Интернет с применением различного рода новостных ресурсов и официальных сайтов региональных структур (Ратникова А.И.) [9].

Исследования образов регионов в сознании населения данных регионов подразделяются в ракурсе сплошного изучения населения региона и в ракурсе дифференциации населения региона по реальным характеристикам. Т. о. в рамках данных исследований изучается образ, сформированный в сознании населения. Исследуется образ, сформированный в пределах регионального социума, и этот образ имеет ресурсное значение для формирования бренда региона, в частности, его конкретная структура, в коей отражаются разнообразные объекты региона, маркирующие его отличительные особенности по отношению к другим регионам (объекты природы, инфраструктуры, памятники культурно-исторического значения и пр.), изучение зависимости от характера образа эмоциональных и оценочных компонент восприятия региона его населением (Богатова О.В., Чиркова О.Н.) [2]. Более дифференцированное изучение населения региона, акцентирующего при этом внимание на реальных характеристиках этих групп, которые обозначаются в качестве локальных сообществ, главным и основным критерием по выделению которых является польза, которую получают представители данной группы от региона проживания. В конечном счете, важной является конечная структура образа региона в сознании этих групп (Щербак И.В.) [10].

Далее, имеются исследования образов регионов, которые являю собой маркеры цивилизационной принадлежности (т.е. Запад/Восток) в сознании определенных социальных групп. Т. о. здесь ракурс исследовательский смещается с образа региона как реального регионального социума, очерченного территориальными границами, на образ региона, который предстает как некий ментальный конструкт. Речь идет здесь об образе региона, за которым скрывается не реальная территория, а фундаментальные системы ценностей, маркирующие определенный тип цивилизации. Но здесь и образ изменяется вместе ракурсом исследований — под образом региона

подразумевается стереотипное восприятие, которое конструируется разнообразными агентами. Это подразумевает оценку воспринимаемого объекта, но можно ли говорить в данном случае об изучении сконструированного образа? (Гузенина С.В.) [3; 4]

Наконец, исследование, обрисовывающее возможные сюжеты социологических исследований образов регионов. Данные исследования отличаются характером проблемно-постановочным, но от данной работы отличаются тем, что чаще исследователи обращаются к работам по данной тематике в сфере культурологи направления «гуманитарная география», чем к работам социологов, но выделяемые исследовательские поля в рамках данной тематики является ценным для социологии. Речь здесь идет о медийных образах регионов, т.е. таких, которые формируются в средствах массовой информации. Здесь исследуются характеристики образов региона в СМИ, выражающиеся в соотношении информационных сообщений позитивного/негативного характера, уровнем СМИ, в коих конструируются образы регионов, утверждение в информационных сообщениях специфики региона, т.е. предмет изучения — пространственная повестка дня. Затем применительно к этой повестке — изучение всевозможных связей и взаимосвязей, как внутри изучаемого региона, так и вне его — связи с другими регионами, федеральным центром, зарубежные связи региона, — и из этого следует необходимость изучения медийных образов регионов в средствах массовой информации региональных, федеральных, зарубежных. Наконец, в этих исследованиях, увязывая медийные образы регионов с различными социальными группами, уделяется внимание такому явлению как «чувство места», присущее различным группам населения данного региона и кое обусловлено самыми разнообразными основаниями: от социальных до формирующих образ жизни. Т. о. изучаются вопросы влияния медийных образов регионов на «чувство места» различных социальных групп (Ним Е.Г.) [8].

Касаемо вопроса «как изучались вопросы», можно говорить лишь по тем ракурсам, что обозначают в качестве исследовательских выставляют указанные исследователи, по тем методам, что он применяют для получения эмпирической информации. Так, в исследованиях образов регионов в средствах массовой информации речь идет о том, что эти образы являются продуктом конструирующей деятельности различных акторов (будь то цех журналистов или представителей региональной власти), а это означает, что некий фрагмент социальной реальности (а в том, что образы регионов являются таковыми сомнений быть не может) конструируется (целенаправленно или спонтанно) и посредством этого формируется социальная реальность в сознании целевых групп, а значит эту группу исследований можно отнести к неклассической метапарадигме (Богатова О.В., Ратникова А.И.) [6]. Вторая группа исследований, в коих изучаются образы регионов в сознании различных социальных групп, включая сюда и исследования образов Запада и Востока, подразумева-

ется, что эти образы формируются какими-либо акторами, т. е. это означает, что индивиды испытывают на своем сознании влияющее воздействие, в результате которого у них и формируются соответствующие образы регионов, что означает констатацию зависимости индивидов от надиндивидуальными социальными структурами, пусть даже за ними стоят другие индивиды, а значит данные авторы работают в классической метапарадигме (Богатова О. В., Чиркова О. Н., Гузенина С. В.) [6]. Наконец в исследованиях, посвященных разметке возможных исследовательских горизонтов в силу того, что исследователи используют результаты исследований из других областей социогуманитарного знания, но применяют их к социологическому взгляду на изучение образов регионов, то можно констатировать здесь междисциплинарность (Ним Е. Г.).

Наконец, перейдем к результатам изысканий исследователей. В первой группе исследований — изучение образов регионов в СМИ федерального значения: угаданы признаки влияния региональных элит на конструирование образов регионов и признаки наличия целенаправленного конструирования образов региона (структурированная и сбалансированная подача информации с акцентом на позитивные характеристики региона), выявлены имиджевые стратегии, или приемы конструирования образов регионов (транслирование медиасообщений исключительно позитивного характера, сбалансированная подача информации, инверсия содержания информации и пр.) [1]. В исследованиях образов регионов в сети Интернет авторы приходят к заключению, что интернет-пространство с одной стороны уже имеет обилие информации о каком-либо регионе, с другой стороны, это пространство требует особого внимания при конструировании требуемого образа. Для этого требуется использовать информационные ресурсы сети с высокой посещаемостью, необходимо организовывать наполнение сообщений качественной информацией, необходим постоянный мониторинг информации, появляющейся в сети о регионе, что должно стать предметом политики региональных властей [9]. В исследованиях образов регионов в сознании населения. В первом случае это выявление эмоциональных и оценочных аспектов восприятия региона населением и выявление элементов, составляющих образ региона в сознании населения — это объекты природной среды, поселенческой среды (архитектурные, хозяйственные, культурно-исторические и т. д.) [2]. Во втором случае это выделение четких критериев местных сообществ, главным из которых является пользование территорией проживания, а также и элементы образов регионов в сознании представителей этих сообществ: масштаб и контекст восприятия, представления о местных широко известных особенности, актуализированное личностное восприятие территории, социальное восприятие территории [10]. Результатами исследований образов Запады/Востока в восприятии населения являются некоторые ассоциативные ряды, которые являются составными стереотипа. В частности они показывают на-

личие позитивных стереотипных представлений о Востоке и бинарных стереотипных представлений о Западе [3; 4]. Наконец для последней группы это стали возможные направления исследовательского интереса: медийные способы конструирования особенностей регионов, медийные и немедийные факторы конструирования образов регионов; особенности конструирования образов регионов различными типами медиа: от газет и журналов до кинематографа; связь медийных образов территорий с «чувством места» различных социальных групп для выяснения конструирующей эффективности массмедиа [8].

Все исследователи высказывают согласие с точкой зрения того, что позитивные образы регионов являются важным фактором конкурентоспособности регионов и источником его внутреннего развития. По первой группе исследований — результаты их взаимодополняют друг друга (Богатова О. В., Ратникова А. И.), Вызывает некоторое возражение лишь суждение о наличии влияния региональных элит на конструирование образов регионов исключительно по структурированности и сбалансированности информации, все-таки для выяснения этого требуется непосредственное изучение. Наблюдаются расхождения видения элементов образов регионов в сознании населения: в одном случае таковыми являются именно объекты региона (Богатова О. В., Чиркова О. Н.), во втором — различные восприятия регионов (Щербатова И. В.). В исследованиях образов Запады/Востока вызывает критическое замечание несоответствия между заявкой на изучение их формирования в России, в то время как приводится эмпирика по студенческим группам, что сужает значение выводов (Гузенина С. В.).

Т. о. ни в одном исследовании не представлена полностью линия заказчик — конструирующий образы регионов — образы регионов в сознании целевых групп — взаимосвязь между сформированным образом и потенциальными линиями поведения, что впрочем, связано с объективными сложностями, т. о. комплексных исследований, представляющих этот процесс целостно не наблюдается. Что касается частных: не исследовались заказчики образов регионов (региональные элиты), не исследовались те, кто непосредственно формирует образы, по крайней мере, непосредственно, не исследовались влияния, которые потенциально могут оказывать региональные образы, сформированные в сознании населения на возможные линии поведения по отношению к региону. Не получили исследовательского света и вопросы влияния на линии поведения конкретных социальных групп, причем, групп как внутри региона, так и групп вне региона, чей образ конструируется. Не рассмотрены вопросы формирования образов регионов в системе образования на различных уровнях, формируют ли в данной системе региональные образы у учащихся работники учебных заведений. Не подвергалось сомнению формула позитивный образ региона => повышение конкурентоспособности региона и активизация его внутренних источников развития, действительно ли позитивный образ

региона способен благотворно влиять на поведение инвесторов. Не исследована взаимосвязь между характером образов регионов и туристическим поведением. Наконец, не исследовались вопросы конструирования образов ре-

гионов и их влияния в формировании региональной идентичности населения. Т. о. следует заключить, что данная тема имеет широкий исследовательский горизонт для социологии.

Литература:

1. Богатова, О.В. Формирование социокультурных образов финно-угорских республик в медиадискурсе федеральных средств массовой информации // Финно-угорский мир, 2013, № 4, с. 97–103.
2. Богатова, О.В., Чиркова О.Н. Формирование этнокультурного образа Республики Мордовия в региональном брендинге // Регионоведение, 2013, № 3 (84), с. 68–75.
3. Гузенина, С.В. К вопросу о формировании образа Востока в России // Теория и практика общественного развития, 2011, № 2, с. 24–36.
4. Гузенина, С.В. Образ Запада в российском массовом сознании // Современные исследования социальных проблем, 2011, Т. 5, № 1, с. 264–267.
5. Лубский, А.В. Гуманизация и конструктивизм в социально-гуманитарных науках // Гуманитарий Юга России, 2012, № 3, с. 63–80.
6. Лубский, А.В. Когнитивная ситуация в социально-гуманитарном познании // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2008, № 8, с. 14–19.
7. Лубский, А.В. Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность // Научная мысль Кавказа, 2011, № 4, с. 19–29.
8. Ним, Е.Г. Медийный образ территорий: социологический анализ // Философия социальных коммуникаций, 2013, № 3 (24), с. 119–125.
9. Ратникова, А.И. Особенности формирования медийного образа региона (на примере Ульяновской области) // PR реклама: традиции и инновации, 2011, № 6–2, с. 7–10.
10. Щербакова, И.В. Методика измерения образа территории // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса/РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ, М.: РОС, 2012, 5411–5413.

Социокультурный экскурс в историю наказания за преступления, совершённые с помощью лжи и обмана

Рябинская Татьяна Сергеевна, аспирант
Донской государственный технический университет, филиал в г. Шахты

В настоящей работе проведён обзор нескольких мировых памятников права (свод Законов Хамурапи, закон XII таблиц, Русская Правда, Судебник 1550 года, Воинский Артикул) на предмет наказаний, предусмотренных для лиц, совершивших преступление с помощью лжи и обмана; дана оценка мер, определённых тем или иным законом, с учётом своеобразия социокультурного контекста.

Ключевые слова: *ложь, обман, памятник права, преступление, наказание, мошенничество, клевета, социум, культура.*

Человечество давно осознало негативную природу лжи, а потому с незапамятных времён занималось созданием правового инструментария для предупреждения и наказания самых опасных — преступных — её проявлений. Исторические памятники права в переводах исследователей позволяют нам сегодня узнать, насколько сурово каралась злонамеренная ложь в прежние времена — и что таковой считалось, попутно воссоздавая культурные контексты изучаемого феномена в разных социумах.

Так, один из древнейших законодательных сводов — Свод законов Хаммурапи — созданный приблизительно в 1750-х годах до нашей эры — демонстрирует, что шумерские правовые традиции были непримиримы по отношению к лжесвидетелям: «Если человек клятвенно обвинил человека, бросив на него обвинение в убийстве, но не доказал его, то обвинитель его должен быть убит». [1] Не менее сурово древний месопотамский закон относился и к недобросовестным истцам: «Если хозяин

пропавшей вещи не привел свидетелей, знающих его пропавшую вещь, то он — лжец, он возвел напраслину и должен быть убит». [1]

Мошенничество двуреченцы наказывали столь же строго: «Если шинкарка не принимала зерно в качестве платы за сикеру или принимала серебро большой гирей, или уменьшала отношение стоимости сикеры к зерну, то эту шинкарку должно изобличить и бросить ее в воду». [1] Представить себе появление такой законной статьи безо всякого повода невозможно — очевидно, интересы потребителей древнего хмельного напитка — сикеры — действительно нуждались в защите.

Жестокая и позорная кара ждала и того, кто пытался запятнать женскую честь: «Если человек указал пальцем на энтум (жрицу) или жену другого человека, но не уличил ее, то этого человека должно избить перед судьями и половину его головы должно обрить». [1]

Поскольку вавилонское общество было рабовладельческим, то многие предписания древнего законодательного свода касались урегулирования правовых отношений между рабом и его господином. Рабы имели определённые знаки отличия, избавляться от которых самовольно не имели права: «Если человек обманул цирюльника, и тот сбрил рабский знак у чужого раба, то этого человека должны казнить и повесить у ворот, а цирюльник должен поклясться: «Если бы я знал, я бы не выбрил», и он будет оправдан». Тяжкое телесное наказание влекло за собой незаконное отречение раба от его владельца: «Если раб сказал своему господину: «Ты — не мой господин», то он должен уличить его в том, что он — его раб, а затем его господин может отрезать ему ухо». [1]

Первый писанный источник древнеримского права — Закон XII таблиц, — создание которого относится к 450–451 году до нашей эры, так же содержит пункт, оговаривающий наказание для того, «кто злую песню распевает» [2] — иначе говоря, клеветника. Таковым была смертная казнь.

О том, как на американском континенте в доколумбовый период со лжецами поступало правосудие инков, рассказано в летописи историка Перу и Конкисты Фелипе Гуамана Помы де Айялы (прибл. 1536–1616 гг.) под названием «Первая новая хроника и доброе правление». Индейская цивилизация предназначала провинившимся и изобличённым во лжи страшную кару, исполнение которой имело особый ритуал: «...наказание лжецов и лжеклянувшихся сопровождалось словами: «Он говорит ложь, он — обманщик и лжец, он лжесвидетельствует против Солнца ... и Матери-Земли». Их наказывали ... ударами плети, называемой уаукин сонго, сделанной из веревки из волокна питы. На конце плети находились две полосы размягченной кожи со вделанными в них камнями, размером и формой напоминавшие детские ботинки. Двадцать ударов такой плетью размлачивали внутренности. Таким было наказание для вероломцев — касиманта на какук, «дающих лживо клятву». [3]

Сборник же правовых норм Древнерусского государства — Русская правда, дату написания которого относят к XI веку, — одним из своих положений предусматривал для обманщиков штрафные санкции: «Если кто будет взыскивать с другого деньги, а тот станет отказываться, то идти ему на суд 12 человек. И если он, обманывая, не отдавал, то истцу можно (взять) свои деньги, а за обиду 3 гривны». [4]

Впрочем, из 58-й статьи Судебника 1550 года явствует, что практика телесного наказания применялась для лжецов и на Руси: «А кто виноватой солжет на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначее, или на дьяка, или на подъячего, а обыщетца то в правду, что он солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью, биты Кнутъем, да вкинути в тюрьму». [5] Статья 58 Судебника определяла мошеннику такое же наказание, телесные мучения ждали и обманщика: «А мошеннику та ж казнь, что и татю. А хто на оманщике взыщет и доведут на него, ино у ишеи иск пропал. А оманщика, как его мы приведут, ино его бити кнутъем». Согласно мнению большинства исследователей, именно в этой статье Судебника впервые в истории русского права появляется сам термин мошенничество (от слова «мошна» — кошелёк).

Исключительной строгостью и жестокостью по отношению к обманщикам отличались положения «Артикула воинского», изданного по указу Петра I в 1715 году и содержащего юридические нормы общего значения.

По поводу наказаний для клеветников в этом российском источнике права имперской поры была выделена специальная глава — «Глава восемнадцатая — о поносительных писмах бранных и ругательных словах», — содержащая следующий артикул: «Кто паскивли, или ругательныя письма тайно сочинит, прибьет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его доброму имени некакой стыд причинен быть может, онаго надлежит наказать таким наказанием, каковою страстию он обруганного хотел обвинить. Сверх того палач такое письмо имеет зжечь под виселицею». [6]

Телесные наказания и бесчестье предназначались Артикулом для «фальшивых печатей, писем и росхода сочинителей» и тех, «кто мерою и весом лживо поступит». Того, кто «учинил лживую присягу», лишали двух пальцев, которыми он присягал и отправляли на каторгу. Самое же жестокое и позорное наказание ожидало фальшивомонетчиков — уличённых в таком преступлении сжигали.

Помимо лжеприсягнувших, фальшивомонетчиков и мошенников, петровский закон преследовал и тех, «кто с умыслу, лживое имя или прозвище себе примет». Конкретное наказание, помимо бесчестья, для таких лиц артикулом не оговаривалось — видимо, решение о нём выносилось индивидуально в зависимости от причинённого вреда, однако же в «толковании» к артикулу сформулировано смягчающее вину обстоятельство: «А ежели кто без обмана и без всякаго вредительнаго намерения, но от страху себе наказания на теле или живота лишения,

имя свое переменит, оно никак не надлежит наказывать. И такое ему применение имяне в правах допущаетца, и не запрещается».

Из последнего можно заключить, что правосудие петровской эпохи допускало существование лжи «без обмана» и смотрело на неё снисходительно. Примечательно, что и современные исследователи ныне действующего отечественного уголовного права, в числе которых Ю. Ю. Малышева, считают, что российским законодательством, категория «ложь» рассматривается как более широкое понятие, чем обман. [7] Исследователь Е. В. Медведев отмечает, что в системе УК РФ можно выделить как преступления, в которых ложь составляет содержание самого преступного деяния — клевета, лжесвидетельство, заведомо ложный донос, — так и преступления, в которых она выступает одним из атрибутивных признаков. [8] В общей же сложности российский закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на определённый

срок для более чем 40 видов преступлений, совершаемых с помощью лжи и обмана, в числе которых, помимо названных, контрабанда, фальсификация документов, фиктивное банкротство, уклонение от уплаты налогов, служебный подлог и многие другие. [9]

Как показал проведённый обзор исторических памятников права, древнейшими преступлениями, совершёнными посредством лжи, каковой, очевидно, считалось умышленное искажение истины с намерением ввести других в заблуждение, являются клевета и лжесвидетельство. Древнейшим же наказуемым обманым действием, совершаемым в целях извлечения материальной выгоды, было мошенничество. Примечательно, что мировая карательная практика предусматривала крайне суровые наказания для людей, совершивших преступления такого рода. Несмотря на культурные отличия, разновременные и разнoproстранственные социумы проявляли в этом вопросе весьма показательное и жестокое единодушие.

Литература:

1. Свод Законов Хамураппи [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm> (дата обращения: 17.04.2015)
2. Законы XII таблиц [Электронный ресурс] URL: <http://ancientrome.ru/gosudar/12.html> (дата обращения: 17.04.2015)
3. Фелипе Гуаман Пома де Айяла. Первая новая хроника и доброе правление. [Электронный ресурс] URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GUAMAN_POMA_DE_AYYALA_Filipe/_Guaman_Poma_de_Ayyala_F.html#001 (дата обращения: 18.04.2015)
4. Русская правда в краткой редакции (по пособию Тихомирова М. Н.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/3.htm> (дата обращения: 18.04.2015)
5. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства [Электронный ресурс] URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_roszac_ii/ist_roszac_II_1550.htm (дата обращения: 18.04.2015)
6. Артикул Воинский от 26 апреля 1715 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 18.04.2015)
7. Малышева, Ю. Ю. Преступления, совершаемые путём обмана, по Уголовному Кодексу РФ [Электронный ресурс] URL: <http://old.tisbi.org/science/vestnik/2012/issue1/Malyшева.pdf> (дата обращения: 19.04.2015)
8. Медведев, Е. В. Ответственность за ложь по российскому уголовному законодательству [Электронный ресурс] URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media61819/40%20Med%20EV.pdf (дата обращения: 19.04.2015)
9. Уголовный Кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 19.04.2015)

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 10 (90) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешнев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
E-mail: info@moluch.ru
<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4